

Тартуский
государственный
университет

Interlinguistica Tartuensis

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 613 · ВЫПУСК ОСНОВАН В 1893.г.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ
ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

INTERLINGUISTICA TARTUENSIS

I

Сборник
в честь семидесятилетия академика
Пауля Александровича Аристе

ТАРТУ 1982

Редакционная коллегия:

В.П. Григорьев, А.Д. Дуличенко, С.Н. Кузнецов,
М. Линнамяги, П. Нурмекунд, С.В. Смирнов, Х. Ыйм

Ответственный редактор А.Д. Дуличенко

Ученые записки Тартуского государственного университета.

Выпуск 613.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ.

Interlinguistica Tartuensis I.

Сборник в честь семидесятилетия академика

Пауля Александровича Аристэ.

на разных языках.

Резюме на разных языках.

Тартуский государственный университет.

ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Эликооли, 18.

Ответственный редактор А. Дуличенко.

Подписано к печати 2.07.1982.

МВ 07065.

Формат 60x90/16.

Бумага писчая.

Машинопись. Роталпринт.

Учетно-издательских листов 10,18.

Печатных листов 12,5.

Тираж 450.

Заказ № 694.

Цена 1 руб. 50 коп.

Типография ТГУ, ЭССР, 202400, г.Тарту, ул.Пялсона, 14.

6 - 2

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Предпринимаемая Тартуским государственным университетом серия "Interlinguistica Tartuensia" посвящена сравнительно молодой отрасли языковедения - интерлингвистике, занимающейся исследованием лингвистического, философского, исторического, социологического, психологического и общекультурного аспектов международного вспомогательного (и всемирного) языка. Актуальность поднимаемой проблематики в наше время очевидна: растут и расширяются различного рода контакты между народами и странами, стремительными темпами увеличивается объем научно-технической информации, что само по себе, естественным образом ставит вопрос и о языковом средстве международного общения.

Перед нами давние и славные отечественные интерлингвистические традиции, которые следует развивать и углублять. В мировой интерлингвистике хорошо известны работы по вопросам международного языка, вышедшие из-под пера И.А. Бодуэна де Куртене, П.Е. Стояна, Н.В. Юшманова, Э.К. Дрезена, Е.А. Бокарева, П.А. Аристе, Я.В. Доя, Э.П. Сवादоста и др. В послевоенное время интерлингвистические исследования активизировались в Институте языкознания АН СССР, где по инициативе проф. Е.А. Бокарева была создана секция интерлингвистики. Выполняя постановление Президиума АН СССР от 18 октября 1973 года о необходимости "изучить вопрос о вспомогательном языке международного общения, возможностях его использования в современных условиях", секция подготовила и выпустила сборник "Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков" (1976), получивший положительные отклики как у нас в стране, так и за рубежом.

В Тартуском государственном университете (и шире - в Эстонии) интерлингвистическая проблематика развивается под воздействием акад. П.А. Аристе, юбилей которого и посвящен первый выпуск нашей серии. В университете стало традицией включать проблематику международного языка в лекции по языковедению, стимулировать написание студентами дипломных работ по интерлингвистике; для студентов филологического факультета читается специальный (годовой) курс "Основы интер-

лингвистики", в последние годы ведется также работа по созданию учебного пособия "Введение в интерлингвистику".

Серия "Interlinguistica Tartuensia" ставит своей целью публикацию общетеоретических исследований по различным проблемам интерлингвистики, в которых их авторы развивали бы диалектико-материалистическое учение о языке и языковом развитии современного человечества. Представляется важным сбор и обобщение под интерлингвистическим углом зрения материала как живых языков, так и лингвопроектов и функционирующих международных вспомогательных искусственных языков. В качестве одной из существенных проблем современной интерлингвистики выступает история науки о международном языке, истоки которой уходят в раннее средневековье. Здесь еще надо много сделать. Редакционная коллегия серии планирует регулярное помещение материалов исторического характера. При этом следует всячески приветствовать начавшееся планомерное исследование основных этапов истории международного языка в Эстонии. По возможности на страницах серии будут печататься также рукописные и малоизвестные материалы и работы по международному языку отечественных интерлингвистов, имеющие теоретическое значение и для общелингвистической науки. Редакционная коллегия надеется также давать рецензии и обзоры интерлингвистических новинок, вопросов движения за международный язык в современном мире, библиографические обзоры по всем аспектам интерлингвистики. В целях отражения достижений современной интерлингвистики в серии "Interlinguistica Tartuensia" интерлингвистические издания и материалы следует направлять на имя ответственного редактора.

+ + +
+

La eldonata de Tartua Ŝtata Universitato scienca serio "Interlinguistica Tartuensia" estas dediĉita al la problemoj de internacia helpa kaj tutmonda lingvo. La aktualeco de interlingvistika problemaro en nia tempo estas evidenta: kreskas kaj disvastiĝas diversaj kontaktoj inter popoloj kaj landoj, per impetega rapideco plialtiĝas amplekso de scienc-teknika informado ktp.

Ni havas mondkonatan interlingvistikan tradicion de J. Baudouin de Courtenay, N.V. Juŝmanov, P.E. Stojan ĝis E.A. Bokarev kaj P.A. Ariste. Ni devas plus evolui tiun tradi-

cion. Tiurilate estas esperiga la agado de interlingvistoj en la Instituto de lingvoscienco ĉe la Akademio de Sciencoj de USSR en Moskvo kaj en la Universitato de Tartu, kie problemoj de internacia helpa lingvo estas regule studataj kaj esplorataj.

"Interlinguistica Tartuensis", kies unua volume estas dediĉita al la jubileo de akademiano Paul Ariste, publikigas esplorojn, kiuj kontribuos al la plua evoluo de materialisma koncepto de lingvo kaj lingva situacio de la nuntempa homaro. Krom esploroj pri diversaj problemoj de ĝenerala kaj speciala interlingvistiko, ni publikigos materialojn el la historio de internacia lingvo; ni planas ankaŭ recenzi interlingvistikajn noveldonaĵojn kaj revui aspektojn de internacilingva movado en la mondo ktp. La redakta komitato estas interesita pri la ricevo de interlingvistikaj eldonaĵoj kaj petas sendi ilin al la ĉefa redaktoro de "Interlinguistica Tartuensis" (adreso de la Universitato aŭ persona adreso: 202400 Tartu, P.K. 31).

АКАД. П.А. АРИСТЭ И ИНТЕРЛИНГВИСТИКА

А.Д. Дуличенко

В 1980 г. Тартуский государственный университет отметил 75-летие выдающегося эстонского языковеда академика Пауля Александровича Аристе, ученого с мировым именем в области финноугорского и общего языкознания. Свыше 700 научных работ акад. П.А. Аристе посвящены различным проблемам фонетики и грамматики, лексикологии и этимологии эстонского, водского, вепского, ливского, карельского, ижорского, мордовских, коми, финского языков, вопросам древних и новейших индоевропейско-прибалтийско-финских языковых отношений, языку и фольклору прибалтийских цыган, эстонских шведов и др. Этих лингвистических достижений могло и не быть, если бы в юности не появилась восхитившая гимназиста идея международного вспомогательного языка, которая оттеснила первоначальные планы посвятить себя ботанике. Позднее, будучи уже академиком, П.А. Аристе признается: "Эсперанто привел меня к языкознанию и почитанию всех народов и национальностей" ("Esperanto kondukis min al lingvoscienco kaj respektado de ĉiuj popoloj kaj nacioj"). Так в одном исследователе совместились неугасающий интерес к проблемам международного вспомогательного и единого общечеловеческого языка и страстный энтузиазм к изучению самого маленького языка финноугорской семьи - водского, который в настоящее время является родным для двух десятков человек. Не случайно первая статья П.А. Аристе о другом маленьком финноугорском народе - ливах появляется на международном языке эсперанто в кельнском журнале "Esperanto Triumfonta" (1921).

Послевоенное развитие интерлингвистики в СССР в значительной мере обязано усилиям профессора Е.А. Бокарева (кстати, одновременно занимавшегося также и самыми маленькими языками Дагестана) и академика П.А. Аристе. Оба ученых внесли важный вклад в разработку теоретических положений о международном языке и своим авторитетом способствовали утверждению интерлингвистической проблематики в лингвистической науке.

Акад. П.А. Аристе принадлежит около двух с половиной

десятков статей, заметок и рецензий интерлингвистического и эсперантологического характера, написанных в период между 1921 и 1978 гг. (см. прилагаемую "Библиографию работ акад. П.А. Аристе в области интерлингвистики и эсперантологии"). При этом важно заметить, что до войны интересы П.А. Аристе проявляются преимущественно к эсперанто.

В 1923 г. совместно с известной эстонской эсперантисткой Хелми Дрезен он составляет изданный отдельной книжкой "Эсперантский ключ" ("Esperanto vöti"), а в 1927 г. участвует в создании эсперантско-эстонского словаря ("Esperanto-Eesti sõnastik"). Интерес к лексикологии и словообразованию эсперанто проявлялся также и в том, что П.А. Аристе обращает свое внимание на вопросы образования и функционирования естественно-научных терминов в международном языке. Так появляются его заметки "О нескольких естественно-научных терминах" ("Pri kelkaj natursciencaj terminoj", 1924) и заметка о зоологических названиях "Päevakoer-arktlo" (1925).

Вторым направлением интересов П.А. Аристе в этот период была эсперантская фонетика, к занятиям которой его побудили наблюдавшиеся в эсперантской речи эстонцев специфические отклонения от норм эсперантского произношения. Нарушения нормативного эсперантского произношения обусловлены влиянием фонетической системы родного языка. П.А. Аристе выявляет круг тех элементов эсперантской фонетики, которые представляют особую трудность для говорящих на эстонском языке, и предлагает ряд приемов, пользуясь которыми можно приблизиться к правильному произношению в международном языке. Этому специально посвящены заметки "О произношении" ("Pri la prononcado", 1924) и "Маленькое важнейшее напутствие для говорящих по-эсперантски" ("Eta gravega atentigo por Esperantaj paroladistoj", 1925). В последней заметке молодой лингвист обращает также внимание на необходимость нормативного использования эсперантских грамматических правил; в этом же плане он занимается и анализом языка журнала "Известия Эсперанто-ассоциации Эстонии", на страницах которого публикует практически все свои довоенные эсперантологические работы (статья "Pri la lingvo de 'Informoj'", 1926).

Используя международный вспомогательный язык, П.А. Аристе пропагандирует в эсперантской печати знания о культуре и истории маленьких финноугорских народностей. Вслед за упомянутой уже статьей "Ливы" ("La livoj", 1921), в будапештском журнале "Literatura Mondo" появляется и статья "О ливской

литературе" ("Pri la viva literaturo", 1923); в 1925 г. в этом же издании выходит и его работа об эстонском писателе Эдуарде Вильде. Молодой ученый внимательно следит за новинками эсперантской и эсперантологической литературы. В издававшемся до войны в Таллине журнале "Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio" находим его рецензию об эстонско-эсперантском словаре Якоба Розенберга (1923), на книгу болгарина Ивана Х. Костанова "El la Proksima Oriento" (1925) и др.

В послевоенное время внимание акад. П.А. Аристе все больше обращается в сторону общей, интерлингвистической проблематики. В 1960 г. таллинский журнал "Keel ja Kirjandus" публикует его большую статью "К вопросу об искусственном языке" ("Kunstliku keele küsimus"), в которой дается определение интерлингвистики (эстон. *interlingvistika*), рассматривается языковая ситуация в мире и основные этапы развития идеи всеобщего (и международного) языка с преимущественным вниманием к историко-культурной и структурно-грамматической характеристике волапюка, эсперанто, ido, окцидентала (интерлинге) и языка новиаля, созданного датским лингвистом Отто Есперсеном. В этой работе П.А. Аристе выразил свое интерлингвистическое кредо следующим образом: "Искусственный язык, который претендует на положение международного вспомогательного языка, должен быть по лексике и грамматике настолько интернациональным, насколько это можно. Язык должен быть легко изучаемым и стабильным, но все-таки способным развиваться". В дальнейшем в статье "Получит ли человечество общий язык?" ("Kas inimkond saab ühiskeele?", 1978) и особенно в работе "Несколько слов об искусственных языках" ("Mõni sõna tehiskeelset", 1971) первый тезис будет развит и дополнен: международный вспомогательный язык (эстон. *rahvusvaheline abikeel*), созданный искусственно, не должен быть совершенно новым по своему словарному составу и не должен разительно отличаться в структурном плане от живых языков; следует использовать элементы, которые имеются в существующих языках и которые (элементы) уже стали международными. Иными словами, языковое достояние, выработанное веками и тысячелетиями всем человечеством, не должно игнорироваться при создании международного вспомогательного языка; напротив, это достояние необходимо моделировать так, чтобы все наиболее рациональные его элементы нашли свое отражение в грамматической и словарной структуре общего языка. Принцип а posteriorизма требует реализации и второго тезиса об

эволюции языковой системы в направлении ее совершенствования и обогащения все новыми элементами и признаками, т.е. так, как в целом это характерно для живых национальных языков.

Видимо, в этом заключается смысл отношения акад. П.А. Аристэ к эсперанто, который он считает наиболее удачным языком из всех предлагавшихся проектов международного искусственного языка, поскольку эсперанто, при значительно рационализированной его грамматике, сохраняет все же достаточно четкие связи с живым языковым материалом - романским, германским, частично славянским и др.

С теоретической деятельностью в области эсперантологии и интерлингвистики тесно связано и практическое участие акад. П.А. Аристэ в движении за международный язык. В молодости, испытывая большие материальные трудности, П.А. Аристэ тем не менее стремился быть в русле организованных интерлингвистических и эсперантских мероприятий. Так, в 1922 г. он принял участие в четырнадцатом Всеобщем конгрессе эсперанто (*Universala Kongreso de Esperanto*) в Хельсинки, а в следующем году - в пятнадцатом конгрессе в Нюрнберге, на который, кстати заметить, съехалось 4 963 делегата из многих стран мира. Участие в столь представительных форумах, на которых был слышен только один язык, воодушевляет молодого эсперантиста, и он принимает окончательное решение стать лингвистом.

Будучи учеником, он знакомится в Таллине с известными эстонскими эсперантистками Хелми Дрезен и ее сестрой Хильдой; с их помощью он встречается и с всемирно известными деятелями эсперантской литературы венграми Дьюлой Багъя и Кальманом Калочаем. Позднее П.А. Аристэ устанавливает контакт и длительное время переписывается с крупным эсперантским деятелем Финляндии Вилхо Сетяля. В Таллине он познакомился и имел длительные беседы с создателем проекта международного искусственного языка окциденталь (позднее названного также интерлинге) Эдуардом Валем. Однако язык окциденталь не привлекает симпатий П.А. Аристэ, поскольку в структурно-грамматическом плане сильно приближен к живым языкам, прежде всего романским. Позднее П.А. Аристэ все же оценит вклад Э. Вала в развитие интерлингвистической мысли в Эстонии (статья "Ea Wahl - interlingvistika arendaja", 1967). Многолетняя переписка акад. П.А. Аристэ с корреспондентами разных стран по вопросу международного языка хранится в Литературном музее г. Тарту (фонд акад. П.А. Аристэ).

Вся жизнь акад. П.А. Аристе́ связана с Тартуским университетом, где благодаря его эсперантологической и интерлингвистической деятельности впервые в нашей стране получено право и осуществляется прием экзаменов по эсперанто у преподающих этот язык. В курсы введения в языковедение и общего языковедения, которые академик читает ежегодно для студентов филологического факультета, неизменно включается и интерлингвистическая проблематика; факты из эсперанто и других международных искусственных языков используются также и в его лингвистических исследованиях, как бы подтверждая сказанные им однажды слова: "Нет такого языка, из которого нельзя получить ценных данных для разрешения различных языковых проблем". По вопросам интерлингвистики и эсперанто в частности акад. П.А. Аристе́ неоднократно выступал по радио, с докладами - на научных конференциях и заседаниях Общества родного языка (*Emakeele Selts*).

Акад. П.А. Аристе́ воспитал ряд молодых интерлингвистов. Внимание его к молодому поколению проявляется и в активном обсуждении интерлингвистических проблем, и в практической помощи, связанной с выбором темы и поисками материалов, рецензированием работ и выступлениями в качестве оппонента студенческих дипломных работ по интерлингвистике. Акад. П.А. Аристе́ является членом интерлингвистической секции Тартуского Эсперанто-клуба и членом руководства недавно организованного Эстонского отделения всесоюзной Ассоциации советских эсперантистов (АСЭ). В 1968 г. действующая в Париже международная Академия эсперанто (*Akademio de Esperanto*) избирает акад. П.А. Аристе́ своим членом (на два срока, т.е. до 1973 года), и он становится четвертым представителем Советского Союза в этой организации (ранее ее членами были избраны проф. Е.А. Бокарев, акад. С.В. Обручев и акад. Г.Г. Севак). Академия, в соответствии с мнением своих членов, призвана решать вопросы, связанные с эволюцией грамматической структуры и словарного состава языка эсперанто. В 1969 г. Центр исследования и документации при Всеобщей эсперанто-ассоциации (*Centro de Esploro kaj Dokumentado de Universala Esperanto-Asocio*) начинает издавать в Гааге международный (интер)лингвистический журнал "*La Monda Lingvo-Problemo*", в редакционный комитет которого от Советского Союза избираются акад. П.А. Аристе́ и проф. Е.А. Бокарев - оба по лингвистическим аспектам языковой ситуации в мире и решению вопроса о между-

народном языке (с 1977 г. журнал издается под названием "Lingvaj Problemoj kaj Lingvo-Planado").

Высокий международный авторитет акад. П.А. Аристе благотворно сказывается на утверждении и дальнейшем развитии как у нас в стране, так и за рубежом интерлингвистических исследований, важность и актуальность которых становится все очевиднее, ибо, как считает ученый, "(международный) искусственный язык - это не утопия, а большое достижение человеческого разума, а каждое достижение должно развиваться дальше".

Библиография

работ акад. П.А. Аристе в области
эсперантологии и интерлингвистики

- 1921 La livoj. -- In: Esperanto Triumfonta, Köln, 1921, N 57, 6.11, p. 1.
- 1923 Pri la liva literaturo. - In: Literatura Mondo, Buda-
pest, 1923, N 1, p. 18.
- Рец: Jakob Rosenberg. Eesti-Esperanto sõnastik. - In:
Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1923,
N 1 (21), p. 5-6.
- Esperanto vöti. - Naapsalu, 1923, 32 lk. Совместно с
Helmi Dresen.
- Esperantem střední a východní Evropou. - In: Esperants-
ký zpravodaj, Praha, 1923, N 10, s. 83-85.
- 1924 Pri kelkaj natursciencaj terminoj. - In: Informoj de Es-
peranto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1924, N 2 (24), p.
14.
- Respondo al demando 11. - In: Informoj de Esperanto-Aso-
cio de Estonio, Tallinn, 1924, N 2 (24), p. 15.
- Samideana letero. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de
Estonio, Tallinn, 1924, N 3 (25), p. 23-24.
- Pri la prononcado. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de
Estonio, Tallinn, 1924, N 4, p. 29.

- 1925 Eduard Wilde. - In: Literatura Mondo, Budapest, 1925, N 8, p. 115-116.
- Eta gravega atentigo por Esperantaj paroladistoj. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1925, N 7 (41), p. 45.
- Päevakoer-arktio. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1925, N 9 (43), p. 56.
- Рец.: Ivan H. Kostanov. El la Proksima Oriento. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1925, N 11-12 (45-46), p. 76.
- 1926 Metodoj de propagando de Esperanto. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1926, N 9 (55), p. 57-58.
- Kelkaj diroj de estonaj lingvistoj pri internacia lingvo. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1926, N 11-12 (57-58), p. 77.
- Pri la lingvo de "Informoj". - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1926, N 11-12 (57-58), p. 77-78.
- 1927* Pri Volapük. - In: Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1927, N 8-9 (66-67), p. 52.
- Esperanto-Eesti sõnastik. - Tallinn, 1927, 240 lk. Совместно с другими авторами.
- 1956 Esperanto - rahvusvahelise suhtlemise tähtis vahend. - In: Tartu Riiklik Ülikool, Tartu, 1956, N-17, 18.5, lk. 1.
- Esperanto tähtsusest. - In: Edasi, Tartu, 1956, N 137, 11.7, lk. 2.
- 1960 Kunstliku keele küsimus. - In: Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1960, N 5, lk. 263-269.
- 1967 Ed. Wahl - interlingvistika arendaja. - In: Noorte Hääl, Tallinn, N 12, 14.2, lk. 2.

* До 1927 г. статьи, заметки и т.д. появлялись под псевдонимами Lepus, Ano de Vo-Ko, P. Ahula, P.A., Filologo, Studento и под фамилией Paul Berg.

1971 Mõni sõna tehiskeelest. - In: Noorus, Tallinn, 1971, N 10,, lk. 70-71.

La III-a internacia kongreso de finno-ugristoj. - In: Paco, Moskvo, 1971, N 2, p. 50-51.

1978 Kas inimkond saab ühiskeele? - In: Küsimused ja vastused. XX. Tallinn, 1978, N 2, lk. 33-37.

Akad. P.A. Ariste kaj interlingvistiko

Aleksandr D. Duličenko

En la jaro 1980 la Universitato de Tartu solenis 75-jaran jubileon de la elstara estona lingvisto akademiano Paul A. Ariste, mondkonata sciencisto en sfero de la finnougra kaj ĝenerala lingvistiko.

La artikolo estas dediĉita al la interlingvistika agado de akad. P. Ariste, ekkomenciganta en la jaro 1921 kaj antaŭe estis ligita kun okupiĝoj pri Esperanto. Esperanto kondukis la estontan akademianon al la lingvoscienco. Ĝis la Dua mondmilito akad. P. Ariste precipe okupiĝis pri esperantologiaj problemoj, interalie ankaŭ pri kompilado de esperantaj vortaroj (li estas unu el aŭtoroj de "Esperanto-estona vortaro", 1927). Post la milito akad. P. Ariste sin turnas al la problemoj de interlingvistiko, konsiderante, ke "internacia artefarita lingvo estas ne utopio, sed - granda atingaĵo de la homa racio, kaj ĉiu atingaĵo devas evolui - gota plue". Akad. P. Ariste multe agadas por la konfirmo kaj propagando de interlingvistikaj esploroj en la Universitato de Tartu, envicigante en siajn prelegojn pri ĝenerala lingvistiko ankaŭ materialon pri diversaj demandoj de la lingvo internacia. Akad. P. Ariste edukis kaj edukas junajn interlingvistojn, kiuj okupiĝas pri diversaj problemoj de nia scienco. Akad. P. Ariste estas membro de la Interlingvistika sekcio ĉe la Esperanto-klubo de Tartu kaj membro de la Estona filio ĉe la Asocio de sovetaj esperantistoj. De la jaro 1968 ĝis la jaro 1973 li estis membro de la Akademio de Esperanto en Paris, de la jaro 1969 - membro de redakta ko-

mitato de la internacia interlingvistika revuo "La Monda Lingvo-Problemo" (de la j. 1977 - "Lingvaj Problemoj kaj Lingvo-Planado").

Alta internacia scienca aŭtoritato de akad. P. Ariste benefike influadas sur konfirmon kaj pluan evoluon de la interlingvistiko.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

О ПРЕДМЕРЕ И ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

С.Н. Кузнецов

I. Определение интерлингвистики

В настоящее время существует значительное число определений интерлингвистики, по-разному представляющих ее объем, внутренние подразделения и связи с другими разделами языкознания.

Термин "интерлингвистика" является производным от *interlingua* ("международный язык"). Он был предложен в 1911 г. бельгийским исследователем Ж. Меймансом, определившим интерлингвистику как науку о "естественных законах формирования общих вспомогательных языков" [27]. Под "общими вспомогательными языками" Мейманс подразумевает языки любого происхождения - как естественные, так и искусственные, - которые способны выступать в роли посредников при общении людей, владеющих разными родными языками. Формирование вспомогательных языков, по Меймансу, подчинено определенным законам, которые он и предлагает изучать в рамках "новой науки" - интерлингвистики.

К 1931 г. относится официальное "санкционирование" интерлингвистики как отрасли языкознания II Международным конгрессом лингвистов (Женева) [17, 72-108, 245, 246]. С этого времени термин "интерлингвистика" утверждается в языкознании в классическом, хотя и не общепринятом определении О. Есперсена: "Отрасль языкознания, которая исследует структуру и основные понятия всех естественных языков, имея целью установление норм для интеръязыков (*interlanguages*), т.е. вспомогательных искусственных языков, предназначенных для устного и письменного общения между людьми, которые не могут объясниться с помощью родного языка" [22].

Данное понимание предполагает двухърусное членение интерлингвистики: первый ярус обращен к сопоставительному изучению естественных языков и созданию своего рода универ-

сальной грамматики, второй ярус ориентируется на построение вспомогательного искусственного языка. Отчетливая преемственность связывает дефиницию Есперсена с идеями философов ХУП в., впервые поставивших перед наукой задачу создания искусственного языка: еще в 1623 г. Фр. Бэкон писал о необходимости новой науки, которую он называет философской грамматикой и в задачу которой входит синтез некоего совершенного языка на основе сопоставления существующих языков [5, 334], а в 1629 г. Р. Декарт закладывает основания новой науки. Культивировавшаяся в течение веков идея, что искусственный язык должен быть своего рода "квинтэссенцией" естественных языков, в современную эпоху объективно способствовала универсализму интерлингвистической теории, который и отразился в определении Есперсена. Сказанное объясняет, почему интерлингвистические исследования, предпринятые в 30-х и 40-х гг. Э. Сэпиром, М. Сводешом, У. Коллинсоном и др. по инициативе "Ассоциации международного вспомогательного языка", фигурировали под общим заголовком "Основания языка" (Foundations of language), подчеркивавшим их общелингвистический характер. На этой платформе определился интерес к интерлингвистике и участие в работах упомянутой "Ассоциации" таких языковедов, как Ш. Балли, А. Сеше, А. Дебруннер, О. Функе, С. Карцевский, А. Мартине и др.

Однако в послевоенный период (с конца 50-х гг.) в понимании интерлингвистики наметились существенные сдвиги. Интерес к искусственным языкам все чаще проявляется не в связи с построением универсальной теории "языка вообще", а в связи с теми конкретными результатами, применение которых может оказаться полезным для решения актуальных проблем межъязыковой коммуникации, преодоления информационного кризиса в современной науке и т.п. Интерлингвистика все чаще осмыслиется в качестве теории, исследующей возможности преодоления языкового барьера и ту роль, которую международные искусственные языки могли бы сыграть среди других средств межъязыкового общения. Для нынешнего периода в развитии интерлингвистики типичными становятся формулировки, подобные следующему высказыванию В.П. Григорьева: "Интерлингвистика изучает способы удовлетворения потребности в средствах международного общения в его социальном, историко-филологическом и иных аспектах" [6, 41].

Как нам представляется, это формирующееся понимание, в свете которого интерлингвистика вновь, после Мейсманса и Ес-

персона, предстает как "новая наука", чрезвычайно продуктивно, так как интерлингвистика обретает здесь объект исследования, четко соотносящийся с реальностями языковой коммуникации и отграниченный от компетенции других языковедческих дисциплин. Рассмотрим границы и основные проблемы интерлингвистической теории, исходя из вышеуказанного понимания.

Объективное основание для выделения интерлингвистики как языковедческой отрасли заключается в противопоставлении двух типов человеческого общения посредством языка: с одной стороны, можно выделить внутриязыковое общение (общение внутри одноязычного коллектива), с другой - межъязыковое общение (общение представителей разноязычных коллективов). Языковедение изучает по преимуществу внутриязыковое общение; однако сам факт того, что в мире существует, по разным подсчетам, от 2500 до 5000 различных языков, показывает распространенность и той ситуации общения, когда людям приходится преодолевать языковой барьер.

Удельный вес межъязыковой коммуникации в современном мире стремительно возрастает. По данным известного американского лингвиста М. Пейя, в начале ХУП в. (т.е. в эпоху Декарта) вероятность контакта с человеком, говорящим на иностранном языке, составляла доли процента; к началу ХХ в. она поднялась до 2%, в конце 60-х гг. - уже до 20%, а к началу 2000 г. достигнет 50%, тем самым сравнявшись с числом внутриязыковых контактов [28, 3].

Это связано с рядом факторов общественной эволюции: резко увеличилось перемещение разноязычных масс населения (постоянные перемещения, связанные с изменением мест работы, или сезонные, например, массовый туризм: ежегодно более 100 млн. туристов 300 млн. раз пересекают государственные границы). Нарастание международного торгового оборота влечет за собой увеличение языковых контактов (непосредственных - между партнерами по заключению торговых сделок, или опосредованных - благодаря использованию товарных знаков, номенклатуры коммерческих услуг, инструкций к применению товаров и пр.). Исключительно быстро растут прямые и опосредованные контакты в области дипломатических сношений, науки, техники и культуры (в прошлом веке происходил 1 международный конгресс в год, в середине ХХ в. - более 3500).

Радикальные изменения в картину распределения и применения языков внесли процессы освобождения зависимых и колониальных народов, сопровождавшиеся резким расширением общест-

венных функций ряда языков Азии, Африки и Латинской Америки.

Все это послужило необходимой внешней основой для переориентации интерлингвистики с академических проблем, касающихся "оснований языка", на актуальные вопросы современного международного общения. Хотя человеческое общение в условиях многоязычия привлекает к себе внимание ряда разделов языкознания, например, социолингвистики (в контексте соотношения языка и общества)^{*}, сравнительно-исторического языкознания (в плане соотношения внутренних причин развития языка с внешними, к числу которых относятся и языковые контакты), лингвистической типологии и пр., однако предметом специального рассмотрения данная проблематика становится только в интерлингвистике. С учетом сказанного предмет интерлингвистики можно было бы определить следующим образом:

Интерлингвистика - это раздел языкознания, исследующий проблематику межъязыкового общения. К компетенции интерлингвистики относятся вопросы многоязычия (причины его возникновения, перспективы развития и пути преодоления), взаимодействия языков и образования интернационализмов (грамматических, лексических, семантических и пр.), международных языков (естественных или искусственных).

Не следует думать, что все перечисленные вопросы, входящие в компетенцию интерлингвистики, равнозначны между собой. Центральное место в интерлингвистической теории занимает анализ международных языков, являющихся важнейшим средством межъязыковой коммуникации. Все остальные интерлингвистические проблемы занимают по отношению к этому центральному разделу теории подчиненное, периферийное положение. Поэтому дальнейшее уточнение предмета интерлингвистики предполагает рассмотрение понятия "международные языки".

2. Международные языки

Международными языками называют языки-посредники, используемые в общении разноязычных людей. Существует две категории языков этого типа: международные естественные и международные искусственные языки.

Международные естественные языки известны с глубокой древности (см. ниже); в современную эпоху в этом качестве выступают английский, французский, русский и ряд других язы-

^{*} О соотношении интерлингвистики и социальной лингвистики см. [7, 362-363].

ков. Для таких языков характерно то, что их первичной функцией является функция внутриязыкового общения, тогда как функция международного языка генетически вторична, производна от основной функции. Вместе с тем обе эти функции одинаково реальны, поскольку они представлены в фактической языковой действительности и могут быть объектом лингвистического изучения.

Иной характер имеют международные искусственные языки, иначе называемые плановыми языками (ПЯ). Такие языки (например, эсперанто или интерлингва) не имеют внутринационального употребления, для них функция языка-посредника является первичной, основной. Однако эта функция не всегда имеет фактическую реализацию: историкам интерлингвистики известно немало проектов "международных языков", которые так и не превратились в средство реального общения. Такие языковые системы уместно называть потенциальными. С другой стороны, среди плановых языков есть и такие, которые реализовались в общении и создали определенный коллектив говорящих, иногда довольно значительный (эсперанто). Такие системы будем именовать реальными (или коммуникативно реализованными). Следует кроме того учитывать и степень реализации коммуникативной функции: одни ПЯ используются (или использовались) относительно большим числом людей в различных сферах общения (устная и письменная сфера, научная и художественная литература, средства массовой информации), другие плановые языки имеют чрезвычайно ограниченное использование.

Таким образом, для международных естественных языков функция языка-посредника является вторичной, но реализованной, тогда как для международных искусственных языков эта функция является первичной, но не всегда реализованной или слабо реализованной.

Центральное место в интерлингвистике занимает анализ международных языков, для которых функция языка-посредника является одновременно первичной и реализованной, иначе говоря, основное внимание обращается на такие ПЯ, которые получили реализацию в общественной практике.

3. Уровни межязыкового общения

Международные естественные языки можно разделить на два класса в зависимости от того, на каком уровне общения они используются - региональном или глобальном. В древнюю и средневековую эпоху существовали только региональные между-

народные языки, использовавшиеся на ограниченной территории. Так, средством общения народов Дальнего Востока был китайский язык (в его иероглифической форме). В древних государствах Передней Азии использовались в разные эпохи шумерский, аккадский и арамейский языки. Древнегреческий стал общим языком эллинистического мира, а латинский - разноязычной Римской империи. Позднее оба этих языка превратились в международные языки средневековой Европы. К средним векам относится также выдвижение на роль региональных международных языков арабского, персидского и турецкого в странах Ближнего Востока, старославянского языка в славянских странах (и в Румынии) и др.

Территориальные ограничения в использовании таких региональных международных языков сопровождались ограничениями социальными (поскольку ими владели относительно небольшие социальные группы), функциональными (зачастую международный язык использовался в этой роли лишь в письменной форме) и иными. Территориальные, социальные и функциональные ограничения в использовании международных языков способствовали тому, что в этой роли зачастую выступали мертвые языки (латынь, древнегреческий), т.е. такие, которые утратили свое изначальное применение в качестве живых языков какого-либо народа и, следовательно, лишились своей первичной функции средства внутриязыкового общения.

В современную эпоху в ряде районов мира также используются региональные международные языки, причем наряду с региональными языками, сохранившими эту функцию с прежних времен (арабский), появились новые региональные языки (например, суахили, используемый в ряде стран Восточной Африки). Однако более характерной для Нового времени становится категория языков глобального применения, которые называют также мировыми языками. Возникновение языков этого типа связано с процессами сложения общемировой системы производства, международным разделением труда, расширением международной торговли, интернационализацией науки, развитием средств массовой коммуникации и т.п.

Выдвижение того или иного национального языка на роль мирового определяется совокупностью экстралингвистических и лингвистических факторов. К числу экстралингвистических факторов относятся: политическая или экономическая влияние государства (или группы государств) с данным национальным языком, участие этого государства в международном

торговом, научном и технологическом обмене, значительный вес той или иной национальной культуры в общемировом культурном развитии и т.п. Среди лингвистических факторов наибольшее значение имеют развитость функциональных систем языка (т.е. наличие в нем всей совокупности средств, обеспечивающих использование языка в устном и письменном общении, в художественной, общенаучной и специальной литературе), в том числе разработанность отраслевых терминологий и пр.

Число мировых языков имеет тенденцию к возрастанию, чему способствует расширение группы промышленно развитых и политически влиятельных государств, интенсификация процессов развития науки и культуры в целом ряде стран. После XVIII в., нередко именованного веком "всеобщности французского языка", в сферу глобального использования постепенно включаются английский и немецкий, с XX в. русский и некоторые другие языки. Включение русского в группу мировых языков особенно показательно, поскольку знаменует собой появление новых общественно-политических факторов в развитии общемировой лингвистической ситуации: русский получает функцию мирового языка не только в силу закономерного поступательного развития (определившегося уже во второй половине XIX в. в силу общемировой значимости русской литературы и тогда же отмеченного рядом лингвистов, например, выдающимся австрийским языковедом Г. Щухардтом), но в первую очередь благодаря престижу новой социальной системы, утвердившейся в Советском Союзе, других странах социализма и ставшей определяющим фактором мирового развития.

В итоге указанных процессов к настоящему времени сложилась группа наиболее развитых международных языков (т.н. "клуб мировых языков"), из которых ни один не может претендовать на роль единственного всемирного языка, но которые в совокупности опосредуют международное общение на глобальном уровне.

Социальная база и функциональный диапазон современных мировых языков значительно шире, чем у региональных языков прошлого. Мировые языки являются средством хранения и распространения общечеловеческой информации (в частности, научной и технической), они получают постоянное применение в дипломатии, международной торговле, транспорте, системах связи, туризме. Для мировых языков характерно юридическое закрепление их роли благодаря признанию их "официальными" или "рабочими" языками международных конференций или органи-

заций (как известно, официальными языками ООН считаются английский, французский, русский, испанский, китайский и арабский языки). На национальном уровне мировые языки получают статус "иностраных языков", составляющих предмет обязательного изучения в общеобразовательной и высшей школе*.

Таким образом, как мы видим, диапазон функционирования современных международных естественных языков весьма широк. Следует учитывать также, что помимо регионального и глобального уровней международного общения, существует также уровень межязыкового общения в многонациональных государствах. Языки-посредники, используемые в этой сфере, носят название "языков межнационального общения" (это понятие нельзя смешивать с понятием "международного языка"). Некоторые языки могут выступать в роли как международного языка, так и языка межнационального общения. Таков, в частности, русский язык, являющийся средством взаимного общения наций и народностей СССР и вместе с тем одним из признанных мировых языков.

4. Место плановых языков в мировой лингвистической ситуации

Попытки создания искусственных языков для международного общения имеют длительную историю. Первые проекты появились уже в античности. Однако до конца XIX в. все разрабатываемые искусственные языки оставались коммуникативно не реализованными и, естественно, не могли играть никакой роли в общемировой лингвистической ситуации.

Положение изменилось в последней четверти XIX в. В 1879 году в Германии был создан "всемирный язык" волапюк, быстро распространившийся сначала в Европе, а потом и далеко за ее пределами и тем самым фактически получивший право претендовать на эпитет "всемирного". Принципиальное значение этого события с лингвистической точки зрения весьма велико: впервые на лингвистической карте мира появился язык (а затем и группа языков) генетически иного происхождения, чем естественные языки: возникновение плановых языков обязано не процессам стихийно-эволюционного сложения языковой системы, а ее сознательному конструированию. Движение сторонников и носителей планового языка, возникшее с распространением волапю-

* О мировых языках и месте среди них русского языка см. [10; 14].

ка, с тех пор уже никогда не исчезало, хотя доминирующая в нем языковая принадлежность к тому или иному плановому языку со временем и менялась. После упадка волапюка основное ядро движения стало группироваться вокруг эсперанто (созд. в 1887 г.). На периферии движения возникли группы сторонников других систем планового языка - идо (созд. в 1907 г.), окциденталь (созд. в 1921-22 гг.), интерлингва (созд. в 1951 г.). Все перечисленные языки, кроме волапюка, сохраняют коммуникативное использование до настоящего времени, а эсперанто, помимо того, еще и значительно расширил сферу своего применения. Итоги развития движения за истекшие 100 лет весьма внушительны: сторонники эсперанто и других плановых языков представлены в большинстве стран мира; движение организовано как на национальном, так и на международном уровнях [23]. Плановые языки используются как в устном, так и письменном общении, они располагают обширной литературой (как художественной, так и специальной); наиболее продвинутый из плановых языков (эсперанто) достиг такого уровня функционально-стилистической вариативности, который вполне сопоставим с развитыми национальными языками.

Возникает вопрос: каково место плановых языков в языковой ситуации современного мира и, в частности, каково их соотношение с международными естественными языками?

В XVII-XVIII вв. движущим стимулом к построению проектов искусственных языков была критика естественных языков, которые являются продуктами неконтролируемых, случайных процессов развития и потому будто бы представляют собой недостаточно совершенное орудие мысли. Искусственный язык предназначался для того, чтобы исправить недостатки естественных языков и в конечном счете заменить их собой. Эта концепция была пережиточно удержана и автором волапюка, несмотря на то, что еще в 1860-х гг. был сформулирован тезис о вспомогательном характере искусственного языка. Начиная с последнего десятилетия XIX в. положение о том, что искусственный язык может претендовать только на вспомогательную роль и отнюдь не стремится (да и не обладает возможностями) к замене национальных языков, становится общим местом в интерлингвистической литературе. Таким образом, в систему интерлингвистических представлений прочно вошел тезис об отсутствии конкурентных отношений между национальными и плановыми языками.

Однако проблема соотношения естественных и искусственных языков имеет и другой аспект, поскольку остается не вполне

ясным, какова роль плановых языков по отношению к естественным языкам в их международном употреблении. В специальной литературе мы не находим однозначного ответа на этот вопрос. Считается как бы само собой разумеющимся, что плановые языки имеют ту же функцию опосредования международных отношений, что и международные естественные языки. Обсуждению подвергается лишь вопрос: какой из международных языков - естественный или искусственный - целесообразнее использовать, т.е. какой из них дает (или может дать в принципе) больший эффект с точки зрения его экономичности, информативности, легкости овладения и использования и т.п. Таким образом, альтернатива "естественный или искусственный язык", отвергнутая применительно к национальному уровню, переносится на иной уровень - международный.

Нам представляется, что обсуждение сравнительных достоинств естественных и искусственных языков в международном употреблении вполне правомерно с научной точки зрения. Не вызывает принципиальных возражений и положение о том, что использование искусственного языка в ряде сфер международного общения, например, для реферирования научной литературы, создания информационных систем и пр. представляет ряд ощутимых преимуществ по сравнению с использованием естественных языков. "Вопрос о рационализации человеческого общения, о сознательном воздействии на естественный человеческий язык и, далее, о замене его в определенных целях разного рода вспомогательными языками (включая разнообразные коды) ... приобретает особое значение в переживаемую человечеством эпоху научно-технической революции" [2, 37].

Однако, будучи правомерной и даже вполне назревшей, проблема сопоставления естественных и искусственных языков в целях рационализации международного общения не исчерпывает существа вопроса о том, какова роль плановых языков по отношению к международным естественным языкам. Дело в том, что, сопоставляя преимущества естественных и искусственных языков в международном употреблении, мы предлагаем определенные рекомендации на будущее, но не касаемся нынешнего статуса плановых языков.

Между тем можно сделать вполне определенный вывод, что сферы функционирования международных естественных и международных искусственных (плановых) языков в настоящее время совершенно различны. Использование международных естественных языков является производным, как было сказано выше, от фак-

торов конкретно-исторического характера: за языками этого типа стоит престиж тех или иных государств или групп государств, они распространяются вместе с информационными потоками, сопровождающими движение товаров, научных и технологических знаний и т.п. Иначе говоря, международные естественные языки непосредственным образом вовлечены в мировой информационный и торгово-промышленный оборот.

Положение плановых языков совершенно иное: они обособлены от непосредственных производственных и информационных нужд, и это предопределяет ослабление свойственной им функции языков-посредников. По положению на сегодняшний день такие языки, как эсперанто, являются, конечно, международными, поскольку они составляют достояние международного коллектива владеющих ими людей, но их международность отличается от международности таких языков, как английский или русский, непосредственно связанных с общемировым информационным обменом. Овладение эсперанто приобщает носителя этого языка к значительной по объему и разнообразной информации, существующей на этом языке, но не приближает к первоисточникам этой информации, запечатленной на национальных языках. Таким образом, посредническая функция плановых языков оказывается ограниченной в силу особого положения этих языков в мировой лингвистической ситуации.

Приходится констатировать парадоксальное явление: с одной стороны, плановые языки создаются специально для опосредования международного общения, а с другой стороны, именно эта функция оказывается у них ослабленной. Вообще говоря, подобное несоответствие между назначением плановых языков и их реальным функционированием должно было бы привести к прогрессивному сокращению числа сторонников плановых языков и к конечному исчезновению этих языков. На самом же деле мы видим другое: за время, прошедшее после опубликования волапюка и эсперанто, плановые языки не только стабилизировались, но и весьма расширили свой структурно-стилистический диапазон. Это могло произойти только в том случае, если недостаточно развитая посредническая функция этих языков компенсировалась другой функцией, обеспечившей плановому языку стабильное существование и развитие.

Действительно, анализируя историю наиболее распространенного и стабильного планового языка эсперанто, можно констатировать, что с самого начала он реализовался больше не в сфере своего основного предназначения (в международных сно-

нениях), а в творческих областях - в художественной литературе, как переводной, так и оригинальной. Начало использования эсперанто в литературе было положено автором языка - Л. Заменгофом и рядом группировавшихся вокруг него писателей и переводчиков (А. Грабовский, К. Бейн и др.). Уже в 20-е гг. эсперантская литература насчитывала несколько тысяч томов [30]. Постепенная выработка разнообразных стилей (разговорного, публицистического и пр.) сопровождалась дифференциацией художественных направлений и школ, связанных как с национальными литературными традициями, так и с различной реализацией языковых возможностей эсперанто (так наз. "славянская", "будапештская", "шотландская" и др. школы). В настоящее время эсперанто выступает, безусловно, как развитый литературный язык, по ряду параметров сопоставимый с национальными языками. Сводный каталог Всемирной ассоциации эсперанто, отражающий состояние книжного рынка в 1980 г. [24], предлагает покупателям художественную литературу 584 наименований (не считая литературы для детей и литературы, посвященной искусству). Из этого числа 217 наименований представляют оригинальную и 367 переводную литературу. Последняя включает переводы с более чем 40 языков, как крупных (английский, французский, немецкий, испанский, итальянский, португальский, русский, японский), так и менее распространенных (бенгальский, венгерский, каталанский, ирландский, корейский, лаосский), и, наконец, даже таких малых языков, как мальтийский или фризский. Из национальных литератур народов СССР представлены, помимо русской, украинская, эстонская, латышская, литовская, узбекская. Таким образом, диапазон отражения мировой литературы весьма широк, причем качество большинства переводов стоит на вполне профессиональном уровне.

Хотя на эсперанто существует также специальная и научно-техническая литература - по естественным и общественным наукам, политике, филателии и пр., все же можно констатировать, что утилитарная посредническая функция эсперанто стоит на заднем плане по сравнению с экспрессивной функцией, казалось бы, избыточной для планового языка. Этим объясняется и тот факт, что эсперантская поэзия в своем развитии опережала прозу, а художественная литература в целом - литературу научную и специальную. Функция же языка-посредника, в роли которого эсперанто в последнее время все чаще начинает выступать, формируется лишь после того, как экспрессивная функция

получила значительное развитие.

Подобное распределение функций планового языка мало согласуется с тем, что можно было бы ожидать от таких языков, если исходить из определения их как только языков-посредников. Среди лингвистов значительное распространение имеет точка зрения, сформулированная А. Мейе еще в 1918 г. в его известном обзоре языков современной Европы [25]. Поскольку уже в то время использование плановых языков являлось неоспоримым лингвистическим фактом, Мейе включил в свой обзор, наряду с национальными, также и плановые (искусственные) языки. Однако Мейе отказывал им в способности выполнять иные функции, кроме функции языка-посредника в области науки и техники. Приведем несколько характерных высказываний Мейе: "Возможность установления искусственного языка, который был бы легок для изучения, и факт применимости такого языка продемонстрированы на практике. Всякая теоретическая дискуссия (по этому вопросу) является тщетной... Лишенный какого бы то ни было идиоматического характера, язык такого рода хорошо поддается переводу... Работы по науке и технике, которые нет необходимости переводить на отдельные языки, могут быть с пользой переведены или изложены на международном языке для всеобщего сведения... "Художественная же литература, по мнению Мейе, не должна переводиться на искусственный язык. "Литература - это последняя из областей, в которой применение искусственного языка не может быть полезным. Во всем том, что касается стиля, литература живет за счет выразительности слов и оборотов речи, своеобразия средств, имеющих в том или ином языке. Искусственный язык весьма пригоден для простого и непосредственного выражения фактов и мыслей, которые не имеют чрезмерно тонких оттенков, но он по самой своей природе не способен выразить себя в литературе. И если бы он обрел выразительный и идиоматический характер традиционного языка, он с самого момента потерял бы те основные качества, которые составляют смысл его существования" (цитируется по [26]).

Подобные же воззрения высказывали и многие другие лингвисты, в том числе писавшие по этому вопросу много позже Мейе. Так, по мнению А.А. Реформатского, создание художественной литературы на эсперанто противоречит сугубо "деловому", вспомогательному характеру языков этого типа, "существующих вне стилистики" [13, 523].

Оправданность изложенной концепции не вызывает сомнений,

особенно если учесть, что сам факт появления коммуникативно реализованных плановых языков отражает общественную потребность именно в языке-посреднике, который позволил бы преодолеть языковой барьер в ведущих сферах международного общения. Закономерно было бы полагать (как то делают Мейе, Реформатский и некоторые другие лингвисты), что в этих условиях плановые языки будут с самого начала выполнять именно посредническую функцию, а экспрессивно-стилистическая функция останется для них несущественной.

Однако, если строго придерживаться фактов истории плановых языков, придется признать, что путь к реализации посреднической функции оказался для плановых языков не прямолинейным, а более сложным, зигзагообразным. Посредническая функция возникает не только позднее экспрессивно-стилистической, но в значительной степени и на базе последней. Такое развитие событий имеет свою логику: ведь для того, чтобы служить посредником между развитыми национальными языками, плановый язык сам должен был достигнуть известной стадии развития, что невозможно без относительно длительного коммуникативного его использования и проверки в самых различных областях*.

Особенности развития плановых языков обеспечили за ними еще одно отличие по сравнению с международными естественными языками. Поскольку последние выступают в двух сферах употребления - национальной и международной, каждый международный естественный язык связан с определенной национальной культурой и определенным национальным контингентом его носителей. Плановые языки иначе выступают в своем соотношении с обществом и культурой. Носители плановых языков образуют международный коллектив, прямо не связанный ни с одной национальной культурой. Так, среди стран, где существуют наиболее значительные организации эсперантистов, представлены государства, чрезвычайно удаленные друг от друга и принадлежащие к различным культурным ареалам (например, Польша, Болгария, Венгрия, ГДР и ФРГ в Европе, Япония и Вьетнам в Азии, Бразилия в Южной Америке и т.п.). Имея самые различные родные языки, эсперантисты объединяются между собой по вторичному языковому признаку (владение эсперанто), который служит объективным фактором, организующим носителей языка в целост-

* В противоположность А.А. Реформатскому Е.А. Бокарев придерживался мнения, что появление поэзии и художественной прозы на искусственном языке типа эсперанто не только закономерно, но и с неизбежностью сопутствует его общественному применению [см. 4, 15].

ное языковое сообщество. Такое сообщество не является аморфной массой людей, знающих тот или иной плановый язык, оно имеет свою структуру, выражающуюся в наличии различных форм организации сторонников планового языка (национальные, международные, профессиональные и иные союзы), а также в целой системе средств поддержания единства языка. Все коммуникативно реализованные плановые языки на определенном этапе своего существования приходят к необходимости иметь некоторый центральный орган, в ведении которого находились бы вопросы языковой политики и культуры речи. Так создаются академии плановых языков (в настоящее время существуют академии эсперанто и идо), которые, точно так же, как и языковые академии национальных языков (например, французская академия), обеспечивают единые для всего языкового сообщества нормы использования языка. По этому признаку плановые языки сближаются с национальными языками.

Особое положение плановые языки типа эсперанто занимают и в области культуры. Благодаря тому что их функционирование охватывало в первую очередь сферу художественной литературы, плановые языки приобрели значительный культурный потенциал, аккумулировав в себе наиболее ценное достояние национальных литератур, но ни с одной из них не имея преимущественной связи (как это характерно для международных естественных языков).

Итак, мы можем сделать вывод, что международные естественные и международные искусственные (плановые) языки занимают различное место в мировой лингвистической ситуации. Какие-либо конкурентные отношения между ними отсутствуют в той же мере, что и между национальными и плановыми языками. В функциональном, социальном и культурном отношениях плановые языки составляют специфический класс, не имеющий аналогов среди естественных языков, но вместе с ними формирующий объективную языковую ситуацию современного мира. Как лингвистический феномен, являющийся частью языковой действительности, плановые языки заслуживают пристального внимания современной науки, особенно если мы примем во внимание уникальность той "экологической ниши", которую эти языки обрели в результате размежевания функций с другими международными языками.

5. Динамика развития мировой лингвистической ситуации

В современной языковой ситуации в контексте интерлингвистических проблем для нас весьма актуальны следующие два фактора.

С одной стороны, человечество переживает эпоху научно-технической революции, одним из результатов которой явился необычайно ускорившийся процесс накопления информации. Темпы ее роста превышают не только темпы возрастания населения Земли, но и темпы роста числа научных работников: "Население Земли возрастает вдвое за 35-40 лет, количество же людей, занятых в науке, удваивается за 15 лет, а научно-техническая информация - за 10 лет" [9, 8]. Если учесть, что возрастание населения Земли, само по себе чрезвычайно быстрое, описывается как "демографический взрыв", то окажется, что "информационный взрыв" значительно обгоняет демографический.

С другой стороны, отмечается противоречивая динамика изменения численности этнических языков мира: общее количество таких языков сокращается при одновременном возрастании числа литературных языков. "Языковая жизнь современного человечества развивается в сторону сокращения количества языков, главным образом за счет отмирания бесписьменных языков малочисленных этнографических групп и народностей и постепенного перехода этих групп на литературные языки крупных наций, среди которых они живут. Одновременно увеличивается число литературных языков путем создания письменности для многих ранее бесписьменных народов в процессе образования и развития новых независимых государств в Африке, Азии" [1, 17-18]. Растет и число языков, находящихся употребление в сфере межъязыковой коммуникации, т.е. международных естественных языков и, в частности, мировых языков. Есть основания ожидать, что число международных языков глобального использования в ближайшем будущем возрастет с нынешних шести (официальные языки ООН) до 10-12 [8, 304].

Информационный взрыв в сочетании с постоянным увеличением числа литературных и международных языков чрезвычайно усложняет современную языковую ситуацию. Фактически мы вплотную приблизились к черте, за которой использование поступающей информации окажется невозможным. Академик А.Н. Несмеянов отмечал в 1968 г.: "если бы химик, свободно владеющий 30 языками (условие невероятное), начал с 1 января 1964 г. читать все выходящие в этом году публикации, представляющие для для него профессиональный интерес, и читал бы их по 40 часов в неделю со скоростью 4 публикации в час, то к 31 декабря 1964 г. он прочитал бы лишь 1/20 часть этих публикаций" (цит. по кн. [16, 123-124]). Комментируя эти данные, А.Д.Урсул замечает, что аналогичная ситуация сложилась в физике,

медицине, биологии и многих других науках.

В этих условиях, заставляющих говорить об "информационном кризисе в современной науке" (А.Д. Урсул), исключительную важность приобретает проблема обеспечения науки средствами информационного поиска. К числу этих средств относятся и языковые, находящиеся в компетенции лингвистики и сопредельных с нею наук. Поиск информации предполагает использование разного рода искусственных языков, носящих название информационных. Преодоление же многоязычия информационных источников заставляет обращаться к мысли об использовании искусственных языков другого типа - международных языков типа эсперанто, структура которых специально приспособлена для нейтрализации языкового барьера. Поэтому сейчас в мировой интерлингвистической литературе весьма активно обсуждается возможность применения эсперанто и других плановых языков в сфере информационного обеспечения науки. Эта проблема ставится как советскими исследователями [12, 21 и след., 55 и след.], так и их зарубежными коллегами - учеными ВНР, ГДР, ФРГ и ряда других стран. Все это заставляет предполагать, что в функционировании плановых языков намечаются новые тенденции, выводящие эти языки за рамки их нынешнего употребления в соответствии с изменяющейся ситуацией взаимодействия языков в эпоху научно-технической революции.

Непосредственные перспективы развития многоязычия и международных языков, о которых идет здесь речь, составляют предмет ближнего интерлингвистического прогнозирования. Эту проблему не следует смешивать с вопросами дальнего прогнозирования, предполагающего анализ долговременных перспектив развития мировой лингвистической ситуации и сложения общечеловеческого языка будущего. О задачах ближнего и дальнего прогнозирования в интерлингвистике см. в кн. [3, 215 и сл.]. Весьма подробно предполагаемые пути формирования общечеловеческого языка рассматриваются Э.П. Сवादостом [15].

6. Подразделения интерлингвистики

Понимание интерлингвистики как теории межъязыковой коммуникации привело нас к выделению следующих основных проблем, относящихся к компетенции интерлингвистики: уровни межъязыковой коммуникации; международные языки - естественные и искусственные, глобальные и региональные; роль указанных разновидностей международных языков в мировой лингвистической ситуации; динамика развития мировой лингвистической

ситуации и его прогнозирование.

Весь этот комплекс проблем составляет необходимый контекст для рассмотрения плановых языков. Теория плановых языков, являющаяся организующим центром интерлингвистики, носит также название плановой лингвистики. В настоящей статье мы вынуждены ограничиться лишь самыми общими замечаниями о структуре указанной теории.

В плановой лингвистике соотношение между теорией и ее объектом (языком) отличается от такого же соотношения в отраслях языкознания, занимающихся естественными языками. Исследуя естественные языки, лингвист строит теорию как отражение объекта, т.е. теория в этом случае является вторичной, а язык — первичным. В плановой лингвистике теория может быть и первичной, и вторичной.

Всякий плановый язык создается на базе определенных теоретических предпосылок — в этом случае теория предшествует языку. Однако, будучи создан и принят в человеческом общении, плановый язык может изучаться уже принципиально иным образом — с точки зрения его реального употребления и развития в процессе коммуникации. При таком изучении язык предшествует создаваемой на его базе теории. Теорию первого типа (первичную по отношению к языку) будем называть теорией лингвопроектирования. Теорию второго типа (вторичную по отношению к языку) назовем теорией функционирования планового языка.

Та и другая теория имеет разную историческую ретроспективу. Основные теории лингвопроектирования были заложены в 1629 г. Р. Декартом, получили дальнейшую разработку в трудах большого числа ученых XVII—XIX вв. и, наконец, были приведены в окончательную систему на базе современной науки Л. Кутюра и Л. Ло в 1901—1910 гг. [18; 19; 20; 21].

Теория функционирования плановых языков могла возникнуть лишь после того, как такие языки получили социальную реализацию. Как уже говорилось, первым коммуникативно используемым языком стал волапюк, но период существования этого языка был слишком мал, чтобы его функционирование могло надлежащим образом отразиться в теоретических построениях. Теория функционирования планового языка возникает поэтому лишь на базе применения эсперанто. Первым крупным теоретиком, констатировавшим в структуре эсперанто скрытые законы, не предусмотренные первоначальным проектом и, следовательно, установившимся в процессе его функционирования, был Рене де Соссюр.

Его работы о структуре эсперанто начинают появляться с 1910 г. [29].

Таким образом, к 1910 г. оформились обе названные выше теории, являющиеся важнейшими составными частями интерлингвистики. По удачному совпадению в это же время (1911 г.) появляется и сам термин "интерлингвистика", о чем мы говорили в начале статьи.

Наряду с противопоставлением теории лингвопроектирования и теории функционирования планового языка можно проводить различие между общей и частной интерлингвистикой: первая изучает всю совокупность проблем, относящихся к межъязыковой коммуникации и международным языкам (естественным или искусственным), вторая занимается анализом отдельных плановых языков, получивших реализацию в общественном употреблении. Из частных разделов интерлингвистики наибольшего развития достигла теория эсперанто (эсперантология), что стоит в связи с наибольшей распространенностью и наибольшей длительностью существования этого планового языка среди других языков этого типа.

Сказанное можно обобщить в виде следующей схемы:

**ОБЩАЯ
ИНТЕРЛИНГВИСТИКА**

Общая теория межъязыковой коммуникации:

- (а) типы и уровни межъязыковой коммуникации,
- (б) мировая лингвистическая ситуация и динамика ее развития,
- (в) многоязычие, взаимовлияние языков, международные элементы в естественных языках,
- (г) типы международных языков.

**ПЛАНОВАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

Общая теория плановых языков:

- (а) теория лингвопроектирования (установление принципов создания плановых языков),
- (б) теория функционирования плановых языков (обобщение опыта и закономерностей их применения в коллективной практике)

**ЧАСТНАЯ
ИНТЕРЛИНГВИСТИКА**

Теория отдельных плановых языков:

- (а) теория эсперанто (эсперантология),
- (б) теория идо,
- (в) теория окциденталя,
- (г) теория интерлингвы

Литература

1. Азимов П.А., Дешериев Ю.Д., Никольский Л.Б., Степанов Г.В., Швейцер А.Д. Современное общественное развитие, научно-техническая революция и язык. - В кн. [11].
2. Ахманова О.С. Естественные языки и постановка проблемы создания искусственного вспомогательного языка в научно-технической революции. - В кн. [11].
3. Базиев А.Т., Исаев М.И. Язык и нация. - М.: Наука, 1973.
4. Бокарев Е.А. Современное состояние вопроса о международном вспомогательном языке. - В кн. [12].
5. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. - Соч. в 2-х тт. Т. I. - М., 1971.
6. Григорьев В.П. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема. - В кн. [12].
7. Дешериев Ю.Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. - М.: Наука, 1977.
8. Дешериев Ю.Д., Протченко И.Ф. Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. - М.: Просвещение, 1968.
9. Жариков Е.С. Вступительная статья. - В кн.: Черри К. Человек и информация. М., 1972.
10. Костомаров В.Г. Русский язык среди других языков мира. - М., 1975.
11. Научно-техническая революция и функционирование языков мира. - М.: Наука, 1977.
12. Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. - М.: Наука, 1976.
13. Реформатский А.А. Введение в языкознание. - М.: Просвещение, 1967.
14. Русский язык в современном мире. - М.: Наука, 1974.
15. Свадост Э.П. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
16. Урсул А.Д. Проблема информации в современной науке. - М., 1975.
17. Actes du Deuxième Congrès International de Linguistes. (Genève 1931). - Paris, 1933.

18. Couturat L. Pour la langue internationale. - Coulommiers, 1901.
19. Couturat L., Leau L. Histoire de la langue universelle. - Paris, 1903.
20. Couturat L., Leau L. Les nouvelles langues internationales. - Paris, 1907.
21. Couturat L. Étude sur la dérivation dans la langue internationale. 2-me éd. - Paris, 1910.
22. Jespersen O. A new science: interlinguistics. - Cambridge, 1931.
23. Lapenna I., Lins U., Carlevaro T. Esperanto en perspektivo. - London - Rotterdam, 1974.
24. Libroservo de UEA. Katalogo 1980/82. - Rotterdam: UEA, 1980.
25. Meillet A. Les langues dans l'Europe nouvelle. - Paris, 1918.
26. Meillet A. Opinion d'un linguiste sur la langue artificielle. Extrait du livre "Les langues dans l'Europe nouvelle". - Paris, 1919.
27. Meysmans J. Une science nouvelle. - In: Lingua internationale, Bruxelles, 1911, N 8.
28. Pei M. Wanted: a world language. - New York, 1969.
29. [Saussure R. de] Antido. La construction logique des mots en Espéranto. - Genève, 1910.
30. Stojan P. Bibliografio de Internacia Lingvo. - Genève: Bibliografia servo de UEA, 1929.

Pri la objekto kaj la subdividoj de interlingvistiko

Sergej N. Kuznetsov

Ekzistas du specoj de homa komunikado per lingvoj: 1) **INT-RA**-lingva komunikado (komunikado interne de unu lingva komunumo), 2) **INTER**-lingva komunikado (komunikado inter diverslingvaj komunumoj). Interlingvistiko estas tiu branĉo de lingvoscienco, kiu esploras la interlingvan komunikadon kaj ties ilojn (internaciajn lingvojn). Kiel internaciaj povas funkcii aŭ naturlingvoj aŭ planlingvoj. Internaciaj naturlingvoj (angla,

rusa, franca ...) ricevas tiun funkcion sekundare, ĉar primare ili estas lingvoj de iu definitiva nacio; kaj ilia internacia funkcio estas realigita en homa komunikado. Ĉe planlingvoj la internacia funkcio estas primara, sed ne ĉiam realigita en komunikado, ĉar multaj planlingvoj restis nur skribaj projektoj. La plej grava tasko de interlingvistike estas studi tiujn lingvojn, ĉe kiuj la internacia funkcio estas samtempe primara kaj realigita en komunikado. Naturlingvoj kaj planlingvoj, kiam ili estas uzataj internacie, ne okupas la saman lokon en la monda lingva situacio; ĉe internaciaj naturlingvoj plej validas la perado de la internacia interŝanĝo de konoj en scienco, tekniko, komerco, ktp. La planlingvoj peras la internajn bezonojn de tiu socia komunumo, al kiu ili apartenas.

ЛИНГВОСТРАНОВЕДЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ СЛОВА И АПОСТЕРИОРНЫЕ ЯЗЫКИ

В.А. Корнилов

"Лингвострановедение", "лингвострановедческое преподавание языка", "лингвострановедческая теория слова" - все эти термины родились в последние полтора десятилетия в русле лингводидактики русского языка как иностранного в многочисленных работах Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. "Содержанием лингвострановедения является культура страны изучаемого языка, ставшая предметом методики преподавания этого языка, или, точнее, предметом соизучения при изучении этого языка" [4, 64]. Одно из центральных понятий лингвострановедческой теории слова - "лексический фон", в который включается "совокупность непонятных семантических долей в составе семемы" [5, 27], т.е. все те семантические ассоциации, которые сопровождают лексическое понятие в сознании носителей данного языка. Именно благодаря "лексическому фону" слово становится "важным носителем информации ... об особенностях национальной культуры страны изучаемого языка" [5, 193].

Термин "апостериорные языки" в данной статье используется вместо многословного "апостериорные искусственные вспомогательные международные языки" и полностью ему соответствует. Говоря об апостериорном языке, имеем в виду языки типа эсперанто, идо, интерлингва, нео и т.п., - языки, созданные их авторами путем сознательного отбора словаря из национальных, "естественных" языков и рационального упрощения грамматики и словообразования. Языки априорные (типа сольресоль, ро, космолингва и т.д.), а также языки смешанного типа (такие, как уропа, вива, омо) не рассматриваются. В качестве основного материала для рассмотрения привлекается язык эсперанто, поскольку в силу исторических причин именно этот апостериорный язык в наибольшей степени сумел проявить на практике те потенции, которые свойственны и другим апостериорным языкам, не получившим распространения или применявшимся слишком недолго.

Как понимать термин "культура" применительно к апосте-

риорным языкам? Да в общем так же, как и применительно к обычным, "естественным" национальным языкам с определенными поправками на "возраст" культуры соответствующего апостериорного языка, на специфику состава его носителей. Культуру языка эсперанто, например, образуют прежде всего образцовые оригинальные произведения, написанные его носителями (знатоками) в разных стилях и жанрах; это и наиболее удачные переводы с национальных языков; это и словари, рекомендуемые в определенных ситуациях использовать те или иные комбинации морфем; это и сложившиеся формы этикета при общении устном и письменном; это и эсперантская символика: зеленая пятиконечная эсперантская звездочка, зеленое знамя эсперантистов и т.п.

Весьма показательной является сложившаяся в Венгрии практика составления пособий для изучающих язык эсперанто, содержащих сведения по истории создания искусственных международных языков и, в частности, языка эсперанто, эсперантистского движения; сведения о наиболее важных произведениях, написанных на эсперанто, и об их авторах [10а]. Недавно в Будапеште издана специальная хрестоматия лучших образцов эсперантской литературы в качестве приложения к предыдущему пособию [10].

Чем не обязательные книги, о которых пишут Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров применительно к русскому языку как иностранному? "... Существует некоторый перечень произведений художественной литературы или фольклора, знакомство с которым обязательно для каждого" [4, 240] носителя языка. Там же эти авторы пишут и о "наборе всем известных песен". Сопоставим это с "набором песен" на языке эсперанто, которые с увлечением поют во всех молодежных лагерях эсперантистов даже "крокодилы" (так в шутку эсперантисты называют тех, кто говорит на смеси эсперанто "с нижегородским").

И хотя "страна Эсперантия" существует лишь в эсперантском фольклоре и литературе, лингвострановедение очень многими своими положениями весьма интересным образом предомляется в применении к языку эсперанто и - шире - к любому апостериорному языку. Сравним, допустим, с эсперанто язык нео, получивший ограниченное распространение благодаря настойчивым усилиям своего автора А. Альфандари. Используя опыт авторов других проектов апостериорных языков и ориентируясь во многом на принципиальные решения Л. Заменгофа, автор языка нео не просто изобрел еще один вариант грамматики, не

только составил обширнейший словарь, но и позаботился о создании "облигаторного" минимума произведений различного жанра [9]. Иными словами, авторы проектов апостериорных языков стремятся сразу же закладывать фундамент "культуры" своих языков. Иное дело, что подавляющее большинство апостериорных языков и соответствующих им "культур" остается в библиотеках и архивах на уровне авторских проектов, не получая никакого развития.

В уже цитировавшихся работах по лингвострановедению мы находим и теоретическое обоснование применения термина "культура" к тому кругу явлений, связанных с функционированием апостериорных языков, о которых было сказано выше. "Культура как общественное явление - это совокупность материальных и духовных ценностей, накопленных и накапливаемых определенной общностью людей ...

Сколь ни был бы мал человеческий коллектив, он всегда вырабатывает некоторые материальные и духовные ценности... Обычно по отношению к малым социальным группам используется термин "субкультура" [4, 40-41]. Исторически сложившаяся относительно устойчивая общность людей, использующих для общения друг с другом язык эсперанто, разумеется, не является нацией, но ее никак не отнесешь и к "малым социальным группам" - носителям "субкультур" в рамках "всеобъемлющей, т.е. национальной культуры". Возникает вопрос об уточнении места языка эсперанто (и других апостериорных языков) среди языков мира и культуры, свойственной апостериорному языку, среди различных культур человечества. Ключ к решению этого непростого вопроса - в определении статуса общности людей, использующих апостериорный язык.

Ближе всего к такой общности, пожалуй, совокупности людей из различных стран, овладевших в качестве иностранного каким-то определенным языком (английским, русским, французским и т.д.). Такие люди иногда создают в своей стране кружки, клубы, общества любителей, друзей определенного языка. Страны, в которых соответствующий язык является основным национальным языком, могут создавать международные организации, ставящие своей целью пропаганду языка, улучшение качества его преподавания. В настоящее время в той или иной форме подобные организации существуют применительно к любому из языков, входящих в "клуб мировых языков".

Однако между людьми, владеющими английским, русским и другими языками как иностранными, и людьми, владеющими апо-

стериорным языком, имеется весьма существенное различие. Как бы хорошо ни изучил иностранец национальный язык, носители этого языка как родного всегда остаются вне конкуренции. Лишь в исключительных случаях человек, не связанный непосредственно с проживанием с детства в среде изучаемого языка, достигает совершенно адекватного усвоения чужого языка и чужой культуры. Принципиально иная ситуация с апостериорным языком, которым никто не владеет как родным (доля "урожденных эсперантистов" - тех, для кого с детства язык эсперанто был основным языком общения с родителями, - пока настолько незначительна, что может не приниматься во внимание). Тот, кто изучил эсперанто по имеющимся учебникам, может достаточно свободно пользоваться им при общении с инонациональным эсперантистом. При этом на обоих могут влиять их национальные языки, их национальные культуры. Но оба оказываются в равном положении, оба постепенно преодолевают наиболее мешающие взаимопониманию ошибки в языке эсперанто, вызванные влиянием своих родных языков. Относительная легкость изучения, относительно большая, чем в национальных языках, свобода комбинирования морфем и значений при выражении понятий, отсутствия чувства неполноценного владения языком, столь характерного для иностранца, овладевающего "естественным" национальным языком, - все это порождает чувство причастности к особой языковой общности, к особой "квазинациональной" культуре.

Явно несостоятельны попытки видеть в носителях языка эсперанто нечто вроде сторонников некоей религии или иного вероучения, какой-либо политической партии и т.п., - несостоятельны хотя бы потому, что среди эсперантистов можно встретить как лиц, исповедующих самые различные религии, так и атеистов; как убежденных коммунистов, так и представителей самых различных партий. И хотя эсперантистов объединяет идея использования особого, "искусственного" языка в качестве вспомогательного языка международного общения, она оказывается недостаточно сильной, чтобы заменить собою политические или религиозные взгляды эсперантиста. Не случайно то обстоятельство, что предлагавшееся Л. Заменгофом в качестве постоянного обращения эсперантистов друг к другу *amiceano* "единомышленник" не закрепилось - в эсперантской практике. Для того, чтобы назвать другого эсперантиста "единомышленником", требуются более веские основания, чем факт обращения к одно-

му и тому же языку!^{*}

Характерной особенностью лингвокультурной общности представителей различных стран, говорящих на эсперанто (или на другом апостериорном языке), является непреходящий билингвизм, который чаще всего может быть охарактеризован как продуктивный опосредствованный билингвизм с доминантным речевым механизмом, относящимся к родному языку [3, 22-31]. Степень сформированности речевого механизма, обеспечивающего речь на апостериорном языке, определяется в первую очередь социолингвистическими факторами и, в частности, возможностью и необходимостью прибегать в апостериорному языку как средству общения, количеством времени, затрачиваемого на различные виды речевой деятельности на этом языке.

Если мы захотим проанализировать формы языкового существования языка эсперанто в современном обществе, то должны будем обратить внимание на такие черты, как

- непропорционально большая доля письменного общения в сравнении с общением устным; историки эсперантистского движения охотно подчеркивают огромную роль филателистов, избравших в начале нашего века эсперанто в качестве международного языка общения, в сохранении его в период "раскола" 1908 года; переписка на эсперанто для многих эсперантистов является основным видом естественной речевой деятельности на этом языке;

- в устном общении нередкое преобладание учебного, искусственного общения лиц, одинаково хорошо владеющих определенным национальным языком, над естественным общением лиц, не имеющих общего языка, кроме апостериорного;

- более заметное, чем в национальных языках, место сознательного контроля своей речи, устной или письменной; более заметная роль метаязыковой функции языка;

- преобладание в литературе на эсперанто поэзии над прозой (что в общем сближает эсперантскую литературу со всеми литературами на младописьменных языках);

- постоянное столкновение, переплетение, взаимодействие интернационального и национального в языковом выражении, в типичных формах мышления, эмоциональной оценки, в самой тематике речевых произведений.

На диалектике интернационального и национального в апостериорном языке следует остановиться особо. Сама идея апосте-

^{*} Прекрасно выразил эту мысль в своем стихотворении Д. Златарский [16].

риорного языка предусматривает отбор прежде всего интернационализмов - слов, общих для большого количества языков. И в этом отношении язык эсперанто достаточно последователен: в пределах разумного стремясь ограничиться минимумом корней, способным обеспечить при продуманной логичной и высокопродуктивной системе словообразования максимально разнообразное общение, эсперантисты включают в состав своих слов прежде всего и по преимуществу корни интернациональные. Это и обуславливает преобладание в нем корнеслова, восходящего прежде всего к латинскому языку.

Но интернационалистами могут становиться самые что ни есть специфичные для определенной национальной культуры слова, вроде японского "кимоно" или индийского "сари", входящие во многие языки со значением именно специфически японской или индийской национальной одежды. Естественно, что такие слова входят и в апостериорный язык именно в таком качестве - как отобранные интернациональным сознанием слова, характеризующие специфически национальное явление (ср. эсперантские *kimono, sario, sarafano*).

В словарях языка эсперанто можно встретить целый ряд заимствованных из русского языка советизмов. Так, в "*Plena vortaro de Esperanto*" [12] находим слова *soveto, bolŝeviko, kolhozo*; в "*Plena ilustrita vortaro de Esperanto*" [13], кроме того, имеются *sovhozo, sputniko, leninismo, stalinovismo, junpioniro, Oktobra revolucio*. Характерно, что при толковании названных слов в обоих толковых словарях обычно приводится указание на то, что понятие, соответствующее такому слову, отражает советскую действительность. Как бы предвосхищая требования Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова обязательного историко-этимологического комментирования таких слов, как "большевик", "совет" и др. [4, 95], составители [12], изложив свое понимание основных черт "большевизма", дают такую историко-этимологическую справку (привожу в переводе с эсперанто): "Эта политическая тенденция родилась в русской социал-демократической партии, главным образом под влиянием Ленина, и завоевала государственную власть в 1917 году. Термин происходит от русского слова "большинство" (слово переводится на эсперанто "*plimulto*"); они же, объяснив, что означает слово "*soveto*", комментируют: "Слово происходит от русского глагола "советовать" (*konsili*)". А в [13] слово *sovhozo* объясняется так: "В Советском Союзе - земельческая сельскохозяйственная организация".

Таким образом, в эсперанто, как и в национальных языках, постепенно формируется пласт слов, предназначенных для обозначения реалий той или иной национальной культуры. И в эсперанто такие безэквивалентные слова того или иного языка обычно входят уже после того, как они оказались заимствованными рядом распространенных национальных ("мировых") языков. Такие слова являются как бы интернациональными экзотизмами.

Очень любопытным образом диалектика интернационального и национального преломляется на "афористическом уровне языка" [4, 166 и сл.]. Известно, что без пословиц и поговорок, без афоризмов и крылатых слов не может жить ни один язык. И Л. Заменгоф, прекрасно понимая, что без такого материала апостериорный язык остался бы сухой схемой, позаботился о том, чтобы на основе творческого изучения пословиц и поговорок различных народов создать в своем языке их эквиваленты, опираясь уже на "строительный материал" эсперанто. Многие созданные им афоризмы (в широком смысле слова) вошли в золотой фонд эсперанто. Перелистав несколько страниц последнего словаря [13], мы найдем большое количество таких афоризмов: *al abelujojn ne blovu; kiu havas abelojn, havas mielon; saĝo abunda, sed ne profunda; kiu ripetas abunde, lernas plej funde; fiŝo serĉas profundon, homo serĉas abundon; oni maron admiras, se oni maron ne iras; edzin' admirata, edzo malsata; eĉ monstron admiras, kiu ame deliras.*

Эти примеры извлечены всего из трех словарных статей (*abelo* "пчела", *abunda* "обильный", *admiri* "восхищаться"). Легко заметить, как стремление к рифме подсказывает Заменгофу иные представления, чем в национальных прототипах соответствующих пословиц (хотя, впрочем, не всегда можно с уверенностью утверждать, какая из близких по содержанию пословиц разных языков явилась непосредственным прототипом эсперантского афоризма). Сопоставим, например, русскую пословицу "Рыба ищет где глубже, а человек - где лучше" с ее выше приведенным эсперантским соответствием. Появление в эсперантской пословице слова со значением "изобилие" вместо "где лучше" явно вызвано и конструкцией фразы, и требованием рифмы. Не всегда легко перевести эсперантскую пословицу на русский язык, чему причиной может быть как отсутствие в русском языке эквивалента или его неочевидность, так и своеобразие конструкции, ее идиоматичность в языке эсперанто в сопоставлении с русским. Вот, например, приблизительный перевод на русский язык предпоследней из приведенных пословиц: "Женой

восхищаются - муж голоден". Легко заметить, сколько теряет пословица при неэквивалентном переводе. Но ничего необычного в этом нет: трудности тут такие же, как и при переводе афоризмов с одного национального языка на другой.

Одним из парадоксов диалектики интернационального и национального в апостериорном языке является необходимость в любом таком языке определенного количества собственно безэквивалентной лексики, обозначающей не интернациональные понятия и не явления той или иной национальной культуры, а понятия и явления, связанные с функционированием самого апостериорного языка. Парадоксом это явление можно назвать потому, что, на первый взгляд, языку, претендующему на роль международного, вовсе ни к чему подобные слова, не подводимые ни под интернациональное, ни под национальное. Но ведь любой апостериорный язык должен иметь имена для самого языка, для говорящих на нем, для организаций по его изучению и распространению. И вот появляются слова "эсперанто", "эсперантист" и т.п.

Изучение подобных "эсперантизмов" представляется исключительно важным как для интерлингвистики, так и для общей лингвистики. Ведь история любого апостериорного языка - это великолепный естественный социолингвистический и психолингвистический эксперимент, в котором легче проследить общие причины появления новых слов и значений. И история многих "эсперантизмов" - это образец диалектики "искусственного" и "естественного". Вернемся хотя бы к названию языка эсперанто. Публикуя первый учебник, Заменгоф назвал свой язык просто "Международный язык". Свой учебник он издал под искусственно созданным псевдонимом "Д-р Эсперанто" [8]. А затем произошел естественный языковой процесс, когда говорящие (на разных языках!) сократили "язык доктора Эсперанто" в "язык Эсперанто" и просто в "эсперанто".

Выше уже упоминалось сугубо эсперантское значение слова *krokodilo*. Имеется и соответствующий глагол *krokodili* "говорить на национальном языке среди эсперантистов". Пуриста-эсперантиста сторонники неологизмов именуют *ĝivostulo*, где *ĝiv* означает "до", *ost* означает "кость", а *-ul* -суффикс, обозначающий "лицо, обладающее данным качеством". Общее же значение слова на русский язык можно было бы "перевести" следующим образом: "эсперантист, до мозга костей убежденный в необходимости отстаивать неприкосновенность заменгофовских норм языка". Как видим, морфемный состав слова лишь намекает

на ту информацию, которая расшифрована здесь. Вечно начинающего эсперантиста-корреспондента, который в своих письмах или открытках по преимуществу ограничивается словами приветствия и прощания, прозвали "salutulo kaj ĝisrevidulo". Можно привести ряд других "эсперантизмов": stelo как название условной денежной единицы, Sveh-instruisto для обозначения преподавателя, обучающего языку эсперанто по методу Че (разновидность прямого метода), названия ряда эсперантистских организаций в форме аббревиатур, а также производные от них слова. Предметом специальных разысканий должны стать случаи приобретения эсперантскими словами дополнительных оттенков значения, специфичных для истории языка эсперанто, его движения, его культуры.

Но не забудем, что центральным понятием лингвострановедческой теории слова является лексический фон. Обладают ли слова "искусственного" апостериорного языка лексическим фоном? На этот вопрос часто отвечают отрицательно. Еще Анатолий Франс отказывал языку эсперанто в праве на поэзию, ибо "в национальных языках слова пробуждают ассоциации, воспоминания, которые придают им колорит, дают им скрытую энергию, тогда как в искусственном языке слова лишены ассоциаций, нюансов, они абстрактны, так что всякий перевод на эсперанто может быть только бледной копией, чтобы не сказать искажением оригинала" [II, 47]*. Аналогичные утверждения встречаем в недавней работе О.С. Ахмановой и В.Я. Задорновой [I, 10-II], которые, признавая возможности эсперанто как одного из "способов оптимального и простого общения друг с другом" "людей одной специальности, говорящих на разных языках", считают этот язык свободным "от поплзновений на красоту и вдохновение".

Уже более полувека назад выдающийся классик эсперантской литературы, глубокий стилист К. Калочай блестяще доказал несостоятельность подобных утверждений: "... Эсперантские слова вовсе не такие абстрактные, висящие в воздухе, как можно было бы полагать теоретически. Во-первых, эсперантские слова взяты из живого материала, воспользуемся сравнением: это не цветы, сделанные из бумаги, а цветы, высаженные на грядку. Они продолжают там свою прежнюю жизнь и чем шире их почва, тем сильнее раскидывают они свои ветви с богатыми ассоциациями и воспоминаниями.

* Перевод с эсперанто здесь и далее наш.

Далее, поскольку они взяты из международного материала, уже с самого начала они имеют все интернациональные ассоциации. Библия, античный мир, общая современная культура являются источником всюду воспринимаемых нюансов для многих слов...

А что дало ассоциации словам национальных языков? История, обычаи и особенно литература. То же действие тех же факторов следует ожидать и в эсперанто. История нашего движения, общие устремления и надежды, наши конгрессы, наша общественная жизнь постепенно обогатили и обогатят многие слова сугубо эсперантским дополнительным содержанием... Общие усилия и расцветающая литература - вот два средства, благодаря которым наш язык достигнет равноправия с национальными языками" [II, 48].

Мы привели столь обширную цитату потому, что, на наш взгляд, представления К. Калочая о путях развития "лексического фона" слов в эсперанто, высказанные полвека назад, очень актуальны и сейчас. "Сугубо эсперантское дополнительное содержание" (*speciale esperanta kromenhavo*) явно перекликается с современными "национально-культурными семантическими долями" [5, 67 и сл.]. И подобная перекличка в столь далеких и никак не зависимых друг от друга исследованиях на более чем различном материале взаимно усиливает, как нам кажется, обе концепции.

Итак, слово в апостериорном языке имеет лексический фон, складывающийся прежде всего из "общецеловеческих межъязыковых семантических долей" [5, 66]. Обобщая материал по ассоциациям в [6; 7] и применяя полученные результаты к нашему материалу, можно следующим образом предсказать возможные типичные семантические ассоциации к слову *abelo* "пчела". Общецеловеческие семантические доли этого слова и "понятийно-эквивалентных слов" других языков, по-видимому, состоят в том, что пчелы дают мед и воск, что пчеловоды содержат их в ульях на пасеке, что они летают роями, что у них есть жало, которым они могут ужалить, что среди пчел имеется пчелиная матка и трутни; по разным признакам ассоциируются с пчелами шмели, осы, муравьи... Соответственно у эсперантиста возможны ассоциации: *mielo*, *vakso*, *abelbredisto*, *abelujo*, *abelejo*, *flugi*, *varmo* (*esameno*), *pikilo*, *piki*, (*abel*) *regino*, *abelviro*; *burdo*; *vespo*, *formiko*.

Знание пословицы *Ne blovi al abelujon* "Не дуи на улей" (со значением "Не дразни вспыльчивого") может вызвать уже

сугубо эсперантскую ассоциацию *blovi*. То обстоятельство, что в эсперанто *abelo* рифмуется со словами *fabelo* "сказка", *ĉielo* "небо" и т.д., в качестве ассоциатов может дать и эти слова.

Итак, в статье рассмотрены некоторые аспекты применения "лингвострановедческой теории слова" к апостериорным языкам, в частности, к языку эсперанто. Полагаем, что факты, рассмотренные выше, доказывают, во-первых, плодотворность такого применения для задач, стоящих перед интерлингвистикой и эсперантологией (ср. [15]), а во-вторых, полезность такого расширения рассматриваемого материала для самой лингвострановедческой теории. Как справедливо заметил в свое время Э. Прива, "эсперанто представляет для лингвистов интересный случай проверить многие гипотезы. Даже только из-за этого он должен был бы привлекать их как достойный наблюдения феномен" [14, 7-8].

Литература

1. Ахманова О.С., Задорнова В.Я. Теория и практика перевода в свете учения о функциональных стилях речи. - В кн.: Лингвистические проблемы перевода. М., 1980.
2. Бокарев Е.А. Эсперанто-русский словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1974.
3. Верещагин Е.М. Психологическая и методическая характеристика двуязычия (Билингвизма). - М.: Изд-во МГУ, 1969.
4. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд. 2-е. - М., 1976.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. - М., 1980.
6. Словарь ассоциативных норм русского языка. - М., 1977.
7. Титова Л.И. Киргизско-русский ассоциативный словарь. - Фрунзе, 1975.
8. Д-р Эсперанто. Международный язык. Предисловие и полный учебник. - Варшава, 1887.
9. Alfandari A. Course pratique de Neo - deuxième langue. - Bruxelles: Editions Brepols S.A., 1961.
10. Baza literatura krestomatia. - Budapest, 1979.
- 10a. Gvidlibro por supera ekzameno. II. Skizo de historio kaj literaturo de Esperanto. - Budapest, 1966.

11. Kalocsay K. La evoluo de nia poezia lingvo. - En: Kalocsay K. Lingvo. Stilo. Formo. Budapest, 1931.
12. Plena vortaro de Esperanto. - Paris: SAT, 1964.
13. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. - Paris: SAT, 1980.
14. Privat E. Esprimo de sentoj en Esperanto. - Den Haag, 1937.
15. Tonkin H. Esperanto kiel objekto de universitata instruado kaj scienca esploro. - En: Esperantologiaj kalendaroj. 2. Budapest, 1977.
16. Zlatarski D. Mia esperantista kredo. - In: Bulgara esperantisto, Sofio, 1978, 12. (Vidu ankaŭ: Paco, Berlin, 1981).

La lingvolandoscia vortteorio kaj la aposterioraj lingvoj

Vladimir A. Kornilov

En la artikolo temas pri kelkaj aspektoj de "lingvolandoscia vortteorio", formulita en verkoj de sovetaj sociolingvistoj kaj lingvometodistoj E.M. Vereščagin kaj V.G. Kostomarov, aplike al aposterioraj lingvoj kaj precipe al Esperanto. Aŭtoro opinias, ke aposterioraj lingvoj ne nur spegulas internacian kaj naciajn kulturojn, sed en sia evoluo ili akiras elementojn de memstara kulturo simile al nacia kulturo. Tia kulturo havas "kvazaŭnacion" karakteron.

Ĉiu lingvo (inkluzive lingvojn aposteriorajn) estas lernendaj nur kune kun ĝia kulturo. Bonan ekzemplon de tia lernado donas hungaraj esperantistoj kun iliaj "gvidlibroj por supera ekzameno", enhavantaj necesan informon pri E-kulturo.

Estas esplorata unu el ĉefaj konceptoj de "lingvolandoscia teorio" - "leksika fono", sekvanta el vortaj asocioj (kunligoj) karakteraj por lingvouzantoj. Aŭtoro solidaras kun K. Kalocsay, kiu en la polemiko kun Anatol France konvinke demonstris vojojn de pliriĉigo de Esperantaj vortoj per asocioj (kunligoj) kaj rememoroj kun "speciale Esperanta kromenhavo".

ЯЗЫКОВЫЕ УНИВЕРСАЛИИ КАК ОСНОВА ПОСТРОЕНИЯ ПЛАНОВОГО ЯЗЫКА*

А. М. Лихтгейм

Известно, что плановые языки (ПЯ) могут конструироваться как из чисто логических соображений (так называемые априорные ПЯ), так и на материале существующих этнических языков (так называемые апостериорные ПЯ). Практика давно уже отдала предпочтение апостериорным ПЯ как более понятным и удобным для пользования. При этом создатели апостериорных ПЯ определяли те или иные языковые закономерности, используемые при конструировании ПЯ, большей частью интуитивно, либо просто отдавали предпочтение в этом отношении каким-либо конкретным этническим языкам.

Однако апостериорный ПЯ может быть построен на базе использования основных языковых закономерностей — языковых универсалий. При этом оказываются необходимыми как абсолютные универсалии, так и относительные, статистические универсалии (так наз. фреквенталии), а также диахронические универсалии (см., например, [4; 6; 7; 8; II; I3; I4]). Именно для универсалий, не являющихся абсолютными, имеет смысл говорить о выборе "правильных" положений при создании ПЯ. В связи с этим немедленно встает вопрос о методе количественной оценки при установлении статистической универсалии: принимать ли во внимание лишь число языков, в которых наблюдается данное явление, либо учитывать и количество носителей анализируемых языков; одинаково ли учитывать при этом языки с небольшими диалектными различиями и языки с сильными диалектными отклонениями от литературной нормы, или же языки с еще не установившейся нормой.

Далее, необходимо учитывать, очевидно, не только синхронические универсалии, но и диахронические, так как при создании ПЯ ставится цель сконструировать не только максимально удобный, логичный, легкий, наиболее близкий и понятный большинству людей язык, но и получить язык, максимально "ус-

*Окончание статьи будет опубликовано в следующем выпуске "Interlinguistica Tartuensis".

тойчивый" во времени, т.е. язык, который будет относительно медленно изменяться в будущем, а это требует учета и диахронических закономерностей, т.е. предпочтение должно в определенных случаях отдаваться тем языковым элементам, которые развиваются и "растут", хотя и не имеют в данный момент "большинства".

При конструировании ПЯ желательно также теоретически "осмысливать" используемые универсалии, т.е. устанавливать истинные причины их существования, что помогло бы исключить случаи использования "случайных" универсальных явлений (которые, вообще говоря, также могут иметь место) и позволило бы предвидеть возможные будущие изменения языковых элементов.

Необходимо, очевидно, анализировать универсалии на всех уровнях языка - фонетики, фонологии, грамматики (морфологии, синтаксиса), словообразования, лексики и т.д., при этом для каждого языкового уровня конкретный метод использования универсалий для построения ПЯ должен иметь свой специфический характер. В частности, кроме общих статистических критериев, для фонетического уровня будут играть свою особую роль некоторые физико-акустические закономерности, для уровней грамматики, лексики, семантики - некоторые логические соображения, а для собственно грамматики, в частности, морфологии - кроме вышеприведенного, еще и понятие избыточности данной грамматической категории и т.п.

Наконец, ясно, что для построения ПЯ необходимо иметь все требующиеся для этого языковые универсалии, в то время как нынешний установленный их набор составляет не более одной десятой нужного количества. Кроме того, формируются преимущественно универсалии более высоких "ярусов" языка, устанавливающие отношения и зависимости между более простыми языковыми элементами, между тем как для создания ПЯ требуются в первую очередь именно самые простые, наиболее общие универсальные закономерности (вплоть до "банальных" истин типа "все языки имеют предложения" и т.п.). Поэтому в процессе конструирования ПЯ необходимо выявить все недостающие для этой цели языковые универсалии, а для этого - сразу же создать общий метод их установления.

Данная статья посвящена изложению универсально-статистического метода выявления языковых закономерностей морфологического уровня для конструирования морфологических элементов ПЯ.

Методы установления языковых универсалий разных типов

Приступая к решению этого вопроса, следует сразу же выявить принципиальную разницу в методах установления абсолютных, статистических и диахронических универсалий. Если для установления абсолютных универсалий, не знающих исключений, не является важным количество носителей того или иного языка и, наоборот, принципиально важно установление данной закономерности во всех языках или - практически - в как можно большем количестве языков, то для установления статистических универсалий в применении для конструирования ПЯ на первый план выступает элемент или закономерность, т.е. является принципиально важным учет количества носителей каждого языка и - как следствие этого - является менее важным выявление данной закономерности для языков с очень малым числом носителей. Наконец, для диахронических универсалий принципиально важным становится также и учет временного развития тех или иных элементов языка, а для этого - теоретическое осмысление таких закономерностей и учет влияния логических категорий на развитие языковых элементов. Поэтому при установлении абсолютных универсалий стараются выявить их для возможно большего количества языков, в том числе и для очень редких, "экзотических" языков, так как любое увеличение количества обследованных языков увеличивает достоверность, "доказательность" установленной абсолютной универсалии.

С другой стороны, применение этого же метода без учета количества носителей сравниваемых языков при установлении относительных и диахронических универсалий представляется принципиально неверным, тем более для конструирования ПЯ, так как для этой цели необходимо установить наиболее понятные большинству людей закономерности (для чего соответствующие относительные универсалии должны выявляться безусловно с учетом количества носителей соответствующих языков). Кроме того, при прочих равных условиях "крупные" языки развиваются гораздо быстрее "малых" (ускорение развития вызывается увеличением количества взаимного языкового общения). Поэтому при установлении относительных и диахронических универсалий без учета количества носителей обследуемых языков истинная картина развития языковых явлений была бы "смазана".

В отношении учета диалектов и говоров необходимо, очевидно, либо учитывать наиболее важные из них как отдельно существующие языки, либо - что практически легче - учитывать

элементы соответствующего литературного языка с каким-либо коэффициентом (множителем), меньшим единицы, соответствующим "степени диалектности" данного языка.

Наконец, установление диахронических универсалий без учета логических и других причин языковых закономерностей грозит выбором для ПЯ "неустойчивых" языковых форм, которые относительно быстро могут замениться другими, более устойчивыми, т.е. для создания устойчивого во времени ПЯ учет логических категорий совершенно необходим. Для этого надо, в свою очередь, последовательно отличать языковые элементы, лежащие на "поверхности" языка, представляющие его "форму", от элементов, лежащих на более "глубоком" уровне, представляющие его "содержание", а также отличать элементы, поддающиеся логической и качественной оценке и, соответственно, влиянию логических категорий, от элементов языка, такой оценке принципиально не поддающихся и, соответственно, "безразличных" к категориям логики.

О принципах морфологического анализа языков

Сравнивая между собой разные языки, мы замечаем, что то, что выражено в одном языке морфологически, может быть выражено в другом языке синтаксически, а в третьем языке - вообще не грамматически, а лексически, контекстно. Так, русскому или английскому окончанию множественного числа во французском языке соответствует определенный артикль множественного числа (для существительных с определенным артиклем), в индонезийском - в определенных случаях удвоение (редупликация) существительного, а для ряда языков понятие числа дается только контекстом. Поскольку, однако, люди осуществляют достаточно адекватный перевод текстов с одного языка на другой, очевидно, что при этом вычлняются некоторые более общие понятия, охватывающие сразу все подобные морфологические, синтаксические и лексические средства, служащие для выражения в разных языках одного и того же значения. Эти понятия служат как бы более общим содержанием соответствующих грамматических и лексических конструкций. Будем называть их категориями грамматического содержания [2, 13-14], считая их содержанием соответствующих грамматических форм. Содержательные категории - это то общее для ряда языков (или для ряда форм одного языка), что объединяет по значению соответствующие грамматические и лексические конструкции этих языков, служащие для выражения одного и того же понятия, значения (см.

табл. I в конце статьи). Для языков, где это значение выражается грамматической категорией, эта содержательная категория будет представлять собой ее грамматическое значение и относиться к области грамматики, а для языков, где это значение выражается лексической конструкцией, данная содержательная категория будет представлять собой ее лексическое значение и относиться к области лексики (однако она не будет тождественной всему лексическому значению данной конструкции, а будет представлять лишь ее не основную, дополнительную составляющую, эквивалентную грамматическому значению). В обоих случаях содержательная категория относится к плану содержания, т.е. к семантике*.

Важно отметить, что, не прибегая к таким категориям, вообще трудно проводить сравнительный анализ разных языков. Сравнивая лишь грамматические формы, мы либо должны констатировать резкое различие их для разных языков (или даже для одного языка в разные периоды времени), либо должны "отыскивать" привычные нам формы там, где их вообще нет (отсюда большой разнобой при анализе грамматических форм некоторых языков). Между тем введение "содержательных категорий" позволяет осуществлять такой анализ достаточно логично и стройно: одна и та же содержательная категория может выражаться по-разному в разных языках или в разные периоды существования одного языка; при этом такая категория отнюдь не исчезает, а продолжает существовать; если, например, грамматическая категория падежа не существует в западнороманских языках, в то время как она существовала в латинском, то содер-

* Содержательные категории представляют собой понятия глубинного уровня языка и по их функции совпадают с понятийными категориями Есперсена и Мещанинова. Понятийные категории получают свое дальнейшее развитие в наше время; А. В. Бондарко [1] подразделяет понятийные категории на категории более глубинного и более поверхностного семантического уровня, или мыслительно-языкового и мыслительно-речевого аспекта (так называемые языковые семантические функции), подчеркивает многоярусность понятийных категорий, универсальность основных, фундаментальных понятийных категорий и неуниверсальность (или факультативность) категорий нефундаментальных; дает способы выявления понятийных категорий путем синонимической замены одной формы другой или сравнением разных языковых форм, выражающих одно понятие, при переводе с одного языка на другой.

Употребляемое в данной статье выражение "содержательные категории" не затрагивает подобных подразделений и подчеркивает лишь общую, более "глубокую", понятийную содержательность более поверхностных, "внешних" структур языка.

жательная категория "падежного отношения" продолжает существовать в них, как существовала и в латинском, хотя выражается в них уже по-другому - конструкцией существительных с предлогами.

Между прочим, к понятию об этих содержательных категориях мы приходим, не только сравнивая разные языки или разные периоды существования одного языка (т.е. сравнивая разные грамматические структуры), но даже и при вполне синхроническом анализе одного языка. В самом деле, в одном и том же языке подчас можно выразить одну содержательную категорию разными формами, например, в русском языке: "быстрее" и "более быстро", "идущий" и "который идет" и т.д. Отличия между соответствующими формами здесь в основном стилистические; содержательные же категории здесь одни и те же. Например, для одной и той же формы, например, падежа, могут быть разные наборы падежных показателей (т.е. разные склонения), из-за чего несколько разных показателей могут выражать одну содержательную категорию.

Поэтому и при анализе грамматики одного языка - если не обращаться к понятию содержательных категорий - можно получать резко отличающиеся друг от друга результаты в зависимости от того, будут ли приниматься во внимание лишь грамматические формы, либо будут учитываться также и лексико-семантические категории.

Особо, естественно, встает вопрос об объективности существования таких содержательных категорий, т.е. существуют ли они объективно в сознании людей с самого начала усвоения ими языка и лишь "осознаются" в каждом конкретном случае, либо их вообще не существует в обязательном порядке в сознании человека и они "конструируются", создаются там человеческой мыслью именно в момент рассуждений, подобных вышеизложенным. Более правильным представляется именно последний ответ, так как содержательные категории являются категориями обобщения и могут выявиться лишь в процессе более абстрактного мыслительного анализа. Тут же надо, конечно, заметить, что решение этого вопроса совершенно несущественно как для анализа грамматических языковых структур, так и для их последующего интерлингвистического анализа.

Таким образом, мы примем, что каждой грамматической категории как форме отвечает ее содержание - соответствующая содержательная категория. Но содержательным категориям в свою очередь соответствуют категории лексического содержания

- лексического значения. Так, например, грамматической категории существительного отвечает содержательная категория предметности, которой в свою очередь соответствует лексико-семантическое понятие предмета. Или, например, грамматической категории числа соответствует содержательная категория множественности, которой в свою очередь соответствует лексико-семантическое понятие числа предметов.

Но всякая форма не полностью отвечает своему содержанию, а, как известно, проявляет по отношению к нему относительную самостоятельность. Точно так же и здесь, например, грамматическая категория прилагательного в русском слове "высокий", соответствуя обычно содержательной категории качественности, в некоторых случаях, например, в предложении "высокому труднее нагибаться", соответствует содержательной категории предметности, как и лексико-семантической категории предмета. Или, например, в словах "сани", "ножницы" грамматической категории множественного числа существительного соответствует содержательная категория единичности, а не множественности, так же как и лексико-семантическая категория единственного числа предмета.

В свою очередь, содержательные категории также могут иногда соответствовать не "своему" семантическому содержанию: например, если в слове "бежать" грамматической категории глагола и содержательной категории процессности соответствует семантическая категория действия, то в таком слове, как "бег", грамматическая категория существительного и содержательная категория предметности выражает по-прежнему семантическую категорию действия (а отнюдь не предмета); в слове "белизна" грамматическая категория существительного и содержательная категория предметности выражает семантическую категорию качества; в словах "толпа", "группа" грамматическая категория единственного числа существительного и содержательная категория единичности выражают лексико-семантическую категорию множества или собирательности, а отнюдь не единичности, и т.д.

Наконец, лексико-семантическим категориям соответствуют обобщенные категории объективного мира (материя, движение и др.).

О классификации грамматических категорий

В качестве примера рассмотрим применение сравнительного анализа с применением содержательных категорий для класси-

кации основных (знаменательных) частей речи. С учетом сказанного выше логично классификацию формальных грамматических категорий начать с классификации соответствующих содержательных категорий, а классификацию этих последних - с классификации соответствующих лексико-семантических категорий, которые в свою очередь отражают категории объективного мира.

Если все существующее в мире является материей, которая имеет особую форму своего существования - движение, то это подразделение объективного мира отражается на лексико-семантическом уровне понятиями предмета и действия; им соответствуют содержательные категории предметности и процессности, которым в свою очередь соответствуют в ряде языков грамматические категории существительного и глагола (или - в других языках - имени и глагола, или имени и предикатива и т.д. Двигаясь от содержания к форме, мы, естественно, будем в разных языках получать разные конкретные результаты).

Далее, поскольку разные объекты реального мира могут относиться друг к другу как категории формы и содержания, можно выделить форму - как признак, обобщенное качество объекта, отделяя его от самого объекта - в реальном мире; применяя это к уже выделенному предмету и действию, получим на уровне семантики качество предмета и качество действия, при переходе к содержательным категориям - категории качественности предмета и качественности действия; им будут соответствовать в определенных языках грамматические категории прилагательного и наречия.

В свою очередь, рассматривая признак, обобщенное качество объекта в соответствии с подразделением на категории качества и количества как собственно качественный и количественный признаки, приходим к содержательным категориям качественности и количественности, а на уровне грамматических категорий получим части речи прилагательное и числительное.

Наконец, большим подразделением объективного мира является подразделение на абстрактное и конкретное. Для семантического уровня это могут быть более абстрактные, обобщенные, указательно-назывные понятия - в отличие от более конкретных. Им будут соответствовать на содержательном уровне категории указательности (которые по другим подразделениям будут делиться на категории указательности предметной, качественной, количественной, процессной и т.д.). Этим последним на грамматическом уровне в свою очередь будет соответствовать грамматическая категория местоименных слов (которые по дру-

гим подразделениям должны будут, естественно, делиться на местоименные существительные, местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные наречия, местоименный глагол).

Таким образом, мы получили по достаточно общим подразделениям объективной действительности классификацию так называемых знаменательных частей речи, которые могут быть названы грамматическими категориями первого порядка (или, по Уорфу [12, 51], избирательные, селективные грамматические категории) и которые, собственно, одни только и должны называться частями речи. Так называемые служебные части речи (служебные классы слов) служат для связи основных частей речи или их совокупностей (вплоть до предложений) между собой и для оформления конкретных частей речи. Данную классификацию можно представить в виде пространственной структуры (см. табл. 2 в конце статьи).

Из этой схемы сразу видна, например, особая роль местоименных слов как абстрактных аналогов всех основных частей речи. Возможный местоименный глагол действительно реализуется в некоторых языках (например, глагол *to do* в английском языке).

Принцип выведения основных частей речи из наиболее общих семантических категорий появился еще в XIX в. (А.А. Потенция) и к настоящему времени все более преобладает (см., например, [10, 110-123, 5, 10-11, 3, 92-96]). Он приводит к выводу о существовании основных частей речи (в том или ином конкретном виде) во всех языках мира и появлении и развитии их системы с развитием человеческого мышления.

Выявление же частей речи через частнограмматические категории, словоизменение и синтаксические функции не является строгим, так как каждая из совокупностей вышеуказанных категорий характеризует в языках, как правило, не все слова данной части речи, а лишь слова ее основной, "ядерной" части и, наоборот, частично характерна и для других частей речи, а также потому, что набор конкретных черт данной совокупности этих категорий, характеризующий какую-либо часть речи, является разным для разных языков (или даже для одного языка в разные периоды его существования) и, следовательно, строго говоря, мы при таком подходе вообще не должны при сравнении разных, даже очень близких, языков употреблять понятия просто существительного, прилагательного, глагола и т.д., а можем лишь определять и вводить понятия "русского существи-

тельного", "английского существительного", "французского существительного" и т.д., "русского глагола", "английского глагола" и т.д., т.е. при этом подходе вообще невозможен строгий сравнительный анализ нескольких языков. Лишь семантический, "содержательный" принцип позволяет дать строгое определение каждой части речи, пригодное сразу для многих языков.

В отличие от избирательных категорий, так называемые модулирующие категории [12, 53-54], или грамматические категории второго порядка, например, число, род, падеж, лицо, время и т.п., применяются к словам, относящимся к какой-либо избирательной категории (части речи) или одновременно к словам нескольких частей речи (в зависимости от языка). Определенные категории второго порядка, применяющиеся к словам нескольких категорий первого порядка, могут быть названы "собственными" для тех категорий первого порядка, для которых они могут выражать какую-либо сторону соответствующего им лексико-семантического понятия, и "несобственными" - для тех категорий, для которых они не могут служить подобным средством выражения. Например, грамматическая категория числа является грамматической категорией второго порядка, собственной для такой грамматической категории первого порядка, как существительное, и несобственной для таких категорий, как прилагательное, глагол и т.д. (так как реально может существовать лишь число предметов, а не число качества, действия и т.п.).

Другим крупным подразделением грамматических категорий является подразделение их на классифицирующие и словоизменительные. Классифицирующие категории - это категории лексико-грамматические, вводящие новое лексическое понятие; к ним относятся как классы знаменательных слов - части речи, так и, например, категории рода существительного, залога глагола. Словоизменительные категории образуют словоформы одной лексем; к ним относятся категории падежа, числа, степени сравнения*, времени, наклонения, вида, рода прилагательного и глагола, лица глагола и др.

Наконец, существует достаточно широко применяемое подразделение грамматических категорий на шифтеры и не-шифтеры

* Трактовка степени сравнения как словоизменительной (морфологической) категории не является бесспорной. В современной лингвистической науке отстаиваются также точки зрения на степень сравнения как на словообразовательную категорию и даже как на особый разряд неизменяемых слов. - Примечание ответственного редактора.

по Якобсону [15, 97-102]). Шифтерами называют категории, общее значение которых нельзя определить без ссылки на самое сообщение или его участников и которые содержат в самих себе подобную ссылку, почему значение их меняется в зависимости от конкретных условий акта речи. В противоположность им не-шифтеры не содержат в себе ссылки на сообщение, поэтому их общее значение раз навсегда фиксировано и не меняется в зависимости от различных условий речевого акта. В применении к грамматическим категориям второго порядка к шифтерам относятся, например, категории лица, наклонения, времени, так наз. засвидетельствованности; к ним можно также отнести такие категории, как падеж и степень сравнения. К не-шифтерам относятся такие категории, как род, число, залог, вид, способ действия, статус (вопросительная, утвердительная, отрицательная формы), таксис (временная отнесенность - одновременно, предшествование; уступительная связь и т.п.). В применении к грамматическим категориям первого порядка, например, существительным, местоименные существительные (например, личные местоимения) могут быть противопоставлены остальным существительным, как шифтеры - не-шифтерам. Еще более широко можно противопоставить, как шифтеры - не-шифтерам, все вообще местоименные слова - соответствующим местоименным знаменательным частям речи. Можно сказать, что шифтерные категории имеют относительное грамматическое значение, частично зависящее от конкретного речевого акта, а нешифтерные - абсолютное грамматическое значение.

Грамматические категории подразделяются также на родовые (падеж, залог, лицо, число, время и т.д.) и специфические (например, именительный падеж, родительный падеж; пассивный залог; второе лицо; единственное число и т.д. [12, 59]).

О принципах отбора грамматических категорий для ПЯ

Прежде всего необходимо отметить, что среди языковых элементов разных уровней языка (в том числе грамматических категорий) существуют элементы, допускающие качественную оценку, и элементы, безразличные к ней. В самом деле, например, как предлоги, так и послелоги одинаково хорошо выполняют свою общую функцию (установление связи существительного с другими словами) и, следовательно, выбор между этими двумя формами должен определяться отнюдь не качественными, а лишь количественными соображениями, т.е. степени распространенности этих форм в языках мира. С другой стороны, такая, на-

пример, грамматическая категория, как число существительного, достаточно часто употребляется в большинстве языков мира, и отсутствие данной категории в удобной форме (например, удвоение имен существительного для передачи множественного числа или использование лексических средств для этой цели) должно оцениваться как недостаток данной грамматической структуры. Поэтому при выборе конкретной грамматической категории для ПЯ необходимо проводить возможную качественную оценку этой категории.

Далее, встает вопрос об общем количестве необходимых грамматических категорий. С одной стороны, чем больше грамматических форм имеется у какого-либо языка, тем более богатым, казалось бы, он мог бы считаться, ибо позволял бы выразить гораздо больше оттенков мысли без дополнительных лексических средств (на самом деле такой язык был бы лишь более кратким и экономным, так как любой оттенок мысли можно выразить лексическими средствами). С другой стороны, значительное увеличение числа грамматических форм резко затрудняет усвоение языка (тем более - усвоение его как языка неродного) и, следовательно, идеально простым с этой точки зрения был бы язык, вообще не имеющий словоизменительных и словообразовательных форм. Осуществление первого требования привело бы нас к языку, содержащему все грамматические формы всех языков мира, т.е. к языку, необычно трудному для усвоения и употребления. Осуществление второго требования приводит к появлению многочисленных громоздких словосочетаний, заменяющих какие-либо конкретные формы словоизменения и словообразования, т.е. к крайне неэкономному расходованию языкового материала. Очевидно, оба решения неприемлемы для ПЯ, как и для любого этнического языка, и идеальным должен быть назван язык, занимающий в этом отношении какое-то промежуточное положение, т.е. имеющий строго определенный набор грамматических форм, благодаря чему он был бы одновременно достаточно легким и кратким.

В связи с этим возникает вопрос о принципах отбора необходимых грамматических форм. Руководствуясь принципом экономии, надо, очевидно, в первую очередь отбирать для ПЯ лишь те грамматические формы, которые употребляются достаточно часто (ибо именно для них замена на лексические словосочетания была бы крайне громоздкой и неэкономной). Что же касается форм сравнительно редких, то их содержание вполне может быть передано лексическими средствами.

Однако мы знаем, что некоторые аналогичные грамматические формы в разных языках имеют разную частоту употребления, а в некоторых случаях формы, высокочастотные в одних языках, вообще отсутствуют в других (например, артикль). Поэтому при сравнении частотности сходных форм в разных языках надо от грамматических форм сделать переход к содержательным категориям и сравнивать по частоте употребления именно их.

Далее, грамматическая форма, как указывалось выше, может быть избыточной во всех тех случаях, когда ее содержание не требовало выражения в данном контексте. Поэтому при подсчете содержательных категорий следует не учитывать их в тех случаях, когда они контекстно-избыточны, т.е. проводить подсчет лишь контекстно-неизбыточных содержательных категорий.

Наконец, сами содержательные категории, соответствующие грамматическим формам, могут быть более или менее частотными в зависимости от частотности данной грамматической формы, так как в зависимости от типа самого языка, т.е. наличия или отсутствия тех или иных форм, говорящий на нем будет выражать свою мысль и строить свои фразы так, чтобы соответствующие содержательные категории встречались чаще или реже. Здесь мы имеем дело с проблемой влияния характера языка на характер мышления. Это приводит к вопросу о соотношении языка и мышления вообще, т.е. о том, возникает ли мысль в чистой "доязыковой" форме в законченном виде и лишь потом оформляется в языковой форме, или никакое мышление вообще не может совершаться вне его языкового оформления, или же, наконец, мысль может возникать, порождаться в ходе чувственного познания, но языковое оформление окончательно создает ее, либо вообще мышление "представляет совокупность различных типов мыслительной деятельности, постоянно сменяющих и дополняющих друг друга, а словесное мышление - лишь главный из этих типов" [9, 413]. Предпочтение сейчас отдается последним вариантам ответа [9, 412-413]. В самом деле, мы вполне можем подумать о предмете, например, о каком-либо цветке, который известен нам по величине, форме, цвету, запаху, но неизвестен (или плохо известен) по названию. Очевидно, это и будет мысль о данном предмете без языкового оформления, ибо и мысли о форме, цвете и т.п. здесь могут быть не словесными, языковыми, а лишь чувственными; при том это не будут просто отдельные мысли о форме, цвете, запахе предмета, но будет их совокупность, т.е. мысль о предмете в целом. С другой стороны, лишь определенное слово четко ограничивает данную сово-

купность чувственных образов от многих других им подобных совокупностей и создает окончательно оформленное понятие о данном предмете, т.е. завершает создание мысли. Соответственно этому и язык может быть определен как средство выражения (в том числе формирования, создания) и сообщения мысли.

Учитывая это, мы должны будем признать, что разные языки, имеющие разные наборы языковых средств, будут несколько по-разному оформлять человеческую мысль, и, следовательно, даже одинаковые содержательные категории в контексте разных языков могут иметь разную частотность. Поэтому при подсчете содержательных категорий необходимо производить усреднение по всем или, по крайней мере, наиболее крупным языкам мира с учетом количества носителей каждого языка.

Поэтому окончательным принципом отбора грамматических форм для ПЯ будет принцип статистического отбора наиболее часто встречающихся контекстно-неизбыточных содержательных категорий путем анализа текстов на разных языках мира с учетом количества говорящих на них; наиболее частотные содержательные категории должны быть оформлены как грамматические категории, менее частотные должны будут передаваться словообразованием, наименее частотные - лексическими средствами.

Данный принцип распространяется как на грамматические категории первого порядка, так и на категории второго порядка. Данная статья посвящена лишь установлению общих принципов отбора грамматических форм и не предусматривает подробного изложения применения этих принципов для рассмотрения в отдельности каждой грамматической категории. Поэтому здесь будут кратко приведены лишь результирующие предварительные данные такого анализа.

Применение данного принципа отбора к грамматическим категориям первого порядка приводит к выводу о необходимости иметь как отдельно оформленные следующие классы слов: существительные, глаголы (включая причастие и деепричастие), прилагательные, наречия, числительные, местоименные слова (отличающиеся по всем знаменательным группам), предлоги, союзы, частицы.

Применение этого принципа для отбора грамматических категорий второго порядка (отдельно для каждой из грамматических категорий первого порядка) приводит к выводу о необходимости иметь как отдельно оформленные следующие категории: число существительного, категория падежного отношения существительного, степень сравнения прилагательного и наречия,

Таблица I

	Язык, где данное понятие выражается грамматически		Язык, где данное понятие выражается лексически	
	План выражения	План содержания	План выражения	План содержания
Грамматика (форма)	Грамматическая категория (как форма)	Содержательная категория = грамматическое значение	—	—
Лексика (содер- жание)	Лексическая категория	Лексическое значение	Лексическая конструкция	Содержательная категория = лексическое значение (дополнительное)
			Лексическая категория	Лексическое значение (основное)

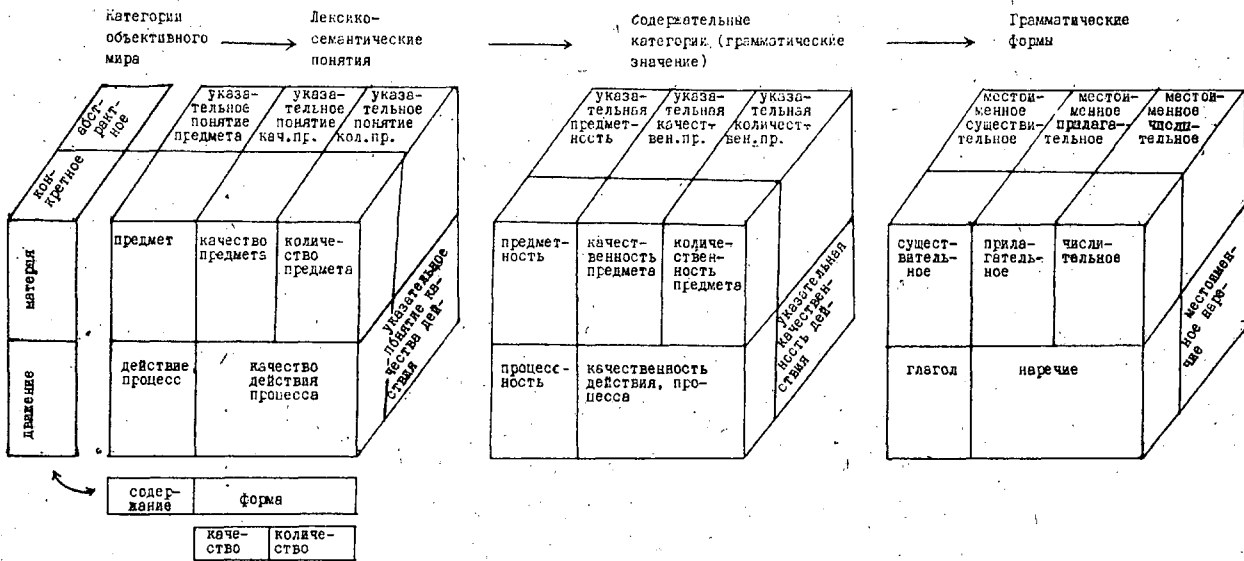

Схема классификация знаменательных частей речи

лицо местоименных существительных, наклонения глагола (без причастия и деепричастия), время глагола (без причастия и деепричастия и лишь в изъявительном наклонении), залог глагола (включая причастия и деепричастия), вид глагола (включая причастия и деепричастия).

Такая же категория, как род, не требует своего грамматического оформления, так как соответствующая содержательная категория пола одушевленного предмета требует своего выражения относительно более редко и может быть в этих случаях выражена словообразованием. Не требуют своего грамматического оформления и такие категории, как категория временной отнесенности (в большинстве случаев избыточная и выражаемая контекстом), способа действия (которая употребляется достаточно редко и может быть выражена словообразованием или лексически) и др.

Определенные категории второго порядка при этом оказываются, как правило, необходимыми лишь для тех категорий первого порядка, для которых они являются собственными. Применение грамматической категории второго порядка для тех категорий, для которых они являются несобственными, с точки зрения морфологического содержания является избыточным, но является полезным с точки зрения синтаксической (возможность более свободного порядка слов). Однако такое явление имеет тенденцию к постепенному сокращению.

Далее, применяя тот же самый принцип к каждой из категорий второго порядка как родовой, устанавливаем набор ее необходимых специфических категорий, что приводит в выводу о необходимости иметь, например, две формы числа (единственное и множественное); три формы лица (первое, второе и третье), три формы времени (настоящее, прошедшее и будущее) и т.д.

Литература

1. Бондарко А.В. Понятийные категории и языковые семантические функции в грамматике. - В кн.: Универсалии и типологические исследования. М., 1974.
2. Корнеева Е.А. и др. Пособие по морфологии английского языка. - М.: Высшая школа, 1974.
3. Кочергина В.А. Введение в языковедение. - М.: Изд-во МГУ, 1979.

4. Новое в лингвистике, вып. У. Сб. статей. - М.: Прогресс, 1970.
5. Плоткин В.Я. Грамматические системы в английском языке. - Кишинев: Штиинца, 1975.
6. Рождественский Ю.В. О лингвистических универсалиях. - Вопросы языкознания, М., 1968, № 2.
7. Серебренников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. - М.: Наука, 1974.
8. Серебренников Б.А. О лингвистических универсалиях. - Вопросы языкознания, М., 1972, № 2.
9. Серебренников Б.А. Язык и мышление. - В кн.: Русский язык. Энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1979.
10. Суник О.П. Общая теория частей речи. - М.-Л.: Наука, 1966.
11. Универсалии и типологические исследования. М.: Наука, 1974.
12. Уорф Б.Л. Грамматические категории. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.
13. Успенский Б.А. Структурная типология языков. - М.: Наука, 1965.
14. Языковые универсалии и лингвистическая типология. - М.: Наука, 1969.
15. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. - В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972.

ИНТЕРЛИНГВИСТИКА

А.Д. Дуличенко

Истоки науки о международном языке уходят в глубь веков. Ее первыми проявлениями были общие рассуждения философов разных времен о путях преодоления многоязычия в человеческом обществе и выдвигавшиеся в этой связи предложения и проекты единого (чаще всего - языкового) средства общения. По нашим данным, со II в. н.э. и по 70-ые гг. XX в. в различных странах мира было разработано либо предложено более 900 проектов международного (или же всеобщего) языка*, в которых их авторы имплицитно стремились воплотить свои представления о том, каким должен быть общий язык.

Рождение науки о международном языке - интерлингвистики полвека назад провозгласили датский лингвист О. Есперсен и венгр Д. Силадьи [40; 50]. Своего рода официальное утверждение интерлингвистики как языковедческой дисциплины произошло на II Международном лингвистическом конгрессе в Женеве в 1931 г., где выступил О. Есперсен и поддержавшие его Э. Сепир, М. Бартоли, А. Мейе и ряд других известных лингвистов Европы. Согласно О. Есперсену, интерлингвистика является "областью языкознания, которая исследует структуру и основные понятия всех языков, имея целью установить нормы для интерязыков, т.е. вспомогательных языков..." [40, I]. В этом определении учтен многовековой опыт лингвопроектирования и подчеркнута важность выявления существенных черт живых языков для конструирования на их основе интерязыков. Это "классическое" определение интерлингвистики в таком (все же узком) или более расширенном (см. ниже) объеме закрепляется в работах по международному языку.

1. "Похищение" термина

Можно с уверенностью сказать, что в истории науки обна-

---

* Данные из нашей неопубликованной книги "Вспомогательные языки. Аннотированная хронологическая библиография искусственных языков международного и проч. характера с древности до современности (II в. - 1973 г.)" (машинопись).

руживаются не столь уж частые случаи, когда бы утвердившуюся научную дисциплину пытались "обезглавить", лишив ее традиционного наименования. Начиная в основном с 60-х гг. в работах ряда лингвистов, как правило, незнакомых с историей международного языка и самим возникновением и оформлением интерлингвистики как науки, предпринимаются попытки использовать наименование науки о международном языке для иных целей. Каких же?

1. В 1966 г. в издательстве Киевского университета вышла монография Ю.А. Жлуктенко "Языковые контакты" с показательным подзаголовком "Проблемы интерлингвистики" (срав. украинское название: "Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики") [13, 4; срав. также 12]. Согласно концепции автора, основное содержание интерлингвистики составляют языковые контакты. Такое понимание интерлингвистической дисциплины поддержано некоторыми другими исследователями, занимающимися изучением языкового взаимодействия в многоязычном обществе. Так, в книге "Украинско-русские языковые связи советского периода" (1969) Г.П. Ижакевич пишет, что "изучение межъязыковых отношений является важной частью специальной отрасли языковедческой науки - интерлингвистики" ("вивчення міжмовних відносин є важливою частиною спеціальної галузі мовознавчої науки - інтерлінгвістики") [17, 6].

Интерлингвистика как синоним языковых контактов используется в монографии "Языковые контакты" (1970) молдавской исследовательницы Т.П. Ильяшенко и в некоторых других работах (см., например, [47]). Согласно Т.П. Ильяшенко, наука о языке (= лингвистика, макролингвистика) представляет собой три аспекта: "1. интралингвистику (изучающую процессы внутриязыкового взаимодействия), 2. интерлингвистику (выделено нами - А.Д.) (охватывающую процессы внешнего и межъязыкового взаимодействия) и 3. экстралингвистику (рассматривающую процессы внелингвистического взаимодействия)". Структурный план таким образом понимаемой интерлингвистики охватывает вопросы "взаимодействия между системами или элементами системы различных языков (лексико-семантической, фонетической, морфологической)"; что касается функционального плана, то здесь выступают вопросы "взаимодействия в разговорном и письменном языке: в литературном языке, диалектах, говорах, профессиональной лексике; взаимодействия в различных стилях (публицистическом, художественной литературы, юридическом, административном) различных языков" [14, 31]. Здесь очевидна попытка

не только синонимировать межъязыковые контакты (и "внутриязыковые и внутристилевые взаимодействия") и интерлингвистику, лишив последнюю ее основного содержания, но и закрепить это положение включением "интерлингвистики" как обязательного компонента в макролингвистическую триаду, т.е. "интралингвистика - интерлингвистика - экстралингвистика". В то же время проблематика языковых контактов оказывается отторгнутой от социолингвистики, в которой она традиционно рассматривается.

2. Уже в 60-е гг. в нашей стране стали появляться (весьма немногочисленные, правда) работы типа "К вопросу об интерлингвистической эквивалентности (на материале атрибутивных словосочетаний с определением, выражающимся предложными и послеложными конструкциями в немецком и узбекском языках)" (1968) и под., в которых их авторы сопоставительное изучение разносистемных языков пытались представить как интерлингвистический объект исследования. В данном случае очевидно, что термин интерлингвистический неосмотрительно употреблен вместо межъязыковой (-ая эквивалентность) или интерлингвальный (-ая эквивалентность).

Вслед за этим подобное представление об интерлингвистике получает некоторое распространение на Западе, в частности, в ФРГ. В 1971 г. профессор Тюбингенского университета М. Вандрушка выпустил книгу под названием "Интерлингвистика. Очерк нового языкознания" [52]. Такое название сразу же несколько настораживало, поскольку еще в 1931 г. О. Есперсен выпустил в Кембридже на английском языке небольшую монографию, имевшую название "Новая наука: интерлингвистика" [40]. Книга М. Вандрушки, однако, не имела прямого отношения к традиционно понимаемой интерлингвистике: сопоставительное изучение языков в широком смысле здесь и обозначено "новым языкознанием". Сам автор определяет это "новое языкознание" следующим образом: "Лингвистика многоязычия, языковых смешений и смешанных языков, перевода и перевод(овед)ческой техники (переводческого сравнения), 'разговор между языками в нас' - это новое сравнительное языкознание..., все это можно объединить в название интерлингвистика" (срав. оригинал "Linguistik der Mehrsprachigkeit, der Sprachmischungen und Mischsprachen, der Übersetzung und des Übersetzungsvergleichs, des 'Gesprächs zwischen den Sprachen in uns', die neue vergleichende Sprachwissenschaft, ... das alles kann man zusammenfassen als Interlinguistik") [52, 10]. В вышедшем

в этом же году сборнике в честь 60-летия М. Вандрушки и названном "Interlinguistica" подзаголовок разъясняет: "Сравнение языков и (языковой) перевод" (немец. "Sprachvergleich und Übersetzung") [39]. В сборнике нет ни одной работы, традиционной рассматриваемой в интерлингвистике, т.е. в науке о международном языке. По утверждению В.В. Акуленко, "именно такой интерлингвистике (т.е. интерлингвистики в понимании М. Вандрушки - А.Д.) был посвящен курс лекций, читавшихся профессором Э. Вюстером с 1972 г. в Венском университете" [15, II6].

Концепция "нового сравнительного языкознания" сделана наспех. В этом легко убедиться, обратив внимание на перечень тех лингвистических объектов, которыми оно (сравнительное языкознание), по замыслу М. Вандрушки, должно заниматься. Под общую "крышу" так наз. нового сравнительного языкознания (= "интерлингвистики") собраны разноаспектные области лингвистики - вопросы многоязычия, процессов языкового смешения и смешанных языков, проблемы перевода с одного языка на другой и под. Показательно, что в самом тексте книги М. Вандрушки вопросы многоязычия (Mehrsprachigkeit) и языковых смешений (Sprachmischungen) не находят никакого освещения: о них заявлено лишь в предисловии в связи с обоснованием "новой" языковедческой дисциплины. Нетрудно заметить, также, что то, что М. Вандрушка называет "новым сравнительным языкознанием" (фактически - сопоставительное языкознание!) не так уж ново: сопоставительные исследования разносистемных и неблизкородственных языков проводились и проводятся, например, в нашей стране многие десятилетия. Результатом таких исследований являются изданные в достаточно большом числе сопоставительные грамматики русского и национальных языков. Сам термин "сопоставительное языкознание", "сопоставительная грамматика" не нуждается, как нам думается, в замене, поскольку он апробирован и успешно применяется десятилетия.

К собственно интерлингвистике в ее традиционном понимании как науки о международном языке М. Вандрушка выражает, по сути, отрицательное отношение (см.: [32, 3]), сообщая о ней в сноске в связи с упоминанием дискуссии по вопросу международного вспомогательного языка на VI международном конгрессе лингвистов в Париже в 1948 г.

"Интерлингвистическая" концепция М. Вандрушки вызвала в целом отрицательные оценки особенно со стороны исследовате-

лей, стоящих на позициях классической интерлингвистики. Так, в рецензии на "Интерлингвистику" М. Вандрушки западногерманский интерлингвист, издатель информационного бюллетеня "Interlingvistika Informa Servo" А. Борман высказал мнение о том, что "концепция Вандрушки не будет иметь успеха" ("la koncepto de W. ne sukcesos") (см.: IIS, 1971, N 3; см. также: [31, 32; 34, 50]). Скептически отнеслись к "интерлингвистике" М. Вандрушки советский интерлингвист В.П. Григорьев [6, 35-36] и интерлингвист из ГДР Д. Бланке [25, 24].

Едва ли можно согласиться с недавно высказанным мнением о том, что в своей "программной книге" "новую отрасль лингвистики [М. Вандрушка] предложил называть интерлингвистикой, сознательно расширяя тем самым значение данного термина, означающего с 1911 г. лингвистику международных вспомогательных языков" [15, 116]. Фактически речь идет не о расширении значения термина "интерлингвистика", а о его, как удачно выразился В.П. Григорьев, "похищении", поскольку М. Вандрушка "полностью изменил традиционное содержание термина интерлингвистика" ("plene ŝanĝis la tradician enhavon de la termino interlingvistiko") [25, 24].

3. В последние годы термин интерлингвистика в его адъективной форме интерлингвистический пытаются использовать для значения межъязыковой, интерлингвальный (срав. также начало 2-го пункта). Так, говорят об "Интерлингвистических препозитивных морфемах греко-латинского происхождения" (1978) в европейских языках, а в этой связи и об "интерлингвистическом словообразовании", "интерлингвистических словообразовательных средствах", "интерлингвистических структурных моделях" и под. Здесь не проводится различие между двумя достаточно четкими значениями:

- а) интерлингвистический - относящийся к интерлингвистике как науке;
- б) интерлингвальный/межъязыковой - относящийся к языкам, т.е. объекту науки.

В соответствии с этим интернациональные морфемы (чаще всего греческого либо латинского происхождения), распространенные во многих европейских языках, следовало бы называть интерлингвальными или межъязыковыми морфемами; учитывая интенсивное складывание в последнее время терминологического аппарата по отношению к явлениям и элементам языковой интернационализации, можно было бы остановиться и на термине ин-

термортема, срав. предлагаемый ряд терминов для обозначения языковых интернационализмов (слов): интернационализм - интерлингвизм - интероним, а также интерлексика, т.е. "совокупность интернационализмов, возникающая на базе не генетической, а культурной общности языков" [18, 69]; и более узко (и генетически): интерславянизм, интерскандинавизм, интертюркизм и под. [15, 27].

Точно также явления синонимии, омонимии (гетеронимии) и под., наблюдаемые при сопоставлении родственных и неродственных языков, не являются "интерлингвистическими", но - "межязыковыми", "интерлингвальными" [15, 25].

II. Немного истории

Как уже было отмечено в начале статьи, идея международного языка зарождается в первом тысячелетии н.э. и развивается с большей или меньшей интенсивностью и успехом в средние века и особенно в новое время. Понятно, что с самого начала конструирование международных (или всеобщих, всемирных) языков требовало определенного теоретического осмысления. Однако сами лингвопроекты и проблематика, связанная с их созданием и дальнейшим функционированием, оказываются неразрывными - вот почему, имея в виду ранние этапы развития интерлингвистики, иногда трудно, а часто практически невозможно сказать, обозначал ли тот или иной термин только науку (дисциплину) либо он отражал только ее объект. Так, в 1665-1666 гг. Я.А. Коменский написал сочинение под названием "Panglottie", дав при этом набросок "нового гармонического языка" (чеш. *nový harmonický jazyk*), известный в интерлингвистике как panglottie. Если поставить термин panglottie в ряд подобных, т.е. с элементом pan-/pam-, используемых Я.А. Коменским, то можно думать, что panglottie - это и наука о всеобщем языке, срав.: pansofie "всенаука" (чеш. *vševěda*), panaogie "наука о полноте света (прежде всего света разума)", panpaedia "всевоспитание" (чеш. *vševýchova*) и т.д. Подобная семантическая нерасчлененность характеризует и некоторые другие термины. В этом можно видеть одну из причин того, что вплоть до конца XIX в. за наукой о международном (всеобщем) языке не было закреплено единого термина.

Попытки расширить значение лингвонима, т.е. названия языка (лингвопроекта), обозначить им науку о международном (всеобщем) языке, как правило, были неудачными. Сошлемся для

иллюстрации на случай с термином пазиология (или пасиология). В начале XIX в. этот термин в форме пазиология (или пасиодогия) употреблялся, например, французским автором одноименного проекта де Визом - pasologie (1806); в форме pasilogie и pasilogia его использовали в 1841 г. М. Вохер, в 1846 г. - Э. Гровс, а в 1853 г. - Лихтенштейн (скрывшийся под псевдонимом автор проекта международного языка). Во всех этих случаях термин был, можно думать, эквивалентен понятию "всеобщий/всемирный/универсальный язык". В 20-ые гг. XX в. некоторые идистские издания [см., например: *Monde*, Stockholm, 1926, № 2 (180), с. 43] применили его в форме pasilogio для обозначения науки о международном языке. Термин оказался неудачным и распространения не получил, поскольку удерживал семантическую связь с названием ранее созданных лингвопроектов; кроме того, как считал П.Е. Стоян, еще у античных авторов слово pasilogia использовалось в значении "всенаука", "всезнание" и под. [48, 183].

Возможно, одним из первых терминов, более или менее точно обозначавшим науку о международном языке, был введенный в 1871-1877 гг. итальянцем Г. Феррари термин монологоттика - monoglottica, т.е. "наука о едином (одном) языке", срав. его сочинение "*Monoglottica. Considerazioni storico-critiche e filosofiche intorno alla ricerca di una lingua universal* (Modena, 1874; 2 ed., 1877), представляющее собой общетеоретическое исследование и методическую программу по созданию всеобщего искусственного языка. Термин монологоттика не утвердился, однако элемент -глоттика в дальнейшем послужил основой для создания термина космоглот(т)ика (латинические формы: cosmoglottica, cosmoglottika, cosmoglottiko), который в 20-ые и 30-ые гг. использовался для обозначения науки о международном языке (см. ниже). Его отголосок заметен в названии издававшегося до недавнего времени в Швейцарии Союзом интерлингве (*Interlingue-Union*) журнала "*Cosmoglotta*".

Вообще следует подчеркнуть, что в 20-30-ые гг. в связи с мощным развитием движения за международный язык (особенно эсперанто-, но также и ido-, окциденталь/интерлингве-движения) вопрос об обособлении науки о международном языке и ее особом обозначении становится очень актуальным. Если в 1914 г. русский интерлингвист П.Е. Стоян только предвещает, что "в будущем образуется и будет признана официальная наука искусственных языков, так как будущая наука неизбежно охватит все проявления существующего" [22, 5], используя длинное (и узкое по содержанию) обозначение наука искусств-

венных языков, то уже в 1926 г. сторонник движения за международный язык В. Чехихин приходит к сознанию, что "искусственные языки или всемирные, всеобщие, международные вспомогательные языки, или просто "междязыки" - новая отрасль прикладной филологии, возникшая в XX-ому веку, когда за 400 лет творчества в области 'междязычья' (космоглотизма, интерлингвистики, пасилогии) накопилось до 400 различных систем, изучаемых в специальных обществах..." [23, 1093]. Этот набор неустоявшихся терминов для "новой отрасли прикладной филологии" - "междязычье", космоглотизм (далее в тексте статьи Чехихина также и космоглотисты, т.е. исследователи, занимающиеся международными языками), интерлингвистика, пасилогия - свидетельствует об интенсивных поисках и попытках терминологически оформить науку о международном языке, призванную осмыслить как появляющиеся в этот период в большом количестве все новые лингвопроекты, так и весьма разветвленное во многих странах мира движение за международный язык.

В 1929 г. итальянско-мексиканский деятель движения за международный язык А. Лаваньини, создатель ряда апостериорных лингвопроектов, пытается науку о международном (всемирном, всеобщем) языке обозначить термином унилингвистика - unilingwistiko (< universal lingwistiko), что семантически оказывается расплывчато (срав. "этимологическое" значение: "всеобщая лингвистика", "вселингвистика") и претенциозно. Те же недостатки и у термина эсперантск. mondlingvistiko "мировая лингвистика", "всемирная лингвистика"; срав. также mond(o)lingvisto "занимающийся мировой лингвистикой", т.е. наукой о всемирном языке, который, наряду с эсперантск. kosmoglotiko, встречается в "Библиографии международного языка" (1929) П.Е. Стояна [48, 183] и в некоторых других изданиях довоенного времени. Весьма эфемерна предпринятая в 30-ые гг. Е. Спиридовичем попытка обозначить науку о международном языке термином лингвотехнология (сам термин, по утверждению автора, принадлежит Г. Винокуру), в то время как лингвотехника мыслилась, как "искусственное творчество в языке" [21, 95-107, 285-306 и др.].

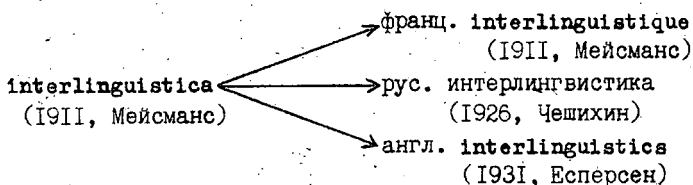
Крупнейший довоенный советский интерлингвист Э.К. Дрезен, автор многочисленных теоретических работ (в том числе до десятка книг) по проблемам международного языка, употреблял (хотя и неохотно) термин космоглотика (орфографически также и космоглоттика) [9, 10; см. также журнал "Международный язык",

1931, № I, стр. 77-80] либо просто наука о международном языке. В эсперантском издании его известной книги "За всеобщим языком" (название изменено: "История всемирного языка" - "Historio de la mondolingvo") используется термин scienco pri la internacia lingvo "наука о международном языке" либо internacilingva scienco. (то же самое) [36, 225].

В рассматриваемый период термин интерлингвистика лишь начинает утверждаться, хотя его появление, согласно указанию автора небольшой монографии "Принципы общей интерлингвистики" (1931) Д. Силадьи, относится к 1911 г. и принадлежит стороннику движения за международный язык в Бельгии Ж. Меймансу, автору проекта искусственного языка Lingua internationale, представляющего собой одну из модификаций созданного в 1903 г. итальянским математиком Дж. Пеано международного языка Latino sine flexione [50, 17]. Ж. Мейманс издавал в Брюсселе журнал (буллетень) "Lingua Internationale", на страницах которого, в статье "Une science nouvelle", и появился термин интерлингвистика (Bruxelles, 1911, n° 8), созданный на основе весьма удачного лингвонима interlingua, которым приблизительно с 1909 г. стали обозначать усовершенствованный вариант Latino sine flexione Дж. Пеано, а вместе с этим и Академию, пропагандировавшую язык, - Academia pro Interlingua, т.е. international lingua > interlingua + ist > interlinguist + ica > interlinguistica; срав. lingua + ist > linguist + ica > linguistica. В дальнейшем, однако, оказалось возможным иное словообразовательно-"этимологическое" разбиение термина интерлингвистика как интер + лингвистика - из-за весьма выразительной аналогии с интралингвистика, экстралингвистика и под. Возможно, однако, допустить, что Ж. Мейманс лингвоним interlingua произвел от названия своего проекта международного искусственного языка Lingua internationale, т.е. internationale lingua > interlingua.

Таким образом, первоначальный этап языковой, хронологической и авторской адаптации термина интерлингвистика можно представить в виде следующей схемы:

В дальнейшем распространение термина по языкам выразилось в виде эсперантск. *interlingvistiko*, немец. *Interlinguistik*, эстон. *interlingvistika*, украин. *інтерлінгвістика* и т.п.

В послевоенные годы интерлингвистика остается фактически единственным термином для обозначения науки о международном (и всеобщем) языке, окончательно закрепившись в целом ряде работ отечественных и зарубежных интерлингвистов.

III. Вокруг дефиниций

Закрепление термина за той или иной областью научного знания еще не гарантирует установление единого (и единственного) понимания объекта и задач такой области, а также ее места в ряду других дисциплин. В истории науки примеров этого бесчисленное множество. В случае с интерлингвистикой мы также сталкиваемся пока без общепринятого ее определения. Обзоры точек зрения на место, предмет и задачи интерлингвистики делались неоднократно, в частности, в работах А. Бормана [28, 6-8; 29, 30-31] и Р. Хаупенталя [37, 117-120], а в самое последнее время и в работе венгерского интерлингвиста И. Сердахеи [49, 11-14].

Еще в 1966 г. австрийский индоевропеист и интерлингвист Герман Ольберг (Hermann Ölberg) выделил так наз. "лингвистический и интердисциплинарный подходы к интерлингвистике" [44, 51], которые характеризуют работы ряда исследователей.

Согласно первому подходу, интерлингвистика воспринимается как составная часть лингвистической науки; в этом случае она использует те же методы исследования, что и языковедение в целом. При этом важно отметить, что и внутри этого подхода нет единого понимания объекта науки о международном языке. Так, О. Есперсен считал объектом интерлингвистики искусственные (сконструированные) языки (см. начало статьи). Вслед за ним подобного взгляда придерживался и Д. Силадьи, писавший об "искусственных и индивидуальных лингвистических изобретениях" как объекте интерлингвистики, срав. его определение: "Nos inaugura una disciplina scientifico, objecto de que es studio de certo constructiones linguistico individuale et artificiale. Nos nomina isto disciplina interlinguistica" [50, 2]. Советский интерлингвист Э.К. Дрезен считал объектом нашей науки международный язык, а в качестве ее основной задачи выдвигал необходимость "коллективного создания

всемирного языка на основах нового материалистического языкознания" ("la kolektiva kreado de mondolingvo sur bazoj de la nova materialisma lingvoscienco") [36, 225]. Такое понимание обнаруживается практически во всех его работах, в том числе и в монографиях "Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса)", "Основы языкознания, теории и истории международного языка" и др. [II; 10].

В послевоенные годы к решению "планового" языка сводил интерлингвистику голландец В. Мандерс, автор монографии "Интерлингвистика и эсперантология" (1950) [41, 3] и югославский интерлингвист П. Митрович, автор "Очерка по интерлингвистике" (1954) [42]. Г. Ольберг также ограничил круг вопросов международными искусственными языками ("sie befasst sich mit den internationalen künstlich geschaffenen Sprachen") [45, 64-70], что в целом характеризует и концепцию Р. Хаупентала, который в качестве единственной задачи выдвигает необходимость "исследования существующих проектов и, возможно, создания одного или многих новых проектов международного языка ("la esplorado de la ekzistantaj projektoj kaj eventuale kreo de unu aŭ pluraj novaj projektoj") [37, 118-119; еще раньше также: 38, 48-52 и др.]

Представления "от Есперсена до Хаупентала" в целом сводят интерлингвистику к так наз. "плановой лингвистике" (эсперантск. *planlingvistiko*, немец. *Plansprachwissenschaft*), что, с одной стороны, довольно узко в содержательном плане, с другой - содержит в себе имплицитное отрицание других (кроме искусственных языков) языковых образований и средств, претендующих на решение проблемы международного общения.

В то же время французский интерлингвист М. Монро-Дюмен несколько расширил типы языков - от искусственных до естественных (живых или мертвых) языков и пазиграфий, если они способны выступать в качестве международного средства общения [43, 9-10]. В аналогичном плане объект и задачи интерлингвистической науки рассматривает болгарский интерлингвист С. Массеров (см.: *Filologo, Sofio*, 1976, № 6), а в самое последнее время и И. Сердахейи [49, 10-11]*. В. Таули в монографии "Введение в теорию языкового планирования" (1968) считает интерлингвистику частью прикладной лингвистики, при-

* Первоначальная точка зрения И. Сердахейи на интерлингвистику была в основном эсперантологической, т.е. сводилась к признанию того, что интерлингвистика должна прежде всего заниматься вопросами, связанными с эсперанто.

званной заниматься вопросами регулирования и развития существующих языков, а также созданием новых языков - как международных искусственных, так и национальных литературных [51], объединяя таким образом "плановую лингвистику" с теорией литературных языков.

В советской интерлингвистике такое расширенное понимание интерлингвистики начало складываться еще в довоенное время. В этом отношении важно сослаться на работу Е.А. Бокарева "Международный язык и наука о языке" (1928), в которой, в частности, устанавливается, что "вопрос о международном языке и движение, направленное к его разрешению, подлежат изучению науки о человеческом языке - языковедению" [3, 129; см. также: I, 65-78]. Хорошее определение интерлингвистики дал в 1960 г. В.П. Григорьев: "Интерлингвистику можно определить как лингвистическую дисциплину, которая занимается изучением международных языков вообще, исследованием принципов создания и условий функционирования 'искусственных' вспомогательных международных языков - в особенности" [8, 3]. Позднее, правда, это определение несколько сужено до вопросов "создания и функционирования искусственных вспомогательных международных языков" и почти одновременно расширено. Широкое определение интерлингвистики, данное В.П. Григорьевым, квалифицирует науку о международном языке как интердисциплинарную, призванную изучать "способы удовлетворения потребностей в средствах международного общения в социальном, историко-филологическом и иных аспектах" [6, соответственно 35 и 41; срав. также, 7, 37]. "На стыке языкознания, социологии и философии" усматривает место интерлингвистики М.И. Исаев [16, 26]. В "Словаре лингвистических терминов" (1966) О.С. Ахмановой интерлингвистика как лингвистическая наука трактуется в духе "плановой лингвистики" (см. выше) с включением, правда, в нее "математических языков-посредников, информационно-логических языков и вспомогательных кодов для машинного перевода, информационных машин и т.п." (стр. 179)*. Впрочем, впоследствии в это определение было внесено существенное изменение, относящее интерлингвистику к семиотике и исключаящее тем самым ее из круга лингвистических дисциплин (срав., однако: [1, 65-78]) [2, 24-25].

Автор первой послевоенной интерлингвистической моногра-

* Подобное определение и в "Логическом словаре-справочнике" (2-ое изд., М., 1976, стр. 204) Н.И. Кондакова.

фии "Как возникнет всеобщий язык?" (1968) Э.П. Свядост считал науку о международном языке "лингвистикой, занимающейся проблематикой всемирного интернационального, международного языка" [20, 9], что в целом совпадает с пониманием Е.А. Богарева, однако определение это страдает терминологической нечеткостью, срав. знак равенства при неоднозначных понятиях, т.е. "всемирный язык = интернациональный/международный язык".

Попытки вывести науку о международном языке за рамки лингвистики стали предприниматься с конца 50-ых гг. и ставили своей целью создать так наз. "интердисциплинарную интерлингвистику". Наиболее широко эта точка зрения отражается в работах А. Бормана, в частности, в его ранней статье "Основы интерлингвистики" [27, 14-25] и во многих статьях и заметках на страницах издаваемого и редактируемого им бюллетеня "Interlingvistika Informa Servo" (с 1957/58 гг.). Интерлингвистика здесь понимается, как "раздел науки (!?), который исследует общеполитические, культурные, социологические и лингвистические вопросы языка, используемого многими людьми в международных сношениях, - международного языка" (в оригинале: "... la branĉo de scienco, kiu esploras la ĝenerale-politikajn, kulturajn, sociologiajn kaj lingvistikajn demandojn de lingvo uzata same de ĉiuj homoj en interrilatoj: la internacia lingvo", см.: Interlingvistika Informa Servo, Flensburg, 1957/58, N 2, p. 9; с незначительными, преимущественно терминологическими, изменениями позднее, см.: [28, 7; 34, 50 и др.]).

При этом интерлингвистика делится на: а) общую ("ĝenerala interlingvistiko"), занимающуюся изучением соотношений типа "международный язык - человек", "язык - индивидуум - общество" и под.; б) специальную ("speciala interlingvistiko"), имеющую в виду взаимоотношения международного и национальных языков (иначе "специальная разновидность сравнительного языкознания" - speciala speco de kompara lingvoscienco); в) практическую ("praktika interlingvistiko"), посвященную исследованию самого международного языка - его словаря, грамматики и стилистики, с вниманием на эволюционные процессы в них [28, 7]. В соответствии с этим А. Борман провозглашает таким образом понимаемую интерлингвистику "новой", "современной" ("nova interlingvistiko", "moderna interlingvistiko", см.: [31, 32; 34, 50]) и противопоставляет ее "старой интерлингвистике" О. Есперсена [30, 21], приравнивая

последнюю к "плановой лингвистике" - эсперантск. planlingvistiko (иногда также interplanlingvistiko, см. [26, 50-51]) и относя ее к истории науки о международном языке^{*}.

Признавая важность и ценность многолетней работы А. Бормана по систематическому собиранию и анализу материалов мировой науки, имеющих отношение к культурному, социальному и лингвистическому аспектам международного языка и публикующихся на страницах "Interlingvistika Informa Servo", следует, однако, особо остановиться на отдельных развиваемых им теоретических положениях, которые вызывают сомнения либо вообще оказываются для нас неприемлемыми.

Прежде всего трудно согласиться с квалификацией "эсперантской интерлингвистики" (иначе - "плановой лингвистики") как только исторического фрагмента науки о международном языке, а в этой связи и с утверждением о том, что создание проектов международных искусственных языков не может быть объектом интерлингвистического исследования и что само "создание плановых языков является делом прошлого"[?] (соответственно: Interlingvistika Informa Servo, 1968, № 3, p. 41 и [29, 31]). Развитие интерлингвистики (в том числе и "плановой лингвистики") показывает, что это далеко не так. Эсперанто - одно из наиболее удачных решений проблемы международного искусственного вспомогательного языка, однако не единственное. Попытки найти оптимальные решения в вопросах построения искусственного языка международного назначения были в прошлом и продолжают сейчас. По нашим данным, только, например, с 1951 по 1971 гг. в разных странах мира было создано свыше 135 лингвопроектов, предназначенных для международного использования. Разумеется, среди них немало и таких, которые повторяют решения, известные уже в истории международных искусственных языков. Однако тщательный анализ этого материала показывает, что появляются и оригинальные решения, имеющие определенное теоретическое значение как для интерлингвистики, так и для языкознания в целом. Все эти проекты следует собирать и изучать. Не можем удержаться, чтобы не привести в этой связи слова русского лингвиста С.К. Булича (кстати, скептика по отношению к международным искусственным языкам), завершившего написанную им в конце прошлого века для "Энциклопедического словаря" Брокгауза и

^{*} Мысль о "плановой лингвистике" как исторической части интерлингвистики отстаивается А. Борманом в делящейся многие годы полемике с Р. Хаупенталем, см., например: [33, 26-27; 26, 50-51 и др.]

Ефрона статью "Всемирный или международный язык" словами: "постоянное появление проектов всеобщего языка не только указывает на известные общественные потребности, но и служит, быть может, симптомом каких-то нам еще неясных будущих эволюций общества" [5, 397]. Е.А. Бокарев справедливо заметил, что С.К. Булич здесь метко схватил, что "появление такого рода проектов общественно обусловлено"! [4, 20].

Выделение "специальной интерлингвистики" (см. пункт б) подразумевает, вероятно, изучение не просто взаимоотношений международного языка и национальных языков, а, как можно думать, прежде всего эсперанто и национальных языков. Вопрос этот, важный и с теоретической, и с практической точки зрения, должен тщательно изучаться, однако этого недостаточно для выделения автономной разновидности науки о международном языке. Что касается "практической интерлингвистики" (см. пункт в), то в самом ее обозначении содержится противоречие, заключающееся в том, что исследование состава, системы и эволюции словаря, грамматики и стилистики международного языка носит прежде всего не-практический, а - теоретический характер. Это совершенно очевидно и не требует дополнительных разъяснений.

Согласно рассматриваемой концепции, интерлингвистика - интердисциплинарная наука, более всего склоняющаяся к социологии (существование языка обусловлено общественными потребностями). Отсюда и выдвигаемые ограничения в виде того, что "интерлингвистика не может связывать себя с лингвистическими вопросами" (*Interlingvistika Informa Servo*, 1974, N 4, p. 50), а лингвистические конгрессы не должны заниматься проблемами международного языка (*Interlingvistika Informa Servo*, 1970, N 1, p. 60) и т.п. В то же время утверждается, что "международным языком должна заниматься интерлингвистика, как лингвистика занимается языками" ("Kun la interlingvo devas okupiĝi interlingvistiko, kiel lingvistiko okupiĝas kun lingvoj") [30, 21]; срав. также предлагаемую автором пропорцию: "язык : лингвистика - международный язык : интерлингвистика" [26, 51]. Из этого, а также из самого определения интерлингвистики о том, что она занимается культурными, политическими, социологическими и лингвистическими вопросами международного языка, следует, что главным, стержневым объектом здесь является язык (международный язык), а потому интерлингвистика - это, безусловно, лингвистическая дисциплина.*

* Срав. мнение Г. Ольберга на этот счет: [44, 51].

рассматривающая проблему международного языка в различных аспектах - лингвистическом и нелингвистических, т.е. социологическом, культурном и пр. Речь, следовательно, может идти лишь об "интердисциплинарности" аспектов изучения, а не о самой науке и ее объекте. Именно так следует трактовать и определение интерлингвистики, данное в "Полном иллюстрированном словаре эсперанто" [46, 641]: эта наука изучает "социологические, культурные и лингвистические условия общего нормированного языка... [= международного искусственного языка]". Из деления интерлингвистики на общую, специальную и практическую вытекает, что две последние и по объекту, и по своим задачам - полностью лингвистические (см. выше). Наконец, если это просто "раздел науки", в котором меньше всего лингвистического, то почему же тогда интерлингвистика?!

В "интердисциплинарном русле" находится концепция швейцарского интерлингвиста Т. Карлеварс, считающего науку о международном языке "частью языковой (не лингвистической? - А.Д.), частью социологической, частью семиологической, частью математической, частью психологической"; выделяемая здесь "плановая лингвистика" должна изучать "общие принципы и практическое применение языкового планирования в естественных и искусственных языках" [35].

Интерлингвистическая концепция Д. Бланке заслуживает большого признания, хотя декларация "интердисциплинарности" в ней носит скорее формальный характер. Фактически выделяемая Д. Бланке "общая интерлингвистика", изучающая "комплексную проблему рационализации международной языковой коммуникации в ее социальной (т.е. политической, экономической и т.п.) и лингвистической обусловленности", своим объектом имеет язык, который предлагается рассматривать и в лингвистическом, и в нелингвистическом планах, и даже выработать таковой (т.е. новый международный искусственный язык), если существующий (resp. существующие) не отвечает каким-то условиям. Что же касается "специальной интерлингвистики" в понимании Д. Бланке, то и здесь квалификация ее как "интердисциплинарной науки" (*interdisciplina scienco*) имеет формальный характер, поскольку "специальная интерлингвистика" исследует "структуру, эволюцию и практическое применение уже реально функционирующего международного планового языка" [24, 30]. В целом же деление интерлингвистики на общую и специальную представляется весьма перспективным.

Из всего сказанного следует, что и н т е р л и н г -

в и с т и к а - это раздел языкознания, занимающийся вопросами общего для разноязычных народов средства коммуникации в ранге "язык", а также близких к языковым образованиям системам аналогичного назначения. Основной объект интерлингвистики можно представить в содержательном, хронологическом и генетическом аспектах (см. след. страницу).

Изучение основного интерлингвистического объекта следует проводить комплексно, в трех главных аспектах:

1) внутрилингвистическом: разработка принципов и методов создания (конструирования) международных искусственных языков различной типологической структуры; изучение грамматического строя искусственных языков, а также живых - с целью выявления в них "рациональных", т.е. пригодных для международного (всеобщего) языка элементов; вопросов лексико-семантической, фонетической, словообразовательной и грамматической типологии международных искусственных языков; интернационализации словарного состава и фразеологии живых языков с целью показать состояние и перспективы языковой (говр. лексической) концентрации; искусственных элементов и их адаптации в естественных языках, вопросов искусственного регулирования языка и под.;

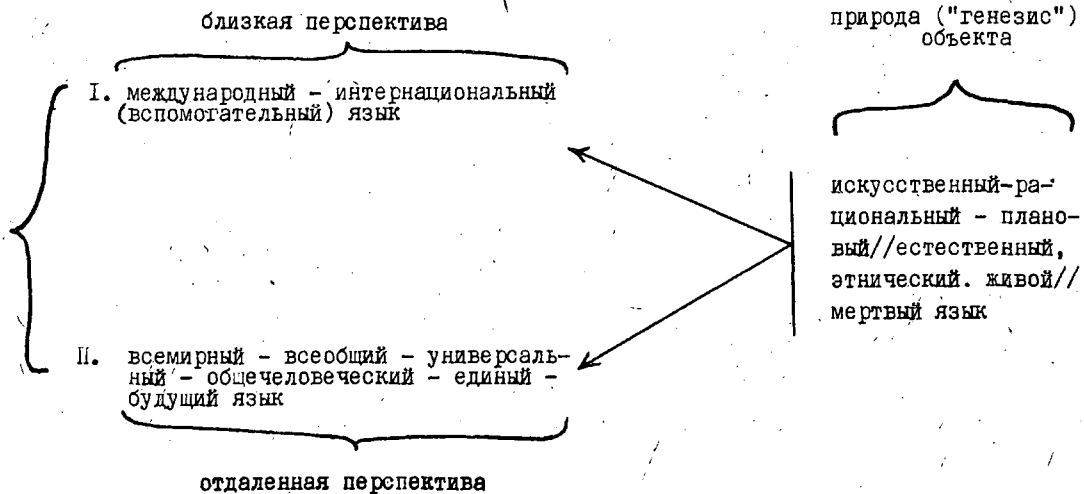
2) социолингвистическом: изучение интерлингвистических функций национальных языков; проблемы двуязычия и многоязычия - с целью показать объективную необходимость поисков решения общего (межнационального, международного, всемирного) языка; анализ и обобщение практики функционирования международных искусственных языков и их взаимоотношения с естественными (национальными) языками; языковых контактов и интерференции - для того чтобы установить возможности и степень языковой концентрации по уровням; языкового прогнозирования* как магистральных путей развития языковой структуры, так и языковой ситуации современного человечества в частности;

3) экстралингвистическом, подразумевавшем учет исторических, философских, культурных, социологических, психологических, политических и экономических факторов в связи с созданием, внедрением и практикой международного (или же всеобщего) языка.

---

* Срав. высказанное в 1929 г. Е.Д.Поливановым мнение о том, что прогнозы языков будущего не будут иметь успеха, если они "будут строиться на основании языковых лишь факторов языковой эволюции (т.е. будут в конечном счете рисовать возможную эволюцию индивидуального языка данного состава вне учета социально-экономических и политических конъюнктур)" [19, 181].

объект в содержа-
тельной и хроно-
логической пер-
спективе

В "близкие к языковым образованиям системы аналогичного назначения (т.е. для международного использования)" можно включить пазиграфии, так наз. космические языка типа линкоса Г. Фрейденталя или же проекта американца Дж. У. Вайльгарта, а также формализованные информационные (или логико-математические) и проч. языки; отношение последних к интерлингвистике, правда, еще следует выяснить. Ведь если международные (искусственные) языки предназначены для человека, то информационно-логические языки являются кодовым объектом для машин. В то же время ясно, что они являются продуктом и объектом исследования так наз. "инженерной лингвистики". Специалисты в области "инженерной лингвистики", кстати сказать, интерлингвистами себя не считают.

IV. Язык или проект?

Предложенное нами понимание интерлингвистического объекта (см. выше) учитывает три основных аспекта, каждый из которых содержит внутреннее противопоставление, т.е. содержательный характеризуется оппозицией "международный язык - всемирный язык", хронологический - "близкая перспектива (т.е. международный язык) - отдаленная перспектива (т.е. всемирный язык)", генетический - "искусственный язык - естественный (и мертвый как бывший естественный) язык". Каждый из этих аспектов требует глубокого изучения, поскольку выделенные оппозиции внутри них зачастую либо не различаются, либо вовсе игнорируются (особенно это относится к двум первым аспектам). Здесь мы лишь обратим внимание на первый компонент генетической оппозиции "искусственный язык - естественный язык". Побуждают нас к этому обращению время от времени возникающие дискуссии по вопросу о том, как следует называть искусственное языковое образование, претендующее на роль международного (искусственного) языка, - языком или же проектом (языка), лингвопроектом? А в этой связи оказывается необходимым ответить и на вопрос, следует ли в интерлингвистике изучать лингвопроекты?

В рецензии интерлингвиста из ГДР Д. Бланке на изданный АН СССР сборник "Проблемы интерлингвистики" (1976) [25, 22-27] этот вопрос снова заострен. Д. Бланке, касаясь работы С.Н. Кузнецова "К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков" [18, 60-78], высказывает, в частности, мысль о том, что в статье проводится типологический анализ не языков, а проектов, так как большинст-

во из рассматриваемых С.Н. Кузнецовым языков (ро, ку-джи, анти-бабилон, "непо международное" и др.) никогда не были таковыми по той причине, что они не достигли черты "социального функционирования" в противоположность эсперанто, а также волапюку, затем идо, интерлингве (окциденталу), интерлингва, возможно, также латино-сине-флексионе и новиялю. Лишь "язык, - пишет далее Д. Бланке, - связанный с человеческим обществом, функционирует как инструмент коммуникации, мышления и познания". А потому интерлингвистика не должна "языковые призраки" ("lingvo-fantomoj") делать объектом исследования.

Еще в 1929 г. в статье "Круг очередных проблем современной лингвистики" известный советский лингвист Е.Д. Поливанов специально касался этого вопроса: "... я, например, или другой какой-либо индивидуум, выдумал заведомо оригинальную искусственную систему ассоциаций между произносительно-слуховыми ... знаками и внеязыковыми (смысловыми) идеями. Прав ли я буду, называя эту систему языком? Ответ на такой вопрос (явится ли данная произвольно созданная мною система языком?) равносильна следующему вопросу: употребляется ли она кем-либо (хотя бы даже минимальным коллективом из двух лиц) для коммуникации? И пока такого социального использования системы не происходит - это не язык" [19, 178].

Как видим из приведенной цитаты, социальное использование, по Е.Д. Поливанову, - это главный критерий возведения некой коммуникационной системы в ранг "язык"; при этом показательно, что известный лингвист допускает сужение "социального минимума" до двух человек^х.

Это социально-функциональное определение языка более всего применимо, конечно, к естественным (живым, этническим) языкам; в то же время это определение дает возможность квалифицировать международные искусственные языки, используя

^х Это правило. Исключения редки, хотя встречались и встречаются в языковой жизни общества: Можно в этом плане сослаться на появляющиеся в публицистических изданиях и научной литературе сообщения о "последних из могикан", когда к какому-то периоду оставался лишь один представитель вымершего племени, сохранявший при этом язык своих предков. В современной истории показателен случай о талантливом поэтом Ондрой Лисогорским (род. 1905 г.), который пишет на ляхском литературном языке, созданном на базе чешско-польских (resp. польско-чешских) говоров. В "ляшском случае" мы наблюдаем уникальную ситуацию: "один (литературный) язык - один человек"!

щиеся даже в минимальной (количественно) социальной среде, как языки, приравняемые к живым (естественным) языкам народов. Такую трактовку следует признать крупной заслугой известного лингвиста (и за это мы должны его особенно ценить), отрицающего младограмматический подход к проблеме искусственных языков и игнорирующего в этой связи сознательно созданный барьер (между международными искусственными и естественными языками. Е.Д. Поливанов здесь творчески развивает те интерлингвистические идеи, которые еще в начале века отстаивал Й.А. Бодуэн де Куртене (например, в широко известной полемике с К. Бругманом и А.Лескином).

В то же время, когда речь идет об интерлингвистических проектах-языках, важно говорить не столько в плане "язык или проект" (хотя и такое деление порою оказывается существенным), сколько в плане различия "функционирующие языки - нефункционирующие языки". По отношению к первым вполне применимо социально-функциональное определение Е.Д. Поливанова, т.е. "функционирующими языками" в интерлингвистике являются эсперанто, волапюк (в прошлом), ido, интерлингве (окциденталь), интерлингва, в меньшей мере также латино-сине-флексионе (в прошлом), новиаль (в прошлом), нео и некоторые другие, так как за каждым из них стояло либо стоит более или менее организованное массовое движение. "Нефункционирующие языки" - это то, что терминологически обозначается как проекты (лингвопроекты), но по своей структуре и назначению - это все же языки, лингвистический продукт, языковое создание, характеризующееся теми же признаками и структурой (фонетика, грамматика, словарь), что и "функционирующие языки". В свете сказанного становится ясным, что типологическое изучение как функционирующих, так и нефункционирующих международных по назначению искусственных языков (или языков и проектов) является первоочередной задачей современной интерлингвистики. Ибо без решения такой задачи невозможно и построение, в случае необходимости, "нового планового языка" для международных сношений, что, кстати, допускает и сам Д.Бланке, включая этот момент в свое определение общей интерлингвистики [24, 30]; срав. также задачи, которые ставит перед "плановой лингвистикой" Р. Хаупенталь [37, 118-119].

В представленной статье мы попытались проанализировать некоторые наиболее острые вопросы современной интерлингвистики, связанные прежде всего с ее предметом, задачами и местом среди других наук. Исходя из диалектико-материалистической концепции языка, мы стремились рассматривать вопросы международного (искусственного) языка в развитии, учитывая при этом взаимосвязь и взаимозависимость как внутрilingвистических, так и внелингвистических сторон. Используемый нами конкретно-исторический подход дал возможность показать закономерность появления и оформления науки о международном языке именно как лингвистической дисциплины, объект которой (международный и всемирный языки) может и должен изучаться с философской, исторической, социологической, психологической и общекультурной точек зрения.

Литература

1. Ахманова О.С., Бокарев Е.А. Международный вспомогательный язык как лингвистическая проблема. - В ж.: Вопросы языкознания, М., 1956, № 6.
2. Ахманова О.С., Александрова О.В. Некоторые теоретические проблемы советского языкознания. - В ж.: Вопросы языкознания, М., 1980, № 6.
3. Бокарев Е. Международный язык и наука о языке. - В ж.: Известия ЦК СЭСР, VI год, М., 1928, № 5-6.
4. Бокарев Е.А. Состояние вопроса о международном вспомогательном языке (факты об эсперанто). - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
5. Вулиц С. Всемирный или международный язык. - В изд.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Спб., 1892, т. УП, полутом 13.
6. Григорьев В.П. Искусственные вспомогательные международные языки как интерлингвистическая проблема. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
7. Григорьев В.П. О некоторых вопросах интерлингвистики. - В ж.: Вопросы языкознания, М., 1966, № 1.

8. Григорьев В.П. Основные задачи интерлингвистики. - В кн.: Питання прикладної лінгвістики. (Тези доповідей...). Чернівці, 1960.
9. Дрезен Э. За всеобщим языком (три века исканий). С предисловием акад. Н.Я. Марра. - М.-Л.: Гос. изд-во, 1928.
10. Дрезен Э. Основы языкознания, теории и истории международного языка. Ч. I. - М.: Издание ЦК СЭСР, 1929 (и другие выпуски).
11. Дрезен Э. Проблема международного языка (опыт материалистического обоснования вопроса). М., 1922.
12. Ялуктенко В.А. Лингвистические аспекты двуязычия. - Киев: Вища школа, 1974.
13. Ялуктенко В.О. Мовні контакти. Проблеми інтерлінгвістики. - Київ: Вид-во Київського ун-ту, 1966.
14. Ильяшенко Т.П. Языковые контакты. На материале славяно-молдавских отношений. - М.: Наука, 1970.
15. Интернациональные элементы в лексике и терминологии. - Харьков: Вища школа. Изд-во при Харьковском ун-те, 1980.
16. Исаев М.И. Проблема искусственного языка международного общения. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
17. Жакевич Г.П. Українсько-російські мовні зв'язки радянського часу. - Київ: Наукова думка, 1969.
18. Кузнецов С.Н. К вопросу о типологической классификации международных искусственных языков. - В кн.: Проблемы интерлингвистики. Типология и эволюция международных искусственных языков. М.: Наука, 1976.
18. Поливанов Е.Д. Круг очередных проблем современной лингвистики. - В кн.: Е.Д. Поливанов. Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. М.: Наука, 1968.
20. Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
21. Спиридович Е. Очерки теории вспомогательного международного языка. - В ж.: Международный язык, М., 1930, № 2-3, 6 и др.
22. Стоян П.Е. Языкознание и эсперанто. Психологический очерк. - Саратов, 1914.
23. Чешихин В. Об искусственных языках. - В ж.: Вестник знания, Л., 1926, № 16.

24. Blanke D. Pri neceso kaj utilo de interlingvistikaj esp-
'loroj. - In: Paco, Berlin, 1972, N 4.
25. Blanke D. "Problemoj de interlingvistiko". Tipologio kaj
evoluo de internaciaj artefaritaj lingvoj. Recenzo
kaj iom da kundiskuto. - In: Paco, Berlin, 1977.
26. Bormann A. Denove io pri esenca enhavo de interlingvis-
tiko. - In: Interlingvistika Informa Servo, Flensburg,
1967, N 4.
27. Bormann A. Grundzüge der Interlinguistik. - In: Sprach-
forum, Köln - Graz, 1959/60, N 3.
28. Bormann A. Interlingvistiko. - In: Interlingvistika In-
forma Servo, 9a jaro, Flensburg, 1966, N 1.
29. [Bormann A.] Interlingvistiko. - In: Interlingvistika In-
forma Servo, 20a jaro, Reinbek, 1977, N 3.
30. Bormann A. Interlingvistiko malnova kaj nova. - In: In-
terlingvistika Informa Servo, 16a jaro, Reinbek, 1973,
N 2.
31. [Bormann A.] Interlingvistiko: pli kaj malpli konfuzo. -
In: Interlingvistika Informa Servo, 16a jaro, Rein-
bek, 1973, N 3.
32. Bormann A. Kaŝitaj baroj kontraŭ la solvo de la lingva
problemo. - In: Interlingvistika Informa Servo, 15a
jaro, Reinbek, 1972, N 1.
33. [Bormann A.] Planlingvoj. - In: Interlingvistika Informa
Servo, 20a jaro, Reinbek, 1977, N 3.
34. [Bormann A.] Pri "interlingvistiko". - In: Interlingvis-
tika Informa Servo, 17a jaro, Reinbek, 1974, N 4.
35. Carlevaro T. Interlingvistiko kaj planlingvistiko en la
mondo. - In: Monata Cirkulero, Miéville, 1974, N 55,
marto.
36. Drezen E. Historio de la mondlingvo. Tri jarcentoj da
serĉado. 2a eld. - Oosaka: Pirato, 1967.
37. Hauptenthal R. Esenco kaj celoj de interlingvistiko. - In:
Scienca revuo, vol. 23, Beograd, 1972, N 4 (96).
38. Hauptenthal R. Was ist und zu welchem Zweck betreibt man
Interlinguistik? - In: Linguistische Berichte, Braun-
schweig, 1971, 15.
39. Interlinguistica. Sprachvergleich und Übersetzung. Fest-
schrift zum 60. Geburtstag von M. Wandruszka. - Tübin-
gen, 1971.

40. Jespersen O. A New Science: Interlinguistics. - In: Psyche, vol. 11, London, 1931, Jan., p. 57-67; ОТДЕЛЬНО A New Science: Interlinguistics. - Cambridge, 1931; ИЗДАНИЕ НА ЯЗЫКЕ НОВИАЛЬ: Interlinguistike - novisientie. - In: Mondo, Stockholm, 1931, p. 113-126.
41. Manders W. Interlingvistiko kaj esperantologio. - Purmend: J. Muusses, MCML [1950].
42. Mitrovich P. An Essay on Interlinguistics. - Sarajevo, 1954.
43. Monnerot-Dumaine M. Précis d'interlinguistique générale et spéciale. - Paris: Libraire Maloine, 1960.
44. Ölberg H. Kelkaj ideoj je la temo: Interlingvistiko. - In: Interlingvistika Informa Servo, 19a jaro, Flensburg, 1966, N 4.
45. Ölberg H. Zur Grundlegung der Interlinguistik. - In: Ammann-Festgabe. II. Teil. Innsbruck, 1954.
46. Plena ilustrita vortaro de Esperanto. - Paris: SAT, 1970.
47. Rot A.M. A nyelvi kontaktusok kérdése. - In: Nyelvtudományi Közlemenyek, LXXIV, Budapest, 1970, N 49.
48. Stojan P.E. Bibliografio de Internacia Lingvo. Kun bibliografia aldono de R. Hauptenthal. 2a eld. - Hildesheim-New York: Georg Olms Verlag, 1973.
49. Szerdahelyi I. Enkonduko en la interlingvistikon. - In: Einführung in die Interlinguistik (Enkonduko en la interlingvistikon). Alsbad: Leuchtturm-Verlag, 1979.
50. Szilágyi D. Versus interlinguistica. Principios de interlinguistica generale. Dictionario terminologico de interlinguistica. - Milano: Schola et vita, 1931; сначала опубликовано в изд: Schola et vita, Milano, 1931, N 6, p. 97-120.
51. Tauli V. Introduction to a Theory of Language Planning. (Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Philologiae Scandinavicae Upsaliensia. 6). - Uppsala, 1968.
52. Wandruszka M. Interlinguistik: Umriss einer neuen Sprachwissenschaft. - München: R. Piper & Co. Verlag, 1971.

La interlingvistiko
Aleksandr D. Duliĉenko

La artikolo estas dediĉita al difino de objekto, taskoj kaj loko de la interlingvistiko en sistemo de aliaj sciencoj. Estas kritikitaj provoj "forŝteli" la terminon interlingvistiko por signifo de lingvokontaktaj problemoj kaj de kompara lingvoscienco; retrospektive estas montrita la proceso de formiĝo de la interlingvistiko kaj tiurilate rekonstruiĝas historio de la kreo de terminoj por tiu ĉi scienco; estas analizitaj 2 vidpunktoj al la interlingvistiko - la lingvistika kaj la interdisciplina. La aŭtoro traktas interlingvistikon kiel lingvistikan disciplinon, objekto de kiu (internacia kaj monda lingvoj) povas kaj devas esploriĝi en lingvistika kaj nelingvistikaj (filozofia, historia, sociologia, psikologia kaj kultura) aspektoj. Konekse al objekto de interlingvistiko estas argumentita la penso, ke al tipologia esplorado povas metiĝi ne nur funkciantaj internaciaj artefaritaj lingvoj, sed ankaŭ lingvoprojektoj, kiuj socie ne estis uzataj.

ИНТЕРЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЕСТЕСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВ В ИНОЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЕ

Ф. Д. Климчук

Если язык (диалект) одного народа или этнографической группы хотя бы в минимальной степени используется для общения представителями других народов (этнических групп), то он в данной ситуации является средством межэтнического или межнационального общения. Это возможно лишь в том случае, если данным языком (диалектом) владеют представители не менее чем двух этносов. Поэтому при рассмотрении вопросов, касающихся проблемы межэтнического и межнационального общения, первостепенное значение приобретает такой фактор, как владение языком определенного народа представителями других национальностей. К такого рода языкам можно, например, отнести те из них, которые переписи регистрируют как вторые или родные для лиц не основной национальности. По данным Всесоюзной переписи населения 1970 г. в СССР число лиц, указавших язык не своей национальности родным, составило более 14,8 млн. чел.*; соответственно вторым - около 48,2 млн. чел. [9, 20]. По данным Всесоюзной переписи 1979 г. эти цифры увеличились соответственно до 18,1 и 73,6 млн. чел. [11, 23].

Число языков народов СССР, которые указали родными представители не только основной, но и других национальностей, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 г. более 120 [3, 8-25, 35-37, 97-111], по данным Всесоюзной переписи 1959 г. - 88 [8, 184-201, 226-231]. Всесоюзная перепись 1970 г. содержит сведения о 53-х языках народов СССР, которые указали вторыми или родными не только представители основной национальности [9, 9-359]. Приводимые данные указанных переписей показательны, но они неполные: переписи 1926 и 1959 гг. не приводят данные о численности лиц, владеющих двумя и большим числом языков, перепись 1970 г. - о владении

* Здесь и ниже исчисления наши.

более чем двумя языками. Имеются данные, что даже языками самых малых по численности народов и народностей СССР владеют в той или иной мере представители других народов. Это, например, языки: нанайский [13, 181], нивхский [13, 181], удэгейский [13, 181]¹, ульчский [13, 83, 94; 12, 104], негидальский [13, 181], юкагирский [14, 35], алеутский², энецкий [10, 662; 15, 433], ливский³, ассирийский⁴.

Степень распространенности разных языков в иноэтнической среде различна и зависит от многих причин. Рассмотрим это на материалах Всесоюзной переписи населения СССР 1970 г. [9, 9-359]. Владющих определенным языком мы условно будем называть лиц, указавших по данным переписи этот язык вторым или родным (т.е. в это понятие, ввиду ограниченности материала, мы не включаем лиц, владеющих более чем двумя языками, а также свободно понимающих язык, но не изъясняющихся на нем).

Из показателей, раскрывающих степень распространенности языка в иноэтнической среде, мы рассмотрим три.

1. Численность лиц других национальностей, кроме основной, владеющих данным языком (считающих этот язык вторым или родным), - сокращенно ЧВд.

2. Процент численности представителей других национальностей, без основной, владеющих данным языком, по отношению к общей численности населения (т.е. включая основную национальность), владеющего этим языком. Этот показатель условно назовем коэффициентом распространения языка в иноэтнической среде относительно с общей численностью лиц, владеющих им, - сокращенно КРв.

3. Процент численности представителей других национальностей, без основной, владеющих данным языком, по отношению к общей численности представителей этих национальностей (т.е. включая лиц, владеющих им), проживающих в данной республике, области, округе, стране. Этот показатель условно

¹ Дополнительно сообщил А.А. Канцуга, завуч Краснояровской восьмилетней школы Пожарского района Приморского края.

² Сообщил Н.Г. Кононов, директор Никольской средней школы-интерната Алеутского района Камчатской области.

³ Сообщила Л.И. Спридзана, директор Колжской восьмилетней школы Талсинского района Латвийской ССР.

⁴ Сообщили: Ф.В. Авдышов, директор Вериндвинской СШ Арташатского района, и В.Н. Куляндина, преподаватель Арзнийской СШ Абовянского района Армянской ССР.

назовем коэффициентом распространения языка в иноэтнической среде соотносительно с общей численностью других национальностей, проживающих на определенной территории, - сокращенно КРД.

В качестве примера приведем такие показатели для белорусского языка в БССР. По переписи 1970 г. в БССР указали белорусский язык родным и вторым 6 899 088 чел., из них небелорусов 612 889 чел. Всего же небелорусов в республике по данной переписи 1 712 728 человек. 612 889 по отношению к 6 899 088 составит 8,8%, а по отношению к 1 712 728 - 35,8%. Таким образом, ЧВд белорусским языком в БССР составляет 612 889, соответственно КРв белорусского языка - 8,8, КРД - 35,8.

Данные по ЧВд, КРв и КРд языков народов СССР, исчисленные на основании материалов Всесоюзной переписи населения 1970 г., приведены в таблицах №№ 1-2 (см. в конце статьи). Обращаем внимание, что в нашей работе речь идет о численности представителей различных народов, владеющих тем или иным языком не своей национальности. Так, например, мы говорим о представителях нерусской национальности, владеющих русским языком, о неукраинцах, владеющих украинским языком, неэстонцах, владеющих эстонским языком, и т.д.

Приведенные материалы (см. таблицы №№ 1-2) дают основания сделать определенные наблюдения и выводы.

Очевидно, причин, влияющих на величины ЧВд, КРв и КРд, много. Нередко одни из них прямо противоположны другим, что приводит к "нейтрализации" данных показателей. Обычно же такие причины "накладываются" одна на другую. С одной стороны, это затрудняет их выявление, но, с другой, если при общей "закономерности" какого-либо признака наблюдается очень "яркое" исключение, то оно само по себе показательно как сигнал о "дополнительном" факторе, влияющем на данные величины.

Остановимся на некоторых моментах, вытекающих из приведенного материала, с привлечением дополнительных данных.

I. Имеется определенная зависимость показателей ЧВд, КРв и КРд и численности народов, языки которых мы рассматриваем. Основные исключения: более высокие, нежели "предполагаемые", показатели ЧВд, КРв и КРд языков латышского, каракалпакского, якутского, ЧВд и КРв языков таджикского, татарского, кумыкского, венгерского, КРв и КРд языка эстонского, КРв языка молдавского, КРд языков литовского, белорусского, коми-пермяцкого. Например, латыши по численности занимают 18-е место

среди народов СССР, в то время как величина ЧВд латышского языка находится на 9-м месте среди величин этого показателя других языков народов СССР, соответственно КРв латышского языка - на 3-м месте.

2. Наблюдается некоторая зависимость процента численности народа, язык которого исследуется, ко всему населению республики, области, округа и величин КРв и КРд этого языка.

а) Величина КРв обратно пропорциональна проценту данного народа. Срав. КРв русского языка в СССР (29,8), в РСФСР (13,9) и в отдельных областях (напр., в Тульской 4,1, в Курской 1,8, в Орловской 1,5), КРв языков грузинского (8,2) и армянского (2,3), латышского (13,4) и литовского (5,5) в соответствующих республиках (в 1970 г. русские составили в СССР 53,4%, в РСФСР 82,8%, в Тульской области 95,7%, в Курской - 98%, в Орловской - 98,4%; грузины - в Грузинской ССР 66,8%, армяне - в Армянской ССР 88,6%; латыши - в Латвийской ССР 56,8%, литовцы - в Литовской ССР 80,1%). Показательна эта зависимость для украинского языка по отдельным областям УССР (от 2,4 в Волынской и Черниговской до 21,1 в Донецкой и 21,8 в Крымской), для белорусского языка в областях БССР (от 3,6 в Могилевской до 6,9 в Минской с г. Минском и 27,7 в Гродненской), для казахского языка в большей части областей Казахстана (от 1,05 в Кызыл-Ординской до 5,7 в Алма-Атинской с г. Алма-Ата). Однако в областях северо-восточной части Казахстана КРв казахского языка низок (от 1,2 в Кустанайской до 3 в Восточно-Казахстанской области), несмотря на высокий процент в них неказахов. Очевидно, что это связано с тем, что в этих областях казахский письменно-литературный язык получил распространение в основном только среди казахского населения.

б) Величина КРд прямо пропорциональна проценту данного народа. Срав. КРд языков в соответствующих республиках: узбекского (10,4) и таджикского (8,3), армянского (18,1) и грузинского (17,2), литовского (23,4) и латышского (20,2), белорусского (35,8) и украинского (28,3) - в 1970 г. узбеки в Узбекской ССР составляли 65,5%, таджики в Таджикской ССР - 56,2%, белорусы в БССР - 81%, украинцы в УССР - 74,9%, о проценте армян, грузин, литовцев, латышей в соответствующих республиках см. выше. Показательна эта зависимость, например, для украинского языка по отдельным областям УССР - от 55,5 в Тернопольской до 18,1 в Одесской и 5 в Крымской. Исключением для УССР является, например, КРд украинского языка

в Закарпатской области (18,1); здесь он более низкий, чем в ряде областей, в которых процент неукраинцев выше, нежели в Закарпатской области: Днепропетровская 34,2, Харьковская 30,5, Запорожская 29,4, Ворошиловградская 27,4, Донецкая 25,6. Заметим, что в 5-ти указанных областях УССР среди неукраинцев преобладают русские, а в Закарпатской области - венгры.

Такого рода зависимость "просматривается" и в центрально-южно-восточной Белоруссии. Так, КРД белорусского языка в Гомельской области 20,5, в Могилевской 20,6, Брестской 31,6, Минской без г. Минска 40,8. Соответственно процент белорусов в Гомельской области 84,4, Могилевской 85,6, Брестской 86,1, Минской без г. Минска 88,8. Однако мы видим, что в указанных областях различия между процентом белорусов невелики (от 84,4 до 88,8), в то время как различия между КРД весьма значительны (от 20,5 до 40,8). В Витебской области белорусы составляют 82,6%. Это ниже, чем в указанных областях, т.е. Минской без г. Минска, Брестской, Могилевской и Гомельской. В то же время КРД белорусского языка в Витебской области (27,6) выше, чем в областях Могилевской и Гомельской. В Гродненской области самый низкий в БССР процент белорусов (65,6) и самый высокий КРД белорусского языка (69,5; среди сельского населения 89,3). Таким образом, по характеру КРД белорусского языка территория БССР явно делится на две зоны: центрально-южно-восточную и северо-западную. Полевые наблюдения позволяют провести между ними довольно четкую границу по линии: Ружаны - Ивацевичи - Клецк - Вилейка - Докшицы - Друя. В северо-западную зону входит Гродненская область и прилегающие районы Витебской, Минской и Брестской областей, в центрально-южно-восточную - остальная часть БССР. В центрально-южно-восточной зоне наблюдается такая же зависимость между КРД исследуемого языка (белорусского) и процента народа (белорусов), для которого этот язык является основным, как и в большинстве других регионов СССР. Северо-западная зона БССР в этом отношении является "исключением из правила". Коль это "исключение", значит, следует полагать, что существуют или существовали причины, вызвавшие его. Обратимся к историческим фактам.

Белорусский язык до конца XVII в. был государственным в Великом княжестве Литовском. Однако его традиции как языка межэтнического общения были особенно значительны на северо-западе Белоруссии [2, 13-34]. В средневековье, кроме восточ-

нославянского населения (белорусов), здесь жили ятвяги, литовцы, поляки, пруссы, татары, евреи, караимы и др. Концентрировавшиеся преимущественно в этом регионе и прилегающих областях (в том числе в районе Вильнюса) белорусско-литовские татары создали на белорусском языке богатую литературу [1]. Заметим, что граница между указанными зонами почти в деталях совпадает с границей Миндовговской Литвы середины XIII в. [5, 128]. Как известно, северо-запад теперешней БССР вошел в состав Литвы при князе Миндовге, главным образом к 1219 г., частично к 1263 г. [5, 125-130]. Остальная часть Белоруссии вошла в состав Великого княжества Литовского в XIV в.

Белорусский язык получил большее распространение в северо-западной, нежели в центрально-южно-восточной зоне, среди всех основных национальностей. Так, по переписи 1970 г. указали белорусский язык вторым и родным поляки в Гродненской области (основная часть северо-западной зоны) 87,1%, в Гомельской области (одна из областей, которая полностью входит в центрально-южно-восточную зону) 70,5%, соответственно русские - 26,3% и 21,9%, украинцы - 18,8% и 15%, евреи - 24,5% и 21,9%. Заметим, однако, что деление Белоруссии на две зоны проведено нами на основании различий в распространении белорусского языка среди небелорусов. Но это не относится к самим белорусам. Так, в 1970 г. в Гродненской области белорусский язык указали родным (в скобках еще приводим цифру указавших белорусский язык родным и вторым) среди сельского населения 99,4% (99,7%), среди городского - 81,5% (90,4%) всех белорусов, соответственно в Гомельской области - 99,2% (99,6%) и 86,8% (91,5%).

3. В большинстве случаев КРв исследуемых языков в городах выше, чем по республике, области, округу в целом. Исключения составляют языки русский, армянский, калмыцкий, корякский, еврейский. Одним из исключений является КРв белорусского языка в Гродненской области (27,7 по области в целом, 25,4 среди городского населения). Но эти исключения не являются абсолютными. Так, КРв русского языка в Тульской области среди всего населения составляет 4,1, а среди городского 5, соответственно в Курской области 1,8 и 4,3.

4. В большинстве случаев КРд исследуемых языков в городах ниже, чем в республике, области, округе в целом. Исключения составляют языки русский, украинский, грузинский, литовский, армянский, каракалпакский, осетинский, калмыцкий,

ингушский, еврейский. Это исключение для указанных языков тоже не абсолютное. Приведем примеры. В УССР, хотя в целом по республике КРд украинского языка выше, чем в селах, но такое соотношение этого показателя характерно только для 7 областей из 25: Ворошиловградской (КРд украинского языка в городах 27,8, в селах 24,8), Закарпатской (29,9 и 9,9), Запорожской (30,8 и 25,5), Одесской (22,2 и 10,5), Сумской (33,9 и 18,8), Харьковской (31,1 и 27,7) и Черновицкой (32,2 и 14,4). Во всех этих областях имеются значительные компактные массивы неукраинского сельского населения.

6. Сохранение бывших специфически благоприятных (престижных) традиций языка как средства межэтнического общения в последующие эпохи. Приведем примеры.

а) Выше говорилось, что деление Белоруссии на две зоны, различающиеся характером КРд, возможно, отражает различия в степени употребления белорусского языка как средства межэтнического общения в эпоху Великого княжества Литовского. Отметим также, что КРв белорусского языка в республиках, с которыми проходит граница ЕССР на северо-западе, значительно выше, чем в других республиках: в Литовской ССР 20,3, в Латвийской ССР 16,8, в УССР 5,9, в Эстонской ССР 5,6, в РСФСР 4,9, в Казахской ССР 3,6.

б) Область распространения таджикского языка среди не-таджиков (Таджикская ССР, Узбекская ССР, запад Киргизской ССР, юг Казахской ССР) в основном соответствует территории таджикского государства Саманидов, существовавшего в 875-999 гг. [4, 152-153].

в) Область распространения узбекского языка среди неузбеков (Узбекская ССР, Таджикская ССР, запад Киргизской ССР, юг Казахской ССР, северо-запад Туркменской ССР) в основном соответствует территории бывших узбекских ханств - Кокандского, Бухарского, Хивинского - до их присоединения в XIX в. к России [6, 586-587].

г) Район распространения венгерского языка среди невенгров в УССР - Закарпатская область, территория которой в течение нескольких столетий входила в состав Венгрии.

7. Другие факторы, способствующие распространению языка в иноэтнической среде: а) генетическая близость языков; б) смешанное расселение представителей разных народов; в) давние традиции межэтнических контактов; г) богатая письменная традиция; д) широкое употребление языка в общественной жизни; е) распространение сферы употребления письмен-

но-литературного языка не только среди представителей основного народа; ж) престижность языка как средства межнациональных и межэтнических контактов на всей территории государства и как международного языка (русский язык); з) наличие национально-государственных образований - союзных и автономных республик, автономных областей и округов; и) традиции культурного влияния на другие народы: татарский язык среди башкир, коми - среди ненцев, якутский - среди эвенков и эвенов [7, 302, 312, 326, 328, 334].

Таким образом, владение языком другой национальности и использование его как средства межнационального и межэтнического общения взаимосвязано между собой. Языки больших и малых по численности народов выступают или выступали как средство общения между представителями разных этносов. Однако степень распространенности таких языков в иноэтнической среде различна. В одних случаях использование определенного языка представителями других национальностей ограничено отдельными семьями или даже лицами, в других случаях его используют десятки и сотни тысяч либо миллионы людей. Даже если число представителей иных национальностей, владеющих определенным языком, велико, то использование этого языка как средства межэтнического и межнационального общения в одних случаях бывает массовым, в других - нерегулярным, в третьих - спорадическим и т.д.

В СССР ведущая роль в межнациональном общении принадлежит русскому языку. Он является средством общения для представителей всех народов Советского Союза. В 1970 г. русский язык указали вторым или родным 54 835 141 чел. представителей других национальностей. В 1979 г. эта цифра составила 77,6 млн. чел. Русский язык в СССР стал средством обмена опытом достижений советских народов, в первую очередь великого русского народа, средством обмена опытом коммунистического строительства. Посредством русского языка как одного из международных языков народы СССР усваивают достижения мировой цивилизации.

На основании проанализированного материала мы выявили ряд факторов, которые способствуют распространению языка в иноэтнической среде. Абсолютное их большинство носит экстралингвистический характер, т.е. не зависит от структуры самого языка, взятого вне общества или отдельно от его носителей.

Таблица I

Языки народов СССР, образовавших союзные республики

Язык	В общем в СССР		В своей республике							В других республиках	
	ЧД	КР%	ЧД	КР%			КР%			ЧД	КР%
				все население республ.	городское население	население столиц республ.	все население республ.	городское население	население столиц республ.		
русский	54835141	29,8	17438507	13,9	11,9	12,3	77,6	92,9	95,5	37396634	63,8
украинский	3839987	9,3	3346387	9	15,7	20,6	28,3	29	44	493600	12,5
белорусский	670355	7,9	612889	8,8	10,6	11,4	35,8	23,1	19,9	57466	5,6
узбекский	601313	6,2	445078	5,49	8,3	6,9	10,4	6,2	4,3	156235	9,8
таджикский	353822	14,4	106179	6,1	8,8	15,7	8,3	6	6,4	247643*	33,7
грузинский	289746	8,3	278331	8,2	13,1	18,3	17,2	22,2	30,2	11415*	11,2
молдавский	280290	9,7	187402	7,5	16,5	19	14,8	11,4	12,2	92888	21,5
азербайджанский	278857	6,1	207308	5,2	6,6	8,2	15,5	9,9	7,5	71549	11,1
латышский	220293	13,7	206431	13,4	17,1	20,3	20,2	18	17,3	13862	19,5
литовский	153006	5,5	145456	5,5	8,4	18,9	23,4	25,1	17,2	7550	5,6
казахский	132630	2,3	113724	2,6	3,8	6,6	1,3	0,8	0,93	18906	1,8
армянский	74320	2,2	51225	2,3	1,7	1,8	18,1	25,4	36,9	23095	2
эстонский	65592	6,3	65592	6,6	8,8	9,8	15,2	13,1	13,5	-	-
туркменский	54206	3,5	50878	3,5	5,3	2,8	6,9	4,2	1,7	3328	3,1
киргизский	49341	3,3	40431	3,1	6,2	6,1	2,5	1,3	0,9	8910	5,4

* ЧД несколько выше указанной

Таблица 2

Языки народов СССР, образовавших АССР, автономные области,
автономные округа*, и другие языки

Языки	ЧВд	КРв		КРд	
		все население	городское население	все население	городское население
I	2	3	4	5	6
татарский*	32558	2,1	2,15	2,03	1,1
татарский* (РСФСР)	471900	11,9	3,7		
каракалпакский	21769	9,1	11,9	4,5	4,8
каракалпакский (Узбекская ССР)	22234	9,06	11,8		
якутский	21605	7,2	9,7	5,7	1,06
удмуртский	17675	3,6	4,5	1,9	0,8
кумыкский	16300	8,9	4,8	1,2	0,8
чувашский	15063	1,8	3	4,1	2,05
венгерский (УССР)	14468	8,6	17		
польский (Литовская ССР)	10756	4,6	4,6		

* Данные приводятся только по соответствующим автономным республикам, областям и округам. Например, данные о якутском языке - только по Якутской АССР, о хакасском языке - только по Хакасской автономной области, о ненецком языке - только по Ненецкому, Ямало-Ненецкому и Таймырскому (Долгано-Ненецкому) автономным округам. В некоторых случаях приводятся данные по союзным республикам (указано в скобках).

Продолжение табл. 2

I	2	3	4	5	6
польский (Латвийская ССР)	1304	4,4	4,1		
башкирский	11489	2	2,6	0,4	0,2
коми	9112	3,5	4,9	1,32	0,7
дагестанские языки	8252	1	1,9	1,5	0,3
марийский	5955	2	4,3	1,54	0,7
мордовский	5050	1,4	2,6	0,8	0,48
осетинский	4883	1,5	1,7	1,17	1,24
осетинский (Грузинская ССР)	5640	4,3	2,7		
бурятский	4659	1,8	2	0,6	0,27
кабардино-черкесский	3787	1,3	1,6	0,6	0,3
гагаузский (Молдавская ССР)	2252	0,6	2,8		
гагаузский (УССР)	1505	5,9	18		
коми-пермяцкий	3211	2,7	4,7	3,6	3,1
чеченский	3066	0,6	0,9	0,55	0,23
карельский	2634	3,7	4,6	0,4	0,37
карачаево-балкарский	2341	1,6	4,1	0,3	0,18
болгарский (УССР)	1363	0,8	0,9		
болгарский (Молдавская ССР)	728	1,1	0,6		

1	2	3	4	5	6
абхазский	1159	1,5	2,1	0,3	0,26
алтайский	1030	2,3	2,5	0,85	0,21
тувинский	877	0,6	1,9	0,9	0,6
адыгейский	848	1	1,6	0,3	0,11
хакасский	650	1,3	1,35	0,2	0,04
кадымский	500	0,5	0,45	0,3	0,34
ингушский	380	0,3	0,5	0,04	0,043
ненецкий	303	1,3	1,6	0,23	0,04
хантыйский	206	2,3	3,75	0,08	0,02
чукотский	205	2,1	3,8	0,2	0,07
мансийский	142	3,3	3,7	0,05	0,01
корякский	116	2,1	1,7	0,46	0,14
греческий (Грузинская ССР)	96	0,3	0,3		
эвенкийский	50	1,6	3	0,5	0,3
дунганский (Киргизская ССР)	28	0,15	0,3		
еврейский	5	0,14	0,12	0,03	0,04

Литература

1. Антонович А.К. Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. - Вильнюс: Вильнюсский государственный университет им. В. Капсукаса, 1968.
2. Видутирис А.В., Климчук Ф.Д. Некоторые вопросы этно-языковых процессов на балто-восточнославянском пограничье. - В кн.: Этнолингвистические балто-славянские контакты в настоящем и прошлом. - М.: Наука, 1978.
3. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. XVII. СССР. Отдел I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. - М.: Издание ЦСУ СССР, 1929.
4. Гафуров Б.Г. История таджикского народа. Т. I. - М.: Госполитиздат, 1949.
5. История БССР. Т. I. - Минск: Наука і техника, 1972.
6. История Узбекской ССР. Т. I. - Ташкент: Фан, 1967.
7. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. - М.: Госстатиздат, 1963.
8. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. СССР. Сводный том. - М.: Госстатиздат, 1962.
9. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года. Т. IV. Национальный состав населения СССР. - М.: Статистика, 1973.
10. Народы мира. Этнографические очерки. Народы Сибири. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
11. Население СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. - М.: Госполитиздат, 1980.
12. Росугуб Б.С. Малые народности Приамурья в 1959-1965 гг. - Хабаровск: Кн. изд-во АН СССР, Дальневост. научн. центр, 1976.
13. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов нижнего Амура и Сахалина. - М.: Наука, 1975.
14. Туголуков В.А. Кто вы, вкагиры? - М.: Наука, 1979.
15. Языки народов СССР. Т. III. Финно-угорские и самодийские языки. - М.: Наука, 1966.

Einige Fragen der Sprachverbreitung in der fremdethnischen Umgebung

Fjodor D. Klimčuk

Im vorliegenden Artikel werden die Verbreitung der Sprachen in einer fremdethnischen und -nationalen Umgebung betreffenden Fragen behandelt. Es werden hauptsächlich die Daten der Unionsvolkszählung von 1970 ausgewertet. Zur Bestimmung der Verbreitungsstufe der Sprachen von jeweiligen Völkern unter den Vertretern anderer Nationalitäten werden folgende Kennwerte benutzt: 1) ЧБН -- Zahl der Angehörigen anderer Nationalitäten, die die betreffende Sprache beherrschen, 2) КРБ -- Kennzahl für die Verbreitung der Sprache in fremdethnischer Umgebung gegenüber der Gesamtbevölkerung, die die betreffende Sprache beherrscht, 3) КРН -- Kennzahl für die Verbreitung der Sprache in fremdethnischer Umgebung gegenüber der Gesamtzahl der Vertreter anderer Nationalitäten, die in der jeweiligen Republik bzw. Gebiet od. Bezirk leben. Es wird auf die Ursachen, die die Verbreitung der Sprachen der betreffenden Völker unter den Vertretern der anderen begünstigen, hingewiesen. Darunter werden extralinguistischen Faktoren als ausschlaggebend bezeichnet. Daraus ergibt sich, daß sich eine jede Sprache zu einem eventuellen zwischennationalen Verständigungsmittel herausbilden kann.

ЯЗЫКИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

С.Л. Доренко

I. Создание и быстрое увеличение числа международных организаций - одна из наиболее примечательных черт современных международных отношений. Особенно быстрыми темпами создаются и развиваются международные организации после второй мировой войны. Рост количества межправительственных организаций можно проследить по следующей таблице:

1815-34 гг.	I	1905-09	44
1835-54	2	1910-14	49
1855-64	3	1915-19	53
1865-69	6	1920-24	72
1870-74	7	1925-29	83
1875-79	9	1930-34	87
1880-84	II	1935-39	86
1885-89	17	1940-44	82
1890-94	21	1945-49	123
1895-99	23	1950-54	144
1900-04	30	1955-59	168
		1960-64	195

Круг вопросов, входящих в компетенцию международных организаций, очень широк. Совершенно естественно поэтому, что их деятельность стала предметом изучения специалистов в различных областях знания. Внимание исследователей привлекают не только вопросы, которые решают международные организации, но и само явление, сам институт международных организаций - их становление, развитие, политические и правовые основы деятельности, правила их функционирования и т.д.

Языковое обеспечение деятельности международных организаций представляет собой одну из сторон их внутренней организации и, в то же время, является важным аспектом функционирования языков в сфере международного общения.

Цель данной работы - проследить, какие языки и в какой мере обеспечивают деятельность современных международных ор-

ганизаций. Для этого были проанализированы данные Ежегодника международных организаций по состоянию на 1977 год. (См. Yearbook of International Organizations, 1978, 17th edition By Union of International Associations. Brussels).

Всего в международных организациях имеет применение 53 языка, в том числе креольские (папьяменто) и искусственные (эсперанто, интерлингва, интерлингве)*. Однако сводные данные по всем этим языкам непоказательны, так как в них нивелируются функциональные различия языков, которые употребляются на общемировом и региональном уровнях, в правительственных и неправительственных, представительных и малопредставительных организациях. Поэтому необходим более дифференцированный подход, для чего все международные организации, о которых здесь говорится, мы разделили на три категории: всемирные, региональные (европейские, американские, африканские и организации стран Азии и бассейна Тихого океана) и межрегиональные (например, афро-азиатские). Каждая из региональных групп делится на подгруппы - одну общерегионального значения и несколько - субрегионального.

2. Рассмотрим языковую ситуацию во всемирных организациях.

Прежде всего оговоримся, что сам термин "всемирные организации" принимается в данной работе несколько уже, чем в Ежегоднике международных организаций. Составители Ежегодника включают в разряд "всемирных" все организации, не имеющие в названии или в уставе никаких региональных ограничений. Нас же будут интересовать лишь те "всемирные" организации, которые являются таковыми фактически или, по меньшей мере, объединяют правительства или представителей значительной части государств мира и представляют большую часть населенных континентов и социально-политических систем.

В вышеуказанном справочнике данные об используемых языках даны по 1784 организациям. В этом числе 1203 организации указаны как всемирные. Однако всемирными в нашем понимании являются лишь 906 организаций; 118 организаций перенесены в разряд региональных или межрегиональных как недостаточно представительные, а 179 организаций рассматриваются только в графе "неполные данные в таблице на стр. 120", так как достоверно проверить их "всемирность" оказалось невозможным из-за отсутствия данных по представленным в них странам. Из ос-

* Обобщающие данные по этим языкам приведены в таблице на стр. 120.

тавшихся 906 организаций смешанными, то есть такими, в которых участвуют правительства или граждане социалистических, развивающихся и капиталистических стран, являются 625 организаций; объединяют правительства или граждан развивающихся и капиталистических стран 254 организации; капиталистических и социалистических - 20; развивающихся и социалистических - 1, организация. Правительства или граждане СССР участвуют в 327 организациях. Межправительственными являются 47 организаций.

Всего упоминается без каких-либо ограничений или указано одновременно в качестве рабочего и официального во всемирных организациях 42 языка:

1) английский	- в 847 орг-ях	10) арабский	- в 8 орг-ях
2) французский	- в 722	11) эсперанто	- в 8
3) немецкий	- в 333	12) иврит	- в 7
4) испанский	- в 224	13) японский	- в 7
5) русский	- в 70	14) идиш	- в 5
6) итальянский	- в 63	15) китайский	- в 4
7) португальский	- в 16	16) датский	- в 2
8) голландский	- в 13	17) интерлингва	- в 2
9) шведский	- в 12		

Остальные языки - в одной организации: 18) венгерский, 19) га, 20) зулу, 21) индонезийский, 22) интерлинге, 23) йоруба, 24) киконго, 25) малаялам, 26) норвежский, 27) островов Гилберта, 28) островов Эллис, 29) самоанский, 30) сербско-хорватский, 31) тви, 32) тсвана, 33) тсонга, 34) фанте, 35) фиджи, 36) фарси, 37) финский, 38) хинди, 39) хоса, 40) чешский, 41) эве, 42) южный сото.

В среднем одна всемирная организация использует примерно 2,62 языка. Наибольшим числом языков пользуется Международная ассоциация читающих Библию (*International Bible Reading Association*), в которую входят представители 7 стран (Гана, Нигерия, ДАР, Индия, Австралия, Новая Зеландия, Великобритания). Языками ассоциации признаны: английский, испанский, португальский, язык острова Эллис, эве, фанте, фиджи, га, хинди, киконго, малаялам, язык островов Гилберта, самоанский, южный сото, тсонга, тсвана, тви, хоса, йоруба, зулу (всего 20 языков). Нередки случаи использования организациями только одного языка. Обычно это английский или французский языки. Другие языки почти всегда встречаются в сочетании с ними.

В некоторых случаях упоминание языков международных ор-

организаций сопровождается различными ограничениями. Самым распространенным функциональным ограничением, налагаемым на использование того или иного языка, является использование его в качестве рабочего, но не официального, или наоборот, в качестве официального, но не рабочего. В 5-ти организациях рабочими считается часть официальных языков. Например - Межправительственная морская консультативная комиссия (основана в 1948 году; члены - правительства 104 стран, в том числе СССР и других социалистических стран) используют китайский, английский, французский, русский в качестве официальных; английский и французский - в качестве рабочих. Такое же количество организаций использует в качестве официальных части рабочих языков, например: Международная ассоциация университетов (основана в 1950 г., члены в 114 странах мира, в том числе в СССР и других социалистических странах). Языки: английский и французский - официальные; английский, французский, немецкий, русский, испанский - рабочие.

Такие языки, которые одновременно используются как официальные и рабочие, будем считать полнофункциональными. Во всех приводимых таблицах даются данные именно по полнофункциональным языкам. Языки, используемые лишь в одной из этих функций, назовем неполнофункциональными. К числу последних мы отнесем и те языки, которые используются с другими, специально оговоренными в справочнике, функциональными ограничениями.

В некоторых организациях на использование языков налагаются ограничения с весьма расплывчатыми формулировками. Во Всемирном совете реформистских церквей (основан в 1875 г., члены: 143 церкви в 78 странах, в том числе в СССР и других социалистических странах) используются языки: английский, французский, немецкий; иногда (ограничение!) - испанский. Или в данных по Международной федерации семейной экономики (основана в 1908 г., члены в 76 странах, в том числе в социалистических); языки: английский, французский, немецкий; когда возможно (!) - испанский. А также по Постоянному международному комитету физиологии и патологии воспроизводства скота (основан в 1948 г., члены в 29 странах, в том числе в СССР и других социалистических странах); языки: английский, французский и немецкий - вспомогательные (!). О границах использования языков с пометками: иногда, когда возможно, вспомогательные остается только догадываться. Тем не менее не вызывает сомнения, что языки в этих случаях используют-

ся функционально менее полно, чем те, за которыми закреплён статус рабочих. В данных по International Council of Goodwill Industries (основан в 1971 г., члены: 31 организация в 18 странах) языки: английский; испанский - неофициальный (пометку "неофициальный", вероятно, можно приравнять к ограничению типа "рабочий язык").

Часть организаций разрешает использование некоторых языков только при переписке. Международный совет женщин (основан в 1888 г., члены в 65 странах) использует языки: английский, французский; немецкий и испанский - для переписки; Международный союз защиты детей (основан в 1920 г., члены в 69 странах, в том числе в СССР и других социалистических странах); языки: английский, французский; переписка - на испанском, немецком, итальянском.

Некоторые организации увеличивают количество используемых языков на конференциях, генеральных ассамблеях: Организация ООН по вопросам просвещения, науки и культуры (ЮНЕСКО) основана в 1945 г., члены - правительства 142 стран, в том числе СССР и других социалистических стран); языки: английский, французский, русский, испанский; а также - арабский и китайский - на генеральных конференциях. Международная федерация кооперативного страхования (основана в 1922 г., члены: 75 обществ в 30 странах); языки: английский; на конференциях - английский, французский, немецкий. В данных по Международной организации здравоохранения (основана в 1948 г., члены: правительства 142 стран, в том числе СССР и других социалистических стран) указаны только те языки, которые используются на заседаниях исполнительных советов и ассамблеях; официальные языки: арабский, китайский, английский, французский, русский, испанский; рабочие языки: английский, французский, русский, испанский.

В данных по ряду всемирных организаций содержатся указания на то, что список приводимых языков не является закрытым. Рассмотрим эти данные. Международное общество по изучению средневековой философии (основано в 1958 г., члены в 44 странах, в том числе - социалистических) определяет свои языки следующим образом: "английский, французский и все международные языки". Никаких разъяснений относительно того, какие языки следует считать "международными", здесь не приводится. Международный союз работников пищевой и смежных отраслей промышленности (основан в 1920 г., члены - 2 145 560 чел. в 59 странах) избрал своими языками: "английский, фран-

цузский, немецкий, испанский и какой-либо скандинавский язык". Международная ассоциация реабилитационной медицины (основано в 1969 г., 169 членов в 62 странах, в то числе - социалистических) использует: "английский, французский, испанский и язык страны - организатора съезда". Европейское лингвистическое общество (в оригинале Societas Linguistica Europaea, основано в 1966 г., члены 625 чел. в 33 странах) оставляет список используемых им языков "открытым". Эта организация, несмотря на региональное ограничение в названии, объединяет представителей Египта, Судана, КАР, Бразилии, Канады, США, Индонезии, Израиля, Японии, Чехословакии, Венгрии, Польши, Румынии, СССР, а также 19 стран капиталистической Европы. Международная федерация обществ и институтов по изучению Возрождения называет своими языками "любой язык, используемый каким-либо членом, а также латинь"; International Health Evaluation Association указывает, что использует "главным образом английский"; Конференция международных неправительственных организаций, имеющих консультативные отношения с ЮНЕСКО, указывает только рабочие языки: английский и французский. Очевидно, официальные языки Конференции те же, что и у ЮНЕСКО.

3. Перейдем к рассмотрению региональных организаций.

Организации регионального характера разделены на группы, соответствующие отдельным частям света. Из этих групп далее выделяются подгруппы организаций общерегионального и субрегионального значения.

Европейские организации

Необходимо оговориться, что часть организаций, помещенных составителями Ежегодника международных организаций в раздел "общеевропейских", рассматривается здесь в разделе "организации Западной Европы" на том основании, что в них представлены только капиталистические страны Европы, то есть реально эти организации являются субрегиональными. Возникшие трудности с определением всеевропейского характера некоторых организаций не дают возможности рассмотреть здесь те организации, в данных по которым не указаны представленные в них страны. На этом основании не включены в таблицу данные по 24 организациям.

	Общевроп. организации	Организации кап.-ких стран Зап. Европы	В т.ч. сканди- навских стран	Организации соц. стран Европы	Общие данные
	1	2	3	4	5

Общее к-во организаций	100	231	31	4	335
в т.ч. межнациональных	2	17	14	2	21
Участие правительств, граждан или учреждений ССР	25	-	-	2	27
Используемые языки					
английский	94	163	15	1	258
французский	73	176	1	3	252
немецкий	55	132	3	1	188
итальянский	8	26	-	-	34
испанский	6	14	-	-	20
русский	5	1	-	2	8
латынь	2	-	-	-	2
иврит	1	1	-	-	2
идиш	1	-	-	-	1
датский	-	31	25	-	31
шведский	-	29	26	-	29
норвежский	-	26	25	-	26
голландский	-	16	-	-	16
финский	-	8	7	-	8
исландский	-	4	4	-	4
бретонский	-	1	-	-	1
ирландский	-	1	-	-	1
уэльсский	-	1	-	-	1

В результате среднее количество языков, приходящееся на одну организацию, примерно 2,63.

Ограничения, налагаемые на использование языков:

1. В общевропейских организациях: в Европейской ассоциации челюстно-лицевой хирургии (основана в 1970 г., индивидуальных членов - 224 в 16 странах, в том числе социалистических); языки: английский - официальный, также - французский, немецкий. Вероятно, пометку "также" здесь можно

приравнять к ограничению типа "рабочий язык".

2. В организациях Западной Европы: в Европейской ассоциации медицины внутренних болезней (основана в 1969 г., члены в 9 странах); языки: французский - административный; корреспонденция - на английском, французском, немецком, итальянском; а также в Международной комиссии по защите Рейна от загрязнения (основана в 1963 г., члены: правительства 5 стран); языки: французский - официальный; французский и немецкий - рабочие.

3. В организациях социалистических стран Европы: в Международной ассоциации по механизации производства винограда, фруктов и овощей (основана в 1964 г., члены: правительства 5 социалистических стран, в том числе СССР); языки: русский, немецкий, болгарский, венгерский, польский - официальные; русский - рабочий.

Примечания: Европейский комитет стандартов в ядерной электронике - всеевропейская организация (основан в 1960 г., члены - в 16 странах, в том числе социалистических) называет только рабочий язык - английский; Европейская ассоциация свободной торговли - подгруппа организации капиталистических стран Западной Европы (основана в 1960 г., члены: правительства 6 стран) также называет только рабочий язык - английский; Скандинавская ассоциация хирургии грудной клетки - подгруппа организации скандинавских стран (основана в 1949 г., члены: 70 индивидуальных членов в Дании, Финляндии, Норвегии, Швеции, а также выходцы из скандинавских стран в США и Канаде) называет своим языком "язык председателя".

Американские организации

	Общеме- рикан. организа- ции	Организа- ции стран Латинской Америки	Организа- ции Ка- рибского бассейна	Общие данные
I	2	3	4	5
Количество	39	47	6	92
в т.ч. между- правительственных	10	10	2	22
Используемые языки				
испанский	37	42	1	80
английский	36	14	6	56
португальский	25	20	-	45

I	:	2	:	3	:	4	:	5
французский		II		8		I		20
голландский		-		-		I		I
немецкий		-		I		-		I
папьяменто		-		-		I		I

Среднее количество языков, приходящееся на одну организацию, примерно 2,10.

Примечания: Семинар по приобретению материалов латиноамериканских библиотек (основан в 1956 г.) использует английский и испанский языки в качестве рабочих, официальные языки не указаны; папьяменто используется Карибской конференцией церкви (основана в 1973 г., члены 19 церквей в 27 странах Карибского бассейна) наряду с английскими, французским и голландским языками; немецкий язык, наряду с испанским, английским, французским, используется Центральнo-Американским институтом по проблемам индустрии (основан в 1956 г., члены: правительства Коста-Рики, Сальвадора, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа - данные на июнь 1977 г.).

Африканские организации

	Общезафрикан. организации	Организации субрегиональн. значения	Общие данные
Количество	23	25	48
в т.ч. межправительственных	8	19	27
Используемые языки			
французский	22	13	35
английский	20	15	35
арабский	4	1	5
португальский	1	2	3
суахили	-	3	3

Среднее количество языков, приходящееся на одну организацию примерно 1,68.

Ограничения: Международная организация по контролю за красной саранчой для Центральной и Южной Африки (основана в 1970 г., члены: правительства 9 стран) использует английский язык в качестве рабочего, французский - официальный; Южно-Африканская региональная комиссия по сохранению и использо-

ванию почвы (основана в 1950 г., члены: правительства 10 стран) определяет свои языки следующим образом: "английский, французский, португальский; французский - не в настоящее время".

Примечание: Организация африканского единства (основана в 1963 г., члены: правительства 48 стран) называет своими языками следующие: "английский, французский, арабский и все африканские языки". Какие именно африканские языки имеются в виду, не указано.

Организации стран Азии и бассейна Тихого океана

	Обще-азиат. организаций	Организации стран Юго-Вост. Азии	Организации стран азиат. регион.	Организации стран басс. Тихого океана	Общие данные
Количество	22	5	5	6	38
в т.ч. межправительственных	2	3	2	1	8
Используемые языки					
английский	22	5	5	6	38
японский	1	-	-	2	3
французский	-	1	1	-	2

Среднее количество языков, приходится на одну организацию, примерно 1,15.

Ограничение: Азиатская конференция кредитных союзов (регулярные члены в 7 странах) использует языки: "английский; если это необходимо - китайский, японский, корейский".

Примечания: Азиатский банк развития (основан в 1960 г., члены: правительства 28 стран региона, 12 стран Западной Европы, США и Канады) использует английский в качестве рабочего, официальные языки не указаны; Азиатская христианская конференция (основана в 1959 г., члены в 17 странах) указывает, что использует "преимущественно английский". Данных о каких-либо других языках, которые могли бы использоваться дополнительно, нет.

4. Межрегиональные организации

	Афро-азиат. организации	Межараб. организации	Организации Британ. содружеств. наций	Др. межрегион. организации
Количество	4	15	26	118
в т.ч. межправительственных	2	5	5	21
Участие правительства, граждан или учреждений СССР	-	-	-	10
Используемые языки				
английский	4	11	26	82
французский	3	8	-	81
немецкий	-	-	-	34
арабский	3	15	-	2
испанский	-	-	-	13
итальянский	-	-	-	6
португальский	-	-	-	5
русский	-	-	-	5
голландский	-	-	-	4
эсперанто	-	-	-	3
китайский	-	-	-	1
латынь	-	-	-	1
Среднее количество языков, приходящееся на одну организацию -	2,5	2,27	1	2,01

Ограничения: Афро-Азиатский юридический консультативный комитет (основан в 1956 г., члены: правительства 31 страны) использует языки: "английский; французский - частично"; Арабская организация по стандартизации и метрологии (основана в 1955 г., члены: правительства 11 стран) использует арабский язык, но указывает, что "выполняется перевод на английский и французский"; Научный совет Содружества (основан в 1946 г., члены: правительства 27 стран) использует английский язык, разрешена переписка на французском.

Совет экономической взаимопомощи - подгруппа "другие межрегиональные организации" (основан в 1949 г., члены: правительства 9 социалистических стран, в том числе СССР) использует в качестве официальных языков: испанский, русский,

монгольский, болгарский, чешский, немецкий, венгерский, польский, румынский, а в качестве рабочего - русский.

Международный инвестиционный банк - подгруппа "другие межрегиональные организации" (основан в 1970 г., члены: правительства 10 стран) использует языки: русский в качестве официального; а также английский, французский и немецкий при переписке.

Примечания: International Association of Tour Managers (основана в 1961 г.) использует "все европейские языки"; Всемирный крестовый поход за евангелизацию (основан в 1913 г., 946 индивидуальных членов, выходцев из 9 капиталистических стран, работающие в 34 странах); языки: английский и местные языки.

5. Для того, чтобы проделать качественный анализ применения языков в языковом обеспечении международных организаций, попробуем разделить языки на группы по принципу использования/неиспользования их: а) во всемирных организациях; б) в межрегиональных организациях; в) в организациях всех регионов. (См. таблицу на следующей странице и далее).

Очевидно, что языки, встречающиеся в данных не более одного раза, не характерны для использования в международных организациях. Данные по ним можно опустить. Оставшиеся 25 языков разделим на следующие группы:

1. Языки, используемые во всемирных, межрегиональных организациях и в организациях всех регионов: английский, французский.

2. Языки, используемые во всемирных, межрегиональных организациях и организациях некоторых регионов: немецкий, испанский, русский, итальянский, португальский, голландский, арабский; а также языки, используемые во всемирных и межрегиональных, но не используемые региональными организациями: китайский,esperanto.

3. Языки, используемые всемирными организациями и организациями некоторых регионов: шведский, японский, иврит, идиш, датский, норвежский, финский; а также языки, используемые только всемирными организациями: интерлингва, индонезийский, хинди, чешский.

4. Языки, не используемые всемирными организациями. В том числе: а) язык, используемый межрегиональными организациями и организацией одного региона, - латынь; б) языки, используемые только в организациях одного региона: исландский, суахили.

	Всемирные	Европейские	Американские	Африканские	Стран Азии и басс. Тихого океана	Межрегионал.	С неполными данными*	Общие данные
	1	2	3	4	5	6	7	8
1) английский	847	258	56	35	38	123	185	1541
2) французский	722	252	20	35	2	92	150	1273
3) немецкий	333	188	1	-	-	34	70	626
4) испанский	244	20	80	-	-	13	46	403
5) русский	70	8	-	-	-	5	12	95
6) итальянский	63	34	-	-	-	6	8	111
7) португальский	16	-	45	3	-	5	2	71
8) голландский	13	16	1	-	-	4	4	38
9) шведский	12	29	-	-	-	-	3	44
10) арабский	8	-	-	5	-	20**	2	35
11) эсперанто	8	-	-	-	-	3	1	12
12) японский	7	-	-	-	3	-	-	10
13) иврит	7	2	-	-	-	1	-	9
14) идиш	5	1	-	-	-	-	-	6
15) китайский	4	-	-	-	-	1	-	5
16) датский	2	31	-	-	-	-	3	36

* В графу "неполные данные" включены сведения по организациям, которые не рассматривались выше из-за отсутствия информации по представленным в них странам.

** В том числе в 15 межазиатских организациях. Такое использование можно рассматривать как региональное по политическому, а не географическому принципу.

	I	2	3	4	5	6	7	8
17) интерлингга	2	-	-	-	-	-	-	2
18) норвежский	I	26	-	-	-	-	3	30
19) финский	I	8	-	-	-	-	-	9
20) индонезийский	I	-	-	-	-	-	I	2
21) хинди	I	-	-	-	-	-	I	2
22) чешский	I	-	-	-	-	-	I	2
23) венгерский	I	-	-	-	-	-	-	I
24) га	I	-	-	-	-	-	-	I
25) зулу	I	-	-	-	-	-	-	I
26) интерлингве (окциденталь)	I	-	-	-	-	-	-	I
27) йоруба	I	-	-	-	-	-	-	I
28) киконго	I	-	-	-	-	-	-	I
29) малаялам	I	-	-	-	-	-	-	I
30) островов Гилберта	I	-	-	-	-	-	-	I
31) островов Эллис	I	-	-	-	-	-	-	I
32) самоанский	I	-	-	-	-	-	-	I
33) сербо-хорватский	I	-	-	-	-	-	-	I
34) тви	I	-	-	-	-	-	-	I
35) тсвана	I	-	-	-	-	-	-	I
36) тсонга	I	-	-	-	-	-	-	I
37) фанте	I	-	-	-	-	-	-	I
38) филжи	I	-	-	-	-	-	-	I

Le linguas in le organisationes international

Sergei I. Dorengo

Le uso del linguas in le organisationes international es un aspecto importante del functionamento de iste organisationes. Le scopo del presente articulo es determinar, qual linguas e a qual grado assecura le activitate del organisationes international. Super le base del analyse statistic le autor presenta le description del uso de linguas in organisationes mundial, multiregional e regional. Es anque examinate le casos del uso limitate de alicun linguas. Omne linguas es dividite in gruppos secundo functionamento super diverse niveles international.

SUR LE PARLER CRÉOLE D'HAÏTI

P. Nurmekund

I. Introduction. Un coup d'œil sur l'histoire de l'île d'Haïti.

Haïti ("Pays montagneux") - île de l'océan Atlantique, l'une des quatre grandes Antilles et la plus considérable de cet archipel après Cuba, fut autrefois nommée l'île Espagnole (Hispaniola ou Española) par Christophe Colomb, puis San(to)-Domingo (en français: Saint-Domingue). Elle est située à l'entrée du golfe Mexique, entre Cuba et la Jamaïque, à l'ouest, et Porto-Rico, à l'est. Sa longueur, de l'est à l'ouest, est de six cents kilomètres environ; sa largeur, du nord au sud, varie de deux cents trente kilomètres à vingt-sept kilomètres. On évalue sa superficie à soixante-dix mille cent cinquante kilomètres carrés environ. Sa population compte à peu près neuf millions cent soixante-quatorze mille habitants.

L'île d'Haïti est partagée aujourd'hui entre deux États indépendants: la république d'Haïti, à l'ouest, et la république Dominicaine, à l'est. Les deux républiques sont séparées de l'une l'autre par une frontière conventionnelle. Toutes deux sont indépendantes de nom, mais subissent en fait l'influence des États-Unis tout proche.

La république d'Haïti se partage le territoire de la grande île dont elle porte le nom. Elle occupe la partie occidentale de l'île et couvre une superficie de vingt-sept mille sept cents cinquante kilomètres carrés environ. Sa population s'élève à presque cinq millions d'habitants (nommés: Haïtiens, Haïtiennes). La capitale s'appelle Port-au-Prince.

La république d'Haïti est peuplée en majorité de race noire. Le reste se compose de mulâtres et d'un petit nombre de blancs. Les habitants, noirs ou mulâtres, parlent tous le français et surtout un patois dit créole.

La république Dominicaine ou San(to)-Domingo (en français: Saint Domingue) est le plus oriental des deux États qui

se partagent l'île d'Haiti. Elle couvre dans le centre et dans l'est une superficie d'environ quarante-huit mille quatre cents kilomètres carrés. Sa population s'élève à quatre millions cent soixante-quatorze mille habitants environ (nommés: Dominicains, Dominicaines; autrefois: Dominicois, Dominicaises). La capitale s'appelle aujourd'hui: San(to)-Domingo.

La population de la république Dominicaine est surtout composée de métis, de créoles espagnoles, d'Indiens des Antilles et de nègres importés d'Afrique. La langue espagnole est seule en usage dans le pays.

En 1492, au commencement du mois de décembre, lorsque Christophe Colomb eut pris terre à la pointe septentrionale de l'île d'Haiti, les rides montagneuses de ce paradis des Indes occidentales surgissant de la mer lui parurent comme si elles avaient été dessinées au pinceau magique dans l'azur du ciel. Il donna à ce lieu le nom de Saint-Nicholas. La nouvelle terre fut nommée l'île Espagnole (plus exactement Hispaniola ou Española). Cependant, dans la partie meridionale de l'île, les espagnoles fondèrent un établissement sous le nom de San(to)-Domingo (en français: Saint-Domingue).

Lorsque Christophe Colomb découvrit l'île d'Haiti, elle était gouvernée par cinq caciques (princes) indigènes. Puis elle fut colonisée par les espagnoles. En moins d'un siècle ils anéantirent la population indigène, et l'île devint presque entièrement espagnole. Lorsque vers l'an mil six cents soixante les colonies françaises furent abandonnées d'un grand nombre de leurs habitants indignés des privilèges établis par le gouvernement en faveur de quelques compagnies, une multitude des hommes, passionnés pour la liberté, se réfugièrent à la côte septentrionale d'Haiti. A la fin (en mil six cents soixante-quatre) toute la partie occidentale de l'île fut occupée par les français, qui y fondèrent des plantations. En mil six cents quatre-vingt-dix-sept le traité de Ryswick reconnut cette partie de l'île comme colonie française.

Ayant dépouillé l'île d'Haiti de sa population indigène, les espagnoles la repeuplèrent (depuis la moitié du seizième siècle) d'esclaves noirs arrachés au sol d'Afrique.

Pour déterminer l'origine raciale et l'appartenance linguistique de ces esclaves d'Afrique jadis transportés en

Haiti, l'on pourrait s'appuyer éventuellement sur les données analogiques de Cuba. Dans un petit livre publié en russe sous le titre "La langue espagnole en Cuba" il y a quelques renseignements sur la provenance raciale (et linguistique) du contingent africain jadis transporté en Cuba, à savoir: les congolais, les mayombés et d'autres, communément entendus comme appartenant à la soi-disant race (ou famille) bantou et parlant des idiomes du même groupe; - les mandingues (comprenant les malinkés, les bambaras, les soninkés) et d'autres, appartenant à la soi-disant race (ou famille) mandé et parlant la langue mandé ou mandingue; - les yorubas (ou yoroubas) et d'autres, appartenant à la soi-disant race (ou famille) guinéenne ou kwa (kwa) et parlant des idiomes du même groupe. Comme tous ces nègres, provenant de divers pays d'Afrique et appartenant aux divers peuples africains, se voyaient forcés de mener dorénavant une vie commune sous leurs nouveaux propriétaires, les barrières de la langue subsistant entre eux les contraignirent à recourir aux langues des susmentionnés (à savoir - au français, à l'ouest, et à l'espagnol, à l'est).

C'est du traité de Ryswick (en 1697) que date le premier partage de l'île d'Haiti entre la France et l'Espagne. Mais seulement en 1844 elle se scinde définitivement en deux états indépendants, à savoir: la république d'Haiti, dans l'ouest, et la république Dominicaine, dans l'est. Les deux états existent encore des nos jours.

Abrégé de la grammaire du parler créole d'Haiti.

A cause de la traite des esclaves et à la suite des contacts, qui en ont résulté entre les noirs et les français, plusieurs parlars négro-français (ou petit-nègre) se sont formés dans les anciennes colonies françaises sur la côte occidentale d'Afrique et dans plusieurs îles des Antilles (Haiti notamment). Ces parlars négro-français des esclaves amenés d'Afrique aux siècles passés ont acquis depuis une

* Voyez: Иванова А.Т., Мартынова Н.А., Хонкасало Э.И. Испанский язык на Кубе (пособие для институтов и факультетов иностранных языков). М., 1971, с. 5, 44; Яковлева В.К. Язык йоруба. М., 1963, с. 15.

extension considérable et ont subsisté jusqu' à nos jours. Ils sont encore employés parmi les descendants de ces anciens esclaves dans leurs relations mutuelles. Ces parlers sont même utilisés par les indigènes entre eux lorsque leurs langues maternelles sont fort différentes. Chacun de ces parlers a composé son vocabulaire à l'aide de mots, plus ou moins déformés phonétiquement, empruntés surtout à la langue française. Mais on rencontre aussi des mots pris à d'autres langues. Quant à la grammaire, elle est conforme aux principes grammaticaux des langues africaines, dont les ressortissants ont le plus contribué à la formation et au développement du parler négro-français en question.

1. Quelques remarques générales sur le système phonétique du créole haïtien

L'orthographe employée dans le présent article est celle dont on se sert actuellement en Haïti. C'est pourquoi il serait bien utile de faire précéder quelques remarques générales sur la prononciation de certaines lettres, ainsi que sur l'articulation de leurs combinaisons. Avant tout cela concerne les voyelles. - a) Voyelles orales:

a représente la voyelle intermédiaire entre ɑ (voyelle d'arrière) et a (voyelle d'avant).

é représente la voyelle mi-fermée e.

è représente la voyelle mi-ouverte ê.

i représente la voyelle fermée i.

o représente la voyelle mi-fermée o.

ò représente la voyelle mi-ouverte ɔ.

ou représente la voyelle fermée u; suivi d'une autre voyelle, l'u se transforme en w (semi-voyelle).

- b) voyelles nasales:

an représente la voyelle nasalisée ɑ̃.

in représente la voyelle nasalisée ɛ̃.

on représente la voyelle nasalisée ɔ̃.

oun représente la voyelle nasalisée ɔ̃.

2. De l'article en créole haïtien

Tout d'abord il faut constater le manque complet du genre grammatical en créole. Au lieu de cela l'on a développé

dans l'article une différenciation par la forme. Cependant il faut remarquer que dans les langues africaines mentionnées ci-dessus, le genre grammatical est également absent.

D'ailleurs, toute distinction a été conservée entre l'article défini et l'article indéfini. Mais, différemment du français, en créole haïtien l'article défini se place après le mot (ou le groupe de mots) qu'il doit déterminer, tandis que l'article indéfini a conservé sa position originare d'avant.

En créole haïtien, l'article indéfini s'appelle (il se trouve seulement au singulier) *gnou(n)* 'un, une'. - Exemples: *gnou ti fanm* 'une petite femme', *gnou bon ouvriè* 'une bonne ouvrière', *gnou prédicaté* 'un prêcheur', *gnou fanm charitab* 'une femme charitable', *gnou jinn fi* 'une jeune fille', *gnou gran kantite* 'une grande quantité', *gnou léspnit* 'un esprit', *gnou foua* 'une fois', *gnou chémin* 'une voie, un chemin', *gnou bagay* 'une chose', *gnou témouagnaj* 'un témoignage', *gnou bon chale* 'une bonne chaleur', *gnou volé* 'un voleur'.

En créole haïtien, l'article défini a plusieurs formes au singulier et une seule forme au pluriel, à savoir *yo*. - Exemples: *kay yo* 'les maisons', *tab yo* 'les tables', *ofans yo* 'les offenses', *byinfè yo* 'les bienfaits', *pa yo* 'les pas', *péché yo* 'les péchés', *injus yo* 'les injustes'.

Au singulier, le choix de la forme de l'article défini dépend de certaines règles formelles, à savoir: a) les noms terminés par une consonne (sauf le *m* et le *n*) prennent la comme l'article défini. - Exemples: *kay la* 'la maison', *tab la* 'la table', *chemiz la* 'la chemise', *rob la* 'la robe', *liv la* 'le livre', *sièl la* 'le ciel', *jus la* 'le juste', *puisans la* 'la puissance', *kado la* 'le don, le cadeau'. - b) Les noms terminés par une voyelle orale prennent a comme l'article défini. - Exemples: *boua a* 'le bois', *panié a* 'le panier', *fi a* 'la (jeune) fille', *pa a* 'le pas', *papa a* 'le père'. - c) Les noms terminés par une voyelle nasalee prennent an (*ã*) comme l'article défini. - Exemples: *pin an* (*pẽã*) 'le pain', *pon an* (*põã*) 'le pont', *kreyon an* (*krejõã*) 'le crayon', *chémin an* (*chemẽã*) 'le chemin'. - d) Les noms terminés par le *m* et le *n* prennent nan (*nã*) comme l'article défini. - Exemples: *fanm nan* (*fãm nã*) 'la femme', *machi-nan* (*mafin nã*) 'la machine'.

Parfois l'article défini détermine tout une construction relative qui se rattache au nom. - Exemples: Gason ki alé yo 'les garçons qui s'en vont', moun ou oué a 'la personne que tu vois', (trété-m tankon gnoun nan) moun kap travay ak ou yo '(traite-moi comme l'un de) tes mercenaires qui travaillent chez toi'.

3. Du nom (substantif) dans le parler créole d'Haïti

En créole haïtien le nom n'a pas du genre grammatical. De même, il ne possède aucune désinence au pluriel. Pour former le pluriel des noms, il suffit d'en faire suivre la forme de l'article défini au pluriel. - Exemples: kay yo 'les maisons', tab yo 'les tables'.

Remarque. Quant à ce mélange extrême de races très diverses de type nègre parlant des idiomes également divers, ceux, dont les ressortissants prétendent avoir le plus contribué à la formation du parler créole d'Haïti - à savoir: les yorubas, les mandingues et les bantou - ne connaissent également pas du genre grammatical dans leurs langues. Le pluriel des noms se marque exceptionnellement à l'aide de certains indices de pluralité (comme des préfixes, des suffixes et du pronom de la 3ème personne au pluriel).

De même, le créole haïtien n'a réellement point de déclinaison du nom proprement dite, puisque les désinences qui constituent les cas sont absentes. Le nom sujet (à savoir: le nominatif) précède ordinairement le verbe, tandis que le complément (à savoir: l'accusatif) le suit. - Exemples: Bon-Dieu (le nominatif) rinmin monn nan 'Dieu aime le monde'; Bon-Dieu (le nominatif) té bay pitit li a (l'accusatif) 'Dieu a donné son fils'; Bon-Dieu (le nominatif) té kréyé monn nan (l'accusatif) 'Dieu a créé le monde'.

Le complément du nom (substantif ou pronom) (à savoir: le génitif) est postposé, c'est-à-dire: le mot régime (le déterminatif) suit le mot régissant (le déterminé) sans aucune conjonction copulative. - Exemples: salé péché 'salaire du péché', pitit-Bon-Dieu 'enfant de Dieu'.

En outre, ce groupe possessif peut-être déterminé par l'ar-

ticle défini. - Exemples: kado Bon-Dieu a 'le don de Dieu', lécritu Bon-Dieu a 'l'Écriture Sainte de Dieu', lamou Bon-Dieu a 'l'amour de Dieu'.

Le mot bay placé avant le nom fait ordinairement le datif. - Exemples: yo tounin do bay péché 'ils tournent le dos au péché', yo viré fas bay Bon-Dieu 'ils font face à Dieu', bay tout moun 'à tous ceux'.

4. De l'adjectif dans le parler créole d'Haïti

L'adjectif est un mot qui se joint au nom (substantif). En créole haïtien il n'a ni du genre grammatical, ni de la désinence du pluriel. Comme en français, l'adjectif attributif se place tantôt avant, tantôt après le nom déterminé.

a) On place ordinairement avant le nom:

α) L'adjectif bon 'bon, bonne'. - Exemple: bon chale 'bonne chaleur'.

β) L'adjectif sel 'seul, -e', quand il exclut tous les individus, tous les objets de la même espèce. - Exemples: sel espoua 'le seul espoir', sel chemin 'le seul chemin', sel pitit li a 'son fils unique'.

γ) Les adjectifs indéfinis pluziè 'plusieurs', chak 'chaque', tout 'tout, -e; tous, toutes', et caetera. - Exemples: pluziè chabon 'plusieurs tisons', pluziè bagay 'de nombreuses choses'; chak jou 'chaque jour', chak ti détay 'chaque petitesse', chak moman 'chaque instant'; tout moun 'tous ceux', tout péché mouin yo 'tous mes péchés', tout ofans ou yo 'toutes vos offenses', tout inikité ou 'toutes tes iniquités (offenses)'.

δ) Les adjectifs numériques ordinaux, quand ils sont accompagnés de l'article ou d'un adjectif déterminatif. - Exemples: premiè pa a 'le premier pas', dezièm pa a 'le deuxième pas', touazièm pa a 'le troisième pas', katrièm pa a 'le quatrième pas', sinkièm pa a 'le cinquième pas'.

b) L'adjectif se place ordinairement après le nom - surtout:

α) Quand il a la forme du participe. - Exemples: pitit égare a 'le fils prodigue', pluziè chabon alumé ansanm 'plusieurs tisons allumés ensemble'.

β) (Différemment du français) quand il s'agit de l'adjectif démonstratif sa 'ce (cet), cette; ces'. - Exemples:

don sa yo 'ces dons', bagay sa a 'cette chose', bagay sa yo 'ces choses', brochu sa a 'cette brochure', pin sa a 'ce pain'.

5. De la comparaison des adjectifs dans le parler créole d'Haïti

Komparezon an kréòl. Degrés de comparaison.

Il y a trois degrés de comparaison que l'on appelle le positif, le comparatif et le superlatif. Le positif n'est autre chose que l'adjectif même exprimant la qualité sans comparaison. - Exemples: bon 'bon, bonne', vie 'vieux, vieil, vieille', nouvo 'nouveau, nouvel, nouvelle', rouj 'rouge', kapab 'capable', jinn (jɛ̃n) 'jeune', fasil 'facile', che 'cher, chère'.

Le comparatif exprime la qualité comparée. On distingue ordinairement trois comparatifs. A savoir: a) Le comparatif de supériorité, formé au moyen de l'adverbe pi (en français: plus) qui se place devant l'adjectif. Cet adverbe indique supériorité en nombre, en quantité, en extension, en intensité, et caetera. En créole il se joint ordinairement avec pasé (en français: avec que). A savoir: en créole pi ... passé, en français plus ... que. - Exemples: pi bon 'meilleur, au lieu de plus bon', pi vie 'ainé', pi nouvo 'plus nouveau etc.', pi rouj 'plus rouge', pi kapab 'plus capable', pi jinn 'plus jeune', pi fasil 'plus facile'. Donc: sé pi fasil pou li pasé pou mouin 'c'est plus facile pour lui que pour moi'. - Li pi kapab fè sa passé ou 'il est plus capable de faire cela que toi'. - Li pi jinn passé mouin 'il est plus jeune que moi'. - b) Le comparatif d'infériorité, formé au moyen de l'adverbe mouin(s) (en français moins) qui se place également devant l'adjectif. En créole il se joint ordinairement avec pasé (en français avec que). A savoir: en créole mouin(s) ... passé, en français moins ... que. - Exemples: mouin che 'moins cher'. - Sa sé mouin che 'cela coûte moins cher'.

Remarque. La lettre s dans l'adverbe créole mouins se prononce dans la pause et devant les noms (substantifs), tandis que devant les adjectifs elle sera supprimée.

La superlatif dit relatif se forme en créole au moyen des comparatifs de supériorité et d'infériorité, que l'on fait suivre de l'expression passé tout. - Exemples: pi bon passé tout

'le meilleur, la meilleure', pi vie passé tout 'le plus aîné', pi nouvo passé tout 'le plus nouveau etc.', pi rouj passé tout 'le plus rouge etc.'.

6. Du pronom dans le parler créole d'Haïti

Le pronom est un mot qui prend la place d'un nom. Il y a trois personnes: la première est celle qui parle; la seconde est celle à qui l'on parle; la troisième est celle de qui l'on parle. Cependant, comme les langues africaines mentionnées ci-dessus, le créole haïtien manque de la distinction du genre grammatical dans les pronoms. Mais il y a la propriété du nombre.

Il y a plusieurs espèces de pronoms: a) Pronoms personnels. Pour la première personne, singulier: mouin 'je, moi', pluriel: nou 'nous'. - Exemples: mouin alé lakay 'je vais à la maison; je vais (rentre) chez moi'; nou étudie créol 'nous étudions le créole'.

Pour la seconde personne, singulier: ou 'tu, toi', pluriel: nou 'vous'. - Exemples: ou parlé créol 'tu parles créole'; nou domi byin 'vous dormez bien'.

Remarque. La 2nde personne du pluriel a été remplacée par la première.

Pour la troisième personne, singulier: li 'il, lui, elle', pluriel: yo 'ils, eux, elles'. - Exemples: li ékri nan liv la 'il (elle) écrit dans le livre'; yo manjé pin an' ils (elles) mangent du pain'.

Puisque le parler créole d'Haïti ne fait plus de la différence entre les pronoms personnels conjoints et absolus, ainsi tous les changements formels des cas dans les pronoms personnels ont perdu leur signification. Employés comme sujets, ils précèdent ordinairement le verbe, tandis qu'étant régimes, ils se placent après lui. - Exemples: Li vle pran ou padon 'il veut vous donner le pardon'. - Eské ou vle pran yo 'voulez-vous les accomplir'. - Pa ou yo minnin ou 'vos pas vous dirigent'. - Min Bon-Dieu pa rejte ou 'mais Dieu ne vous rejette pas'. - Nou sugjere ou 'nous vous suggérons'. - Li te fe ou devni 'il vous a fait devenir'. - Nou invite ou jouinn 'nous vous invitons à vous joindre'. - ... pou li kapab delivre ou épi minnin ou kote li-minn 'pour qu'il soit capable de vous délivrer et puis de vous amener à lui-même. - ... afin ké li

kapab minnin nou 'afin qu'il soit capable de nous amener'. - ... ki té vlé minnin nou kote li-minn 'qui a voulu nous amener à lui-même'. - Mouin remesi ou paske ou ban mouin padon pou tout péché mouin yo 'je te remercie de ce que tu m'as pardonné toutes mes offenses'. - Li va rann yo puissan 'il les rendra puissants'.

Parfois des formes abrégées paraissent dans le paradigme. - Exemples: Mouin pa mérite anko pou ou relé-m pitit ou 'je ne suis plus digne d'être appelé ton fils'. - ... trété-m tankon gnoun nan moun kap travay ak ou yo 'traitemoi comme l'un de tes mercenaires'. - Epi mouin réjouï ké-m kapab poséde 'et je me réjouis de posséder'. - éma di-l 'et je lui dirai'.

b) Pronoms possessifs.

Les soi-disant adjectifs possessifs rentrent plus naturellement dans le domaine des pronoms possessifs. Contrairement au français, dans le créole haïtien ils ont la même forme que les pronoms personnels. Ordinairement ils se placent après le mot régissant. - Exemples: fi mouin 'ma fille'; nanm mouin 'mon âme'; ségné mouin 'mon seigneur'; papa-m 'mon père'; kafé ou 'ton café'; pitit ou 'ton fils'; (nan) non ou '(en) ton nom'; (nan) ké ou '(dans) ton/votre cœur'; ofans ou 'ton offense'; (nan) rapó ou '(dans) tes/vos rapports'; (tout) inkite ou '(toutes) tes iniquités'; (nan) pitit li '(en) son fils'; (nan) non li '(en) son nom'; promès li 'sa promesse'; byinfé li 'son bienfait'; ségné nou 'notre seigneur'; (nan) plas nou 'à notre place'; kont yo 'leur compte'.

De sa part, une telle construction peut être encore déterminée par l'article défini. - Exemples: péché mouin yo 'mes péchés'; ofans ou yo 'tes/vos offenses'; inkite ou yo 'tes/vos iniquités'; parol ou yo 'tes/vos paroles'; pa ou yo 'tes/vos pas'; byinfé li yo 'ses bienfaits'; pitit li a 'son fils'; (nan) tanp nou yo '(dans) nos temples'.

Remarque. Parmi les langues africaines qui dans ce cas excitent notre intérêt, le yoruba et le bantou (le congolais) font également le pronom (l'adjectif) possessif suivre le mot régissant, tandis que le mandingue le place devant lui.

c) Pronoms démonstratifs.

Les pronoms démonstratifs servent à indiquer les personnes et les choses. Faute du genre grammatical en créole haïtien, les pronoms démonstratifs français se sont fortement réduits en nombre. Le créole haïtien a uniquement retenu le pronom démonstratif (français: cela) sila (sujet et régime). Comme en français, dans la conversation familière, le créole emploie la forme réduite sa (en français: ça). Du reste, cette dernière peut être suivie de l'article défini a et yo. - Exemples: sila ki kapab fè 'celui qui peut faire'; yo chouazi gnou chemin tou diferan pase sila a 'ils choisissent une voie toute différente de celle'; sa pa sifi 'il ne suffit pas'; sa sé 'cela, c'est'; tout sa yo ki koué 'tous ceux qui croient'; e sa pa soti 'et cela ne vient pas'; ... gnou bagay pi mèveyé pase sa 'quelque chose plus merveilleuse que cela'; pou fè sa pi fasil 'pour faire cela plus facile'; ap meprizé kado la ou ofri sa yo ki koué 'je méprise le don que tu accordes à ceux qui croient'; li va ba ou tout sa ou bezouin 'il vous donnera tout cela dont vous avez besoin'; e sé pou sa minm ké 'et c'est pour cela même que'; remésié pou tout sa li fè 'remercier de tout cela qu'il a fait'; min sa ou dové fè 'mais tu dois faire cela'; pou ou jouinn avèk tout sa yo 'de vous joindre à tous ceux'.

d) Pronoms relatifs.

Les pronoms relatifs ont rapport à un nom (substantif) ou à un pronom. Le nom ou pronom, auquel se rapporte le pronom relatif, se nomme l'antécédent de ce pronom. Pour l'ordinaire, les pronoms relatifs suivent immédiatement leur antécédent. Comme en français, dans le créole haïtien le pronom relatif présente également des traces de déclinaison. Le nominatif est ki (en français: qui) et l'accusatif - ké (en français: que). Employé sans préposition après son antécédent, le pronom ki est sujet et se dit des personnes et des choses, tandis qu'employé avec une préposition, il ne se dit que des personnes. En ce qui concerne le pronom ké, il se dit des personnes et des choses et s'emploie comme régime direct. - ninpot moun ki koué nan li 'quiconque croit en lui'; sé li ki padonnin 'c'est lui qui pardonne'; ... min gnou léspri ki gin fòs 'mais un esprit qui donne de la force'; e sila ki kapab fè 'et celui qui peut faire'; avèk

puisans la k-ap aji nan nou 'par la puissance qui agit en nous'; pa gingnin moun ki just 'il n'y a point de juste', pa gingnin gnoun k-ap chèché 'nul ne cherche'; sé Bon-Dieu ki té vlé 'c'est Dieu qui a voulu'; tankon gnoun nan moun k-ap travay ak ou yo 'comme l'un de tes mercenaires'; ... tout moun ki résevoua 'tous ceux qui ont reçu'; tout sa yo ki koué 'tous ceux qui croient'; ou ofri sa yo Ki koué 'tu accordes à ceux qui croient'; dézi ki nan ké ou 'le désir de votre cœur'; pluzié bagay ki té rive ou 'de nombreuses choses qui vous sont survenues'; moun ki résevoua justis 'celui qui reçoit la justice'; ou va fè ekapérians ki fè ou grandi 'vous expérimenterez la croissance'; ... posédé richès tout bon sa a ... ké ou ban mouin 'posséder toutes les richesses ... que tu m'a accordées'; joua ké kominjon minnin pou ou 'la joie que la communion constate'.

e) De l'interrogation en créole haïtien.

Dans le parler créole d'Haïti, les phrases interrogatives se forment au moyen de la locution interrogative *eske* (dérivée du français est-ce-que), qui se place au commencement de la phrase. - Exemples: *Eske ou vlé pran yo?* 'Voulez-vous les accomplir?' - *Eske (la) priè sa a éksprimé dézi ki nan ké ou?* 'Cette prière exprime-t-elle le désir de votre cœur?' - *Eske ou kapab pansé nan gnou bagay pi mèveyé pasé sa?* 'Pouvez-vous penser à quelque chose de plus merveilleuse?' - *Eske ou kapab remèsie Bon-Dieu koun yé sa?* 'Pouvez-vous remercier Dieu maintenant?' - *Eske ou ap étudié kréòl?* 'Es-tu en train d'étudier le créole?' - *Eske mouin doué alé?* 'Dois-je m'en aller?' - Outre cela, on se sert des pronoms et adjectifs interrogatifs, à savoir: *ki* 'qui, que, quoi'; *ki moun* 'qui'; *ki sa* 'que, quoi'; *ki bagay* 'quel(le), quelle chose'. Mais aussi des adverbes d'interrogation, comme *koté*, *ki koté* 'où'; *konman* 'comment'; *konbyin* 'combien'; *pouki*, *pouki sa* 'pourquoi'. - Exemple: *Pouki sa li vlé ba ou don sa yo?* 'Pourquoi veut-il vous donner ces dons?'

f) Pronoms (et adjectifs) indéfinis.

Les pronoms indéfinis représentent les personnes et les choses d'une manière vague et indéterminée. On s'en sert quand on ne veut, ou quand on ne peut pas préciser les objets dont on parle.

1. Les mots indéfinis qui conservent toujours
leur nature comme pronoms

- Exemples: gingnin gnoun 'quelqu'un': pa gingnin gnoun k-ap chéché 'nul ne cherche'. - Ninpôt moun(ki) 'quiconque': ninpôt moun ki koué nan li 'quiconque croit en lui'. - Gingnin moun 'personne': pa gingnin moun ki just 'il n'y a point de just'; - pèsoun pa vini 'nul ne vient'; - sé pa gras-a zèv, pou pèsoun pa louanjé tèt li 'ce n'est point par les œuvres, afin que personne ne se glorifie'. - Gnoun ... lòt 'l'un ... l'autre': min an nou gnoun egzoté lòt 'mais à nous encourager l'un l'autre'.

2. Les pronoms indéfinis qu'on emploie aussi
comme adjectifs

- Exemples: okinn 'aucun': è pa blié okinn nan byinfè li yo 'et n'oublie aucun de ses bienfaits'.

Remarque. Okinn, ayant originairement un sens affirmatif, est toujours relatif et seul propre à représenter un nom antécédent.

- Lòt 'autre': lòt krétyin yo 'd'autres chrétiens'; - avèk lòt krétyin yo 'avec les autres chrétiens'. - Kèk 'quelque' signifie un ou plusieurs entre un plus grand nombre, et il sert aussi à indiquer un petit nombre, une quantité peu considérable. - Exemple: kèk nan yo 'quelques entre eux'. - Pluziè 'plusieurs': gin pluziè bagay 'vous avez reçu de nombreuses choses'; - pluziè chabon alumé ansann 'plusieurs tisons ensemble'. - Tout 'tout(e), tous, toutes'. Au singulier, ce pronom et toujours adjectif. Au pluriel, il s'emploie absolument et comme adjectif. - Exemples: épi ou va konnin tou joua a 'et puis tu connaîtras toute la joie; - jouinn avèk tout sayo ki 'joindre à tous ceux qui'; - padon pou tout ofans ou yo 'le pardon de toutes vos offenses'; - sé li ki padonnin tout inikité ou 'c'est lui qui pardonne toutes tes iniquités'; - ou ban mouin padon pou tout péché mouin yo 'tu m'as pardonné toutes mes offenses': - Bon-Dieu va ba ou tout sa ou bezouin 'Dieu vous donnera toutes les grâces dont vous avez besoin'; - nou tout va péri minm jan an 'vous périrez tous également!'; - bay tout moun ki 'à tous ceux qui'; - ka tout moun fè péché é yo tout manké 'car tous ont péché et tous manquent!'; - yo tout égaré 'tous sont égarés!'; - pou

tout sa li fè pou ou 'de ce qu'il a fait pour vous'.

3. Les mots indéfinis qui figurent toujours comme adjectifs

- Exemples: chak 'chaque': puisans pou chak jou 'la puissance d'action quotidienne'; - chak jou pou chak ti detay 'chaque jour pour chaque détail'; - prié Bon-Dieu chak jou 'prier Dieu chaque jour'; - obéi Bon-Dieu nan chak moman 'obéir à Dieu chaque instant'. - Minm 'même'. Employé absolument, il a toujours l'article. Placé immédiatement après les noms et les pronoms, il indique un rapport d'identité: li-minm 'lui-même', ou-minm 'toi-même; vous-mêmes', nou-minm 'nous mêmes; vous-mêmes', sa minm 'ceci même'. - Exemples: Kris minm té mouri gnou foua 'Christ a souffert une foi'; - ki té vlé minnin nou koté li-minm 'qui a voulu nous amener à lui-même'; - épi minnin ou koté li-minm 'et vous amener à lui-même'; - e sa pa sòti nan nou-minm 'et cela ne vient pas de vous'; - li t-ap rékonsilié ... avèk li-minm 'il est réconciliant ... avec lui même'; - sé pou ou résévoua ou-minm, minm, kado Bon-Dieu a 'c'est afin d'accepter personnellement le don gratuit de Dieu'; - pou aksepté ou-minm pou ségnè mouin 'je t'accepte comme mon Seigneur'; - si sé konsa, prié li kounyé a minm 'si oui, priez-lui maintenant'; - sé minm jan avèk ou 'c'est la même chose avec vous'.

7. Du verbe dans le parler créole d'Haïti

Antoine Meillet et Marcel Cohen sont d'avis que le verbe dans le soi-disant négro-français a été pris dans sa forme la plus simple ou la plus répandue au participe passé ou à l'impératif, et non point à l'infinitif. ** Cependant, en étudiant des verbes haïtiens, on pourra parvenir à tout autre conclusion. Ci-dessus on va présenter un certain nombre de racines verbales haïtiennes empruntées au français, qui appartiennent aux diverses conjugaisons. Leur comparaison avec de prétendues formes primitives françaises (issues de l'infinitif, du participe passé ou de l'impératif) ne permet pas d'établir des règles générales.

** Voyez: Les langues du monde. Par un groupe de linguistes sous la direction de A. Meillet et M. Cohen. - Paris, 1924, p. 559.

Ces prétendues formes primitives des racines verbales haïtiennes d'origine française peuvent appartenir: 1. à la 1ère conjugaison française, à savoir: chanté~? inf. chanter, part. passé chante, impér. (plur.) chantez; - manjé~? inf. manger, part. passé mange, impér. (plur.) mangez; - alé~? inf. aller, part. passé allé, impér. (plur.) allez; — 2. à la 2ème conjugaison française, à savoir: domi~? inf. dormir, part. passé dormi; - vini~? inf. venir; - aji~? inf. agir, part. passé agi, impér. (sing.) agis; - mourri~? inf. mourir; - grandi~; inf. grandir, part. passé grandi, impér. (sing.) grandis; - béni~? inf. bénir, part. passé béni, impér. (sing) bénis.

Cependant, il reste à savoir d'où tirent leur origine les verbes comme padonnin 'pardonner', abandonnin 'abandonner', gingnin 'gagner', minnin 'mener', tounin 'tourner', rinmin 'aimer' et cætera.

- 3. A la 3ème conjugaison française, à savoir: ouè~? inf. voir, impér. (sing. et plur.) vois, voyez; - vlé~? inf. vouloir, impér. (plur.) voulez; - dové, devé~? inf. devoir, impér. (plur.) devez; - récévoua~? recevoir; — 4. A la 4ème conjugaison française, à savoir: koué~? inf. croire, impér. (sing. et plur.) crois, croyez; - fè~? inf. faire, part. passé fait, impér. (sing.) fais; - li~? inf. lire, impér. (sing.) lis; - di~? inf. dire, part. passé dit, impér. (sing.) dis; - ékri~? inf. écrire, part. passé écrit, impér. (sing.) écris; - pran~? inf. prendre, impér. (sing.) prends; - vann~? inf. vendre, impér. (sing.) vends; - mète~? inf. mettre, impér. (plur.) mettez; - admèt~? inf. admettre, impér. (plur.) admettez; - pemèt~? inf. permettre, impér. (plur.) permettez; - étinn~? inf. éteindre, part. passé étint, impér. (sing.) éteins; - jouinn~? inf. joindre, part. passé joint, impér. (sing.) joins. — Mais konnin 'connaître', de quelle forme se dérive-t-il?

Remarque à l'égard de la prononciation de la diphtongue oi en créole haïtien. — Les mots haïtiens appartenant à l'époque d'avant la révolution ont retenu jusqu'à nos jours la prononciation ancienne de la diphtongue oi (à savoir: ouè/wè, quelquefois), tandis que les emprunts plus récents ne connaissent que oua/wa.

Les temps de verbes. 1. Le présent de l'indicatif.

Au présent de l'indicatif, le verbe haïtien n'a qu'une seule forme (à savoir: la racine verbale correspondant à l'infinitif des langues européennes). Pour marquer son rapport avec l'unité et la pluralité, on emploie les pronoms personnels sujets.

Paradigme: pale 'parler'.

Mouin pale 'je parle'	Nou pale 'nous parlons'
Ou pale 'tu parles'	Nou pale 'vous parlez'
Li pale 'il, elle parle'	Yo pale 'ils, elles parlent'

Remarque. Ainsi se fait aussi en yorouba.

2. Le futur de l'indicatif se forme par l'insertion du formant va entre le pronom personnel et la racine verbale.

- A savoir:

Mouin va pale 'je parlerai'	Nou va pale 'nous parlerons'
Ou va pale 'tu parleras'	Nou va pale 'vous parlerez'
Li va pale 'il, elle parlera'	Yo va pale 'ils, elles parleront'

Très souvent ces formes futures seront contractées de la manière suivante: M(ouin v)a pale Ma pale

Ou(v)a pale	Oua pale
L(i v)a pale	La pale
N(ou v)a pale	Na pale
Y(o v)a pale	Ya pale

3. L'imparfait de l'indicatif se forme par l'insertion du formant te entre le pronom personnel et la racine verbale. - A savoir:

Mouin te pale 'je parlais'	Nou te pale 'nous parlions'
Ou te pale 'tu parlais'	Nou te pale 'vous parliez'
Li te pale 'il, elle parlait'	Yo te pale 'ils, elles parlaient'

4. Le conditionnel se forme par l'insertion du formant ta entre le pronom personnel et la racine verbale. - A savoir:

Mouin ta pale 'je parlerais'	Nou ta pale 'nous parlerions'
Ou ta pale 'tu parlerais'	Nou ta pale 'vous parleriez'
Li ta pale 'il, elle parlerait'	Jo ta pale 'ils, elles parleraient'

L'emploi du conditionnel. Le conditionnel s'emploie surtout dans la proposition principale d'une phrase pour exprimer

mer une condition ou une supposition. - A savoir: Si mouin té ou, mouin ta alé 'si j'étais toi, j'irais'. - Et contrairement au français: si li ta vini, nou ta pale 's'il était venu, nous parlerions avec lui'.

5. Les temps de longue durée (en anglais: the continuous tenses) se forment des temps ordinaires par l'insertion du formant apé entre le pronom personnel et la racine verbale (de la sorte au présent de l'indicatif) ou entre l'élément (te, ta) de leur formation et la racine verbale (de la sorte à l'imparfait de l'indicatif et au conditionnel). - A savoir: a) Le présent de l'indicatif: mouin apé ékri (contracté en m'ap ékri) 'je suis en train d'écrire'. - b) L'imparfait de l'indicatif: mouin té apé ékri (contracté en mouin t'ap ékri) 'j'étais en train d'écrire'. - c) Le conditionnel: li ta apé vanⁿ kay la 'il serait en train de vendre la maison'.

Remarque. - Les langues africaines qui peuvent être prises en considération ici (comme le yorouba, le congolais, le mandingue) forment les catégories de temps (et d'aspect) également à l'aide de spéciaux formants grammaticaux.

8. Suppression du verbe-copule être en créole haïtien

Dans les constructions créoles, le verbe-copule être est souvent complètement supprimé. Cela arrive surtout dans celles du type "le verbe-copule + l'attribut" en cas où cet attribut sera rendu par un adjectif. - Exemples: kay la bel 'la maison est belle'; ou piti 'tu es petit'; liv la gro 'le livre est gros'; bisiklèt la rouj 'la bicyclette est rouge'; mouin kontan anpil 'je suis très content'.

Le verbe-copule s'appelle se quand il se rapporte à des noms et pronoms. - Exemples: ou se gnou ti fan^m 'tu es une petite femme'; fi mouin se gnou bon ouvriè 'ma fille est une bonne ouvrière'; li se gnou prédicaté 'il est un précheur'; - se correspond à 'c'est' et se té correspond à 'c'était, ce fut'. - Exemples: se fasil 'c'est facile'; se util 'c'est utile'.

Se s'emploie dans les phrases désignant nationalité, essence, qualité, profession et caetera. - Exemples: ou se amerikin 'tu es américain'; li se doktè 'il est docteur'; li se

gnou fan^m charitab 'elle est une femme charitable'; li se vo-
lè 'il est voleur'; li se gnou jinⁿ fi 'elle est une jeune
fille'; yo se moun serié 'ils sont de sérieux personnages'.

Le verbe-copule s'appelle yé quand il s'agit des condi-
tions temporaires, de l'emplacement, des qualités acci-
dentelles, des situations passagères et caetera. - Exemples:
kouman ou yé? 'comment vas-tu?'; koté li yé? 'où se trou-
ve-t-il?'; sé konsa bagay yo yé 'c'est comme ça que vont les
choses' ou bien 'voilà comment vont les choses! Voilà où en
sont les choses!'

9. De l'adverbe dans le parler créole d'Haïti

L'adverbe est une partie du discours qui sert à modifier
le verbe: Cependant, les adverbes peuvent modifier encore
les adjectifs et même d'autres adverbes. On distingue plu-
sieurs classes d'adverbes, à savoir:

a) Adverbes de comparaison: mouins 'moins' (en latin: mi-
nus). - Exemples: sa kouté mouins 'cela(ça) coûte moins'; pin
sa a kouté mouins 'ce pain-là coûte moins'; li fè mouins tra-
vay pasé li 'elle travaille moins que lui'. - Pour marquer
l'extension, le degré et caetera, on fait usage de si et
tèlman 'tellement'. - Exemples: Mouin si fatigé mouin pa ka-
pab pansé 'je suis tant fatigué que je ne suis pas capable
de penser'; mouin pa té jan^m ouè gnoun si (tèlman) du 'je
n'avais jamais vu quelqu'un si dur'.

Remarque. En français, on ne peut faire usage de l'ad-
verbe si devant les participes; il faut les
faire précéder de tant.

b) Adverbes de quantité: tro(p) (le p final tombe de-
vant les adjectifs). - Exemples: Li té ba mouin trop 'il m'en
donna trop'; li tro viè 'il est trop vieux'; mouin tro fatigé
'je suis trop fatigué'; bagay sa a tro lou 'cette chose-là
est trop lourde'. - anpil 'très' (parfois l'on emploie à sa
place le mot français trè 'très'). - Exemples: Li té fache
anpil, li té trè fache 'il (elle) était très fache(e)'; kafé
ou bon anpil 'ton café est très bon'. - tou(t) s'emploie ad-
verbialement dans le sens de 'tout à fait, entièrement'. -
Exemples: Yo chuazi gnou chemin tou diféran 'ils (elles) choi-
sissent une voie toute différente'; posédé richès tout bon
yo 'posséder le vrai bien'; pa repantans tout bon 'la repen-

tance n'est pas complète'.

c) Adverbe de négation pa 'pas'. Toute phrase affirmative peut se changer en négative en plaçant la négation pa directement devant la racine verbale (ainsi au présent de l'indicatif et à l'impératif) ou devant le formant de temps (ainsi dans d'autres temps). - Exemples: Mouin palé kréòl 'je parle créole', mouin pa palé kréòl 'je ne parle pas créole'; ou vlé palé byin 'tu veux parler bien', ou pa vlé palé byin 'tu ne veux pas parler bien'; - fè li 'fais-le!', pa fè li 'ne le fais pas!'. - Mouin té ouè li 'je le voyais, je l'ai vu'; mouin pa té ouè li 'je ne le voyais pas, je ne l'ai pas vu'; mouin ta fè sa 'je voudrais faire cela', mouin pa ta fè sa 'je ne voudrais pas faire cela'; li té alé 'il (elle) allait', li pa té alé 'il (elle) n'allait pas'; yo va chanté 'ils (elles) chanteront', yo pa va chanté 'ils (elles) ne chanteront pas'.

La négation pa s'emploie aussi devant l'adjectif dans les phrases simples, où le verbe-copule a été supprimé. - Exemples: Li bèl 'il (elle) est beau (belle)', li pa bèl 'il (elle) n'est pas beau (belle)'; nou kontan 'nous sommes contents', nou pa kontan 'nous ne sommes pas contents'.

L'usage idiomatique de pa apé, contracté p'ap, comme l'expression d'un refus définitif. - Exemples: Yo pa va chanté 'ils (elles) ne chanteront pas; ils (elles) ne vont pas chanter'. C'est le futur simple négatif sans aucun refus nécessaire. Cependant, yo p'ap chanté 'ils (elles) ne veulent pas chanter' veut dire qu'ils eux-mêmes (elles elles-mêmes) refusent de chanter ou bien que quelqu'un du dehors ordonne à eux (à elles) de ne pas vouloir chanter.

La phrase ou p'ap pou fè sa 'tu n'en as pas la permission (le droit) de faire cela', 'tu n'oses le faire' signifie qu'il n'y a personne (qu'on ne connaît personne) qui ose le faire.

Extrait du texte créole avec la
traduction française

Faute des textes littéraires, alors accessibles à l'auteur du présent traité, le suivant morceau de texte en créole haïtien a été emprunté à la littérature cléricale.

Pluzié chabon alumé ansanm bay gnou bon chale.
Min, pran gnoun é mète li a-pa pou kò li é li étinn byin fasilman. Sé minm avèk ou nan rapò ou gingnin avèk lòt krétyin yo. Ou doué chèche fason pou ou jouinn avèk tout sa yo ki koué nan Kris.

Plusieurs tisons ensemble brûlent et donnent de la chaleur. Prenez-en un et posez-le à part et le feu bien facilement s'éteint. Ainsi en est-il de vos relations avec les autres chrétiens. Prenez l'initiative de vous joindre à tous ceux qui croient en Christ.

Remarque. - Le présent traité se fonde exclusivement sur les données linguistiques authentiques du parler créole haïtien procurées personnellement par l'italien signore Franco Rossi de Milan au cours de ses quelques séjours sur l'île d'Haïti. Le voici qu'il écrit: -

Sono appena tornato da un nuovo viaggio nei Caraibi dove ho ormai alcuni amici. Quest'anno sono partito con l'intenzione di visitare tutte le Grandi Antille (Repubblica Dominicana, Haiti, Giamaica e Cuba). Ci sono riuscito, ad eccezione di Cuba, per mancanza di tempo. Le ho già scritto che amo molto questi paesi sia per il clima che per la gente e la natura. - I tre paesi visitati sono molto diversi l'uno dall'altro: la Repubblica Dominicana è il più ricco di risorse naturali, ha il paesaggio meno vario, ed ha un carattere fortemente latino-americano (a Santo Domingo è sepolto Cristoforo Colombo, lo scopritore dell'America). Haiti è il paese più povero ma più pittoresco e ricco di colore. Giamaica è molto bella, molto verde, con una impronta chiaramente inglese. Gli inglesi vi sono infatti rimasti per molti secoli. - Ho avuto una

piacevole sorpresa nel rivedere Haiti dopo 9 anni. Questo paese ha infatti avuto un certo miglioramento sia dal punto di vista politico, che economico, sociale e culturale. La dittatura che vi regna non è più così oppressiva come un tempo e la gente vive un po' meglio. L'élite studia generalmente alla Sorbona ed è quindi gente di un certo livello. C'è un'ottima generazione di pittori naïfs. Giamaica è molto bella ma ha attualmente dei seri problemi politici, economici ed anche razziali. È un paese che può anche diventare pericoloso per un turista...

Quanto alle lingue, in tutti e tre i paesi si parlano delle lingue creole praticamente incomprensibili per uno straniero che non vi abbia vissuto per un certo tempo. Lo spagnolo della Repubblica Dominicana ha un accento particolare ed un vocabolario particolare. Lo stesso dicasi del francese di Haiti (creolo) o dell'inglese della Giamaica (anch'esso creolo). Ad ogni modo, mentre un dominicano qualsiasi comprende bene lo spagnolo ed un giamaicano comprende l'inglese, un haitiano non comprende il francese, a meno che non abbia studiato in Francia o con dei francesi. L'origine di queste lingue creole si spiega con il fatto che i tre suddetti paesi sono popolati da negri (che vi si sono installati all'epoca del trasporto degli schiavi dall'Africa verso gli USA e della successiva liberazione di questi ultimi) che hanno problemi fonetici e culturali. - Questi paesi erano abitati all'origine dagli indiani ARAWAK, alcune tribù dei quali vivono oggi in Venezuela e Guyana, ed attualmente scomparsi. I negri non sono quindi indigeni di quei paesi.

È un vero peccato che non abbia saputo del Suo interesse per la lingua creola di Haiti perchè altrimenti Le avrei procurato facilmente del materiale per i Suoi lavori visto che ho passato circa una decina di giorni ad Haiti.

Posso comunque dirLe che il "creolo" sta facendo progressi. Esistono libri, documentazione, annunci pubblicitari e trasmissioni radiofoniche in creolo. Ciò è necessario per farsi capire dal popolo, che non comprende altra lingua. Anche i missionari hanno trasmissioni religiose in creolo. Questa diffusione ufficiale del creolo non esiste invece in Repubblica Dominicana ed in Giamaica dove le emittenti radiofoniche parlano uno spagnolo ed un inglese puri...

О КРЕОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ НА ГАИТИ

Пент П. Нурмекунд

Острова, лежащие между Северной и Южной Америкой, состоят из Малых Антильских, Больших Антильских и Багамских островов. Остров Гаити принадлежит к Большим Антилам. Во время прихода испанцев в конце XV столетия коренным населением острова Гаити являлись индейцы, последующая судьба которых оказалась трагичной. В течение одного столетия они были почти полностью истреблены испанскими захватчиками. Во 2-ой половине XVI столетия в северо-запад острова Гаити началось вторжение французских переселенцев. До конца того же столетия весь западный Гаити стал французской колонией. С середины XVI в. на опустелый остров Гаити начали ввозиться негры из Африки для работы на плантациях. Прибывшие негры-рабы принадлежали к разным племенам и говорили на различных африканских наречиях. Разделенные языковым барьером на Гаити, они вынуждены были в целях общения с европейцами и между собой прибегать к языкам испанскому и французскому. Первым поколениям негров-креолов, по-видимому, было свойственно двуязычие. Следующие поколения уже говорили (и говорят) на креольских (испанского и французского происхождения) языках.

Настоящая статья занимается вопросом креолизации французского языка на Гаити, отличительной чертой которой является значительное приспособление европейского языка к африканским моделям.

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО
В СФЕРЕ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКОВ СЛАВЯНСКОЙ,
ГЕРМАНСКОЙ И РОМАНСКОЙ ГРУПП)

Э.М. Солодухо

§1. Изучение литературы показало, что определение интернациональности фразеологических единиц (ФЕ) в подавляющем большинстве случаев происходит на основе историко-этимологических фактов, этимолого-генетических ассоциаций, осознания иноязычности происхождения данных ФЕ, при этом фактически имеет место ограничение интернациональной фразеологии кругом фразеологических заимствований, которые, кстати, также далеко не достаточно изучаются в плоскости интернационализации. В связи с этим состав интернациональной фразеологии неправомерно сужается и вне поля зрения остаются многие явления и процессы, активно участвующие в межязыковом фразеологическом сближении, хотя и выходящие за пределы собственно миграционных. Часто, однако, данный подход принимает формы, по нашей терминологии, "генетико-ассоциативного" определения интернациональной фразеологии, т.е. определения осуществляемого в синхронии на основе историко-этимологических реминисценций и т.п., что возможно лишь для некоторой части международных ФЕ. Подобный подход оказывается неудовлетворительным даже для определения интернационализмов - заимствований по происхождению в случае утраты ими признаков иноязычности, что искусственно сокращает интернациональный фразеологический корпус, итак субъективно ограничиваемый, согласно узкой трактовке интернационального, кругом заимствований, общностью как результата культурно-исторических связей. Особенно это относится к ФЕ, восходящим к общему литературному, культурно-историческому наследию, возникшим на основе художественных произведений, высказываний ученых, политических деятелей и т.п., значительная часть которых, теряя связь со своими источниками и истоками, не несет на себе отпечаток происхождения.

Следует, однако, различать, с одной стороны, выделяемое здесь понятие генетико-ассоциативного установления интерна-

ционального как отождествления, основанного на знании исторических фактов и т.п. (являющихся практически достоянием синхронии), успех которого, таким образом, зависит от полноты знаний отождествляющего, а, с другой - историко-этимологический и этимолого-генетический подходы как специальные сопроводительные приемы, позволяющие максимально полно выявлять объективно существующие фразеологические интернационализмы, неподвластные только формальной и семантической идентификации [3, 76-77; 4, 3-4].

§ 2. К числу внешних показателей интернационального в сфере фразеологии относим совпадение звучания, написания, лексического наполнения, структуры. Содержательная сторона интернационального проявляется прежде всего по линии совпадения семантики и внутренней формы.

В близкородственных языках материальное тождество обычно сопровождается высокой степенью типологического сходства, часто ограниченного теми или иными языками данной группы. Единство материального тождества и типологического сходства обуславливает легкость идентификации фразеологических интернационализмов носителями близкородственных языков: рус. "белая ворона" - болг. "бяла врана" - серб.-хорв. "бела врана" - чеш. *bílá vrána*; рус. "борьба не на живот, а на смерть" - болг. "борба на живот и (или на) смърт" - серб.-хорв. "борба на живот и смрт" - чеш. *boj na život a na smrt*. Типологически сходными могут оказаться параллельные ФЕ языков других родственных групп, относительная легкость фонографической (звуковой и графической) идентификации которых обеспечивается лишь в пределах этих групп (ср., например: нем. *ein Kampf auf Leben und Tod* - швед. *kamp på liv och dö* с вышеприведенными славянскими параллелями). Подобная идентификация типологически близких единичных ФЕ языков других родственных групп затруднена (ср., например, нем. *ein weißer Hahn* с вышеприведенными славянскими параллелями). Далеко не всегда параллелизм представлен всеми языками данной группы.

Другими примерами параллельных ФЕ близкородственных языков, отождествляемых на основе сходства графических и звуковых оболочек, являются: англ. *split hairs* - нем. *Haare spalten*; англ. *end in the gutter* - нем. *j-d wird in der Gasse enden*; англ. *go to bed* - нем. *ins Bett gehen*; фр. *faire bourse commune* - ит. *far borsa comune*; фр. *corps à corps*

(обыкн. употр. с гл. *battere, combattre, lutter* и т.д.) - ит. *combattere a corpo a corpo* - исп. *luchar cuerpo a cuerpo* - рум. *a lupta corp la corp*; фр. *prendre l'air* - ит. *prendere l'aria*; фр. *faire l'amour* - ит. *far l'amore*; фр. *à corps perdu* - ит. *a corpo perduto* и т.д.

Обычно, чем отдаленнее оказывается родство соотносимых языков, тем менее различным становится материальное сходство. Однако не всегда бывает так. Высокая степень материального сходства как результат языковых, культурно-исторических связей может наблюдаться между ФЕ языков, находящихся в разных отношениях родства: рус. "манна небесная" - болг. "манна небесна" - чеш. *nebeská manna* - нем. *Manna vom Himmel* - фр. *manne céleste* - ит. *la manna cielo* - исп. *el maná celestial* - рум. *mana din cer*; англ. *pay one's debt to* (или *the debt of*) *nature* - нем. *der Natur seinen* (или *den*) *Tribut entrichten* (или *zollen*) - швед. *ge sin tribut åt naturen* - фр. *payer le tribut à la nature* - ит. *pagare il tributo alla natura* - исп. *pagare el tributo a la naturaleza* (ср. лат. *pagare debitum naturae*).

В подобных случаях нередко отождествление в пределах близкородственных языков оказывается сложнее, чем в рядах языков с отдаленным родством, Ср., например, с одной стороны ФЕ чешского языка с ФЕ русского и болгарского языков, а с другой - романогерманские параллели: рус. "запретный плод" - болг. "забранен плод" - чеш. *zakázané ovoce* - англ. *forbidden fruit* - нем. *die verbotene Frucht* - швед. *förbjuden frukt* - ит. *frutto proibito* - исп. *fruto prohibido* - рум. *fruct oprit*. Ср. также ФЕ английского и французского языков и ФЕ французского с параллелями других романских языков: англ. *the massacre of the innocents* - фр. *massacre des innocents* - ит. *la strage degli innocenti* - исп. *degollación de los inocentes* - рум. *țâierea pruncilor*.

(Материально тождественные ФЕ близкородственных языков могут иметь значительные семантические расхождения, нередко ведущие к межязыковой омонимии, что в целом не только придает тождеству определенную относительность, но и в случаях полного несовпадения значений ФЕ переводит их в разряд неэквивалентных соответствий. Ср. значения следующих пар: ит. *battere in breccia* - 1) пробить брешь; 2) разбить (или разнести) в пух и прах - фр. *battre en brèche* - 1) прорвать позиции противника; 2) вести наступление (на ...), яростно нападать; 3) подрывать, расшатывать, подкапывать; ит. *pre-*

dege corpo - 1) затвердеть; 2) осуществиться ≠ фр. prendre corps - оформиться; стать четким, ясным; ит. prendere la mano - 1) понести (о лошади); 2) отбиться от рук ≠ фр. ramper la la main - 1) карт. получить первый ход; получить первую сдачу, начать игру; 2) карт. снять колоду; 3) ир. получить согласие договаривающихся сторон; ит. far breccia - произвести впечатление; убедить ≠ фр. faire brèche - пробить брешь в чем-л.; нанести урон и мн. др.

Аналогичным образом обстоит дело при отождествлении интернациональной фразеологии, характеризующейся лишь структурно-типологическим сходством.

§ 3. Известная степень общности культурного субстрата, социальных отношений, исторического развития в целом, характерная для носителей европейских, особенно германских, романских и славянских языков, определяет высокую степень их конвергенции, неоднократно отмечаемую лингвистами [1, 83; 2, 160; 6, 335; 7, 124], некоторые из которых усматривают ее обусловленность в существовании определенного общего типа европейского мышления [5, 198].

Наряду с наблюдаемой принципиальной закономерной зависимостью степени интернациональности в области фразеологии языков европейско-американского ареала как в количественном так и в качественном отношении от территориального, культурно-исторического факторов, генетического родства языков, а также взаимодействия данных факторов, нами отмечаются частные конвергентные "вспышки", представленные чаще всего минимальными изоглоссами, причины возникновения которых далеко не всегда ясны. Более того, наши материалы свидетельствуют о возможности асимметричного соотношения лингвистических и экстралингвистических факторов межъязыкового параллелизма. Так, специфический культурный субстрат может стимулировать развитие интернациональной фразеологии.

В качества примеров ФЕ, характеризующихся закономерным сходством лексического состава, фразеологического образа, могут служить следующие параллели: болг. "пръскам се (или пукам се) от срам" - рум. а-1 сгъра obrazul de ruşine; нем. (j-m) einen Knüppel zwischen die Beine werfen - чеш. házet klasky pod nohu; нем. in anderen Umständen sein - чеш. v jiné stavu; англ. be pressed for money - фр. être pressé d'argent; англ. crush in the egg - фр. écraser dans l'oeuf; англ. before the ink is dry - фр. l'encre n'avait pas séché ...; англ. beat

amb black and blue - нем. (j-n) braun und schlagen; англ. wear the breeches - нем. die Hosen anhaben; англ. hit the nail on the head - нем. den Nagel auf den Kopf treffen - швед. träffa huvudet på spiken; англ. nails in mourning - фр. avoir les ongles en deuil (или en demideuil) - ит. unghie lisate a lutto (или bruno); англ. to be short of money - фр. être à court d'argent - ит. esser corto a denari; фр. hausser (или lever) la coude - ит. alzare il gomito - исп. empuñar el codo; фр. coup de main - ит. colpo di mano - исп. golpe de mano и мн. др.

Историко-этимологический и этимолого-генетический анализ показывает, что в одну и ту же изоглоссу могут включаться как независимо возникшие образования, так и заимствования. Ср., например, ряд, в котором калькированной формой является ФЕ английского языка: англ. white night с фр. nuit blanche - ит. notte bianca - серб.-хорв. "беле ноћи".

Во многих случаях межъязыковые этимолого-генетические отношения не представляются достаточно ясными. Ср., например, следующий ряд: рус. "между четырех глаз" - чеш. mezi čtyřma očima - нем. unter vier Augen - фр. entre quatre yeux - рум. între patru ochi.

Отдельные звенья фразеологических цепей могут быть представлены разнотипными интернационализмами, например: лат. vox populi в английском и русском языках - нем. die Stimme die Volkes - ит. voce publica и т.д.; англ. put on the buskin (или buskins) - фр. chausser le cothurne - ит. calzare il coturno и т.д.

Примерами вышеуказанных конвергентных "вспышек", образующих частные минимальные изоглоссы, могут служить следующие параллели: нем. aufgewärmter Kohl - ит. cavolo riscaldato; болг. "нощта на ден правя" - нем. die Nacht zum Tage machen; ит. avere le mani in pasta - англ. have a finger in the pie и др.

Следует подчеркнуть, что особенность данных явлений заключается не столько в ограниченности языковых рядов (ряды могут быть не только предельно малыми), хотя и это обстоятельство весьма существенно, сколько в их языковом составе.

Частные минимальные изоглоссы пересекаются с пучками полных общеареальных и субареальных изоглосс, а также с изоглоссами, имеющими относительно ограниченное, но регулярное распространение, что свидетельствует о возможности создания благоприятных условий для новых стабильных межъязыковых сближений.

Литература

1. Вюстер Е. Международная стандартизация языка в технике: (Сокр. пер. с нем.). - Л.-М., 1935, с. 83.
2. Вине Ж.-П., Дарбельне Ж. Технические способы перевода. - В кн.: Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978, с. 160.
3. Солодухо Э.М. Методика идентификации фразеологических интернационализмов в самостоятельной работе студентов. - Сб.: Основные разработки методов и форм активного обучения студентов иностранному языку в вузах РСФСР. Казань, 1980, с. 76-77.
4. Солодухо Э.М. Учебные материалы по темам фразеологической интернационализации. - Казань, 1981, с. 3-4.
5. Bally Ch. *Le langage et la vie*, 2 éd. - Zürich, 1935, p. 198.
6. Deroo L. *L'emprunt linguistique*. - Paris, 1956, p. 335.
7. Pagliariо A., Belardi W. *Linee di storia linguistica dell'Europa*. - Roma, 1963, p. 124.

On different aspects of determining the international
in the field of phraseology (based on materials of
the Slayonic, Germanic and Romanic groups)

Eduard M. Solodukho

The establishing of international phraseology grounded only on the fact of its foreign origin appears to be unsatisfactory in the first place from the practical point of view. Such an approach leads to the subjective reduction of the actual international phraseological fund. We insist that the establishing of international phraseology should be carried out on the basis of both synchronic and diachronic data.

The study of the internationalization in the sphere of

the European-American areal phraseology shows that along with a regular dependence of the linguistic convergence on the territorial, cultural, historical and other known factors there appear similar forms making minimum isoglotic lines (termed here as "convergent flashes"), the origin of which is not connected with the mentioned factors. The isoglotic lines in question intersect bunches of complete areal and subareal isoglotic lines and also those having as much as possible limited but none the less regular distribution. This is indicative of the possibilities for creation of favourable conditions bringing about new lasting interlingual convergences.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕРЛИНГВИСТИКИ

ЛЕТИ, СОЗВЕЗДЬЕ ЧЕЛОВЕЧЬЕ...
(В. ХЛЕБНИКОВ-ИНТЕРЛИНГВИСТ)

В.П. Григорьев

В заглавие статьи вынесена строчка, начинающая известное четверостишие в поэме Хлебникова "Ладомир" (1920), - едва ли не самое прекрасное и в то же время точное представление поэзией интерлингвистического идеала:

Лети, созвездье человеچه,
Все дальше, далее в простор
И перелей земли наречья
В единый смертных разговор.

(I, 186)^I

Это - не простой призыв. Поэт-философ, поэт-фантаст сам попробовал свои силы в качестве "литейщика". Его опыты составляют существенную и поучительную страницу в истории интерлингвистики.

В "Своеси" Хлебников так выразил свое кредо: "Найти, не разрывая круга корней, волшебный камень превращения всех славянских слов одно в другое, свободно плавить славянские слова - вот мое первое отношение к слову. Это самовитое слово вне быта и жизненных польз. Увидя, что корни лишь призрак(и), за которыми стоят струны азбуки, найти единство вообще мировых языков, построенное из единиц азбуки - мое второе отношение к слову. Путь к мировому заумному языку" (II, 9). Здесь невозможно подробно комментировать это высказывание, дававшее повод и к самым баснословным оценкам творчества поэта. (Такой комментарий дан автором статьи в монографии о Хлебникове). Достаточно разъяснить, что понятие "самовитого слова" восходит к Гоголю, которого К. Федин справедливо назвал "будетлянином XIX века" [20, 353], а "вне быта и жиз-

^I Подобные указания на том же страницу отсылают к источнику [1], а при замене тома аббревиатурой III - к источнику [2]; ссылки вида (64:40 об.) обозначают единицу хранения и лист рукописи в источнике [3].

ненных польз" - это всего лишь полемически заостренное противопоставление определения слова в его нормативной ипостаси. Выражение "заумный язык" не следует связывать с нынешним бытовым смыслом оценки заумь; в приведенном контексте оно выступает как синоним "азбуки" и того, что поэт чаще называл "звездным языком", стремясь "вести заумный язык в разумное поле" (П, II).

Представление о "звездном языке" дают на разных этапах нашей и зарубежной филологии такие работы, как [6; IO; 4]. Идея Хлебникова, коротко говоря, сводится к семантизации консонантов ("единиц азбуки"), т.е. превращению их в морфемы, значения которых определяются словами из семантических полей "пространство", "движение" и "математические действия" [IO, 38]. Основанием для "скорнения согласных" (см. ниже) служат два тезиса, полученных путем своеобразной интерпретации значений большого количества реальных слов русского языка (включая диалектную лексику): "1. Первая согласная простого слова управляет всем словом - приказывает остальным. 2. Слова, начатые одной и той же согласной, объединяются одним и тем же понятием <...>" (У, 235-236). Пример из той же статьи: "Ч значит оболочка <...> Ч есть не только звук, Ч есть имя, неделимое тело языка", т.е. "единица азбуки". Известное стихотворение Хлебников называет "Слово о Эль" (III, 70); "силовой прибор, скрытый за Эль", определяется здесь как "сила движения, уменьшенная площадью приложения". Текст "Царапины по небу", произведения, соединяющего высокую поэзию с опытами популяризации идей еще не завершенного здания "звездного языка" и предварительного этапа в поисках "законов времени", поясняется кратким "Словарем звездного языка (общего всей звезде, населенной людьми)", составленным самим поэтом (III, 376-377).

Категоричность определения "общий" характеризует скорее убежденность Хлебникова, чем неосмотрительность экстраполяции выводов, полученных им на русском материале, за его пределы. Пример с Ч сразу же вызывает необходимую оговорку: "Если окажется, что Ч во всех языках имеет одно и то же значение, то решен вопрос о мировом языке: все виды обуви будут называться че ноги, все виды чашек - че воды - ясно и просто" (Подчеркнуто мною. - В.Г.). Тем не менее у (интер)лингвиста возникает немало критических замечаний.

Оба цитированных тезиса поэта представляют собой чрезвычайно сильные допущения, так что, как и предвидел автор

"звездного языка", есть от чего "сравнительному языкознанию прийти в ярость" (У, 189). Остается неясным план выражения для значений типа 'нога' и 'вода'. Даже приняв за основу мирового языка хлебниковскую "азбуку" консонантов, пришлось бы дополнительно решать проблему семантизации (и вообще - статуса) гласных, перед которой сам поэт вынужден был капитулировать (У, 237), хотя вначале он и пытался найти парадигматические связи между словами бог - бег, лес - лыс, бык - бок и т.п. (см. У, 171-173). Легко продолжить ряд подобных замечаний, но все они до последнего времени отступали перед общим соображением: сама идея искать и затем воспроизводить в плане выражения языка сущности "вещей" и отношений, само стремление поэта преодолеть "проклятие" произвольности языкового знака обрекали "звездный язык" как проект международного языка на неудачу [6].

Посмотрим все же на один из немногих текстов на "звездном языке". По существу, это, как отмечал поэт, "соединение звездного языка и общденного" (Ш, 75), а не "звездный язык" как самостоятельная система, к тому же это - только "первый крик младенца" (У, 221), не детально разработанный проект, а иллюстрация идеи:

"Вместо того, чтобы говорить: "Соединившись вместе, орды гуннов и готов, собравшись кругом Аттилы, полные боевого воодушевления, двинулись далее вместе, но встреченные и отраженные Аэцием, защитником Рима, рассеялись на множество шаяк и остановились и успокоились на своей земле, разлившись в степях, заполняя их пустоту", - не следовало ли сказать:

"Ша + со (гуннов и готов), вэ Аттилы, ча по, со до, но бо + зо Аэция, хо Рима, со мо вэ + ка со, ло ша степей + ча", - замечает Хлебников, оговариваясь, что "гласные звуки здесь случайны и служат благозвучию" (У, 220).

Орфография этого отрывка отражает что-то вроде закона открытых слогов; происходит подравнивание формы "единиц азбуки": до, по, со..., но ка, ча, ша, вэ, хотя, если привлечь другие тексты, обнаружится вариативность форм знаков (эль, ла, эс, г, го и гэ, пи и пу и т.п.); оппозиция звук/буква как бы нейтрализована, поскольку принято орфографическое представительство "звездного языка", -разрабатываемого именно как "азбука", и в связи с тем, что в нем не предполагалось различать мягкие и твердые "фонемы-морфемы"². Пока во

² Попытка обнаружить в "Слове о Эль" значения 'неподвижность' у д и 'динамика' у д' [17, 276 и след.] противоречит явным указаниям других текстов поэта [7, 189-190].

всяком случае орфография отрывка выглядит как русская транскрипция (или транслитерация?) некоторого единого для всего человечества текста. Задача построить сеть общепонятных письменных знаков иероглифического типа - "немых денег на разговорных рынках" (У, 220) - ставится перед "художниками мира". Самому поэту Вэ рисуется "в виде круга и точки в нем" (понятие "вращения"), Зе - "вроде упавшего К: зеркало и луч" (понятие "отражения") и т.п. (У, 219).

Орфоэпические и интонационные стандарты оставляются на будущее. В морфологии любопытно использование, кроме общего, одного только родительного падежа; категория числа, времени, модальности и др. в "звездном языке" не получают экспонентов; неясна также судьба частей речи (глагол, прилагательное, местоимение и т.д.). Семантика "единиц азбуки" диффузна, контрастируя с семантикой конкретной лексики (степи, гунны, готы и под.); часть лексики преобразуется (ср. орды и со, защитник и хо), часть же остается в виде национально-языковых вкраплений в текст. Хлебников вообще стремился избегать неславянских апеллативов (без ограничений он использовал в своих стихах лишь апеллативы широко понимаемого Востока), однако имена собственные как "интерлингвистический слой языка" [18, 5] обычно входят в тексты поэта совершенно свободно (ср. здесь Аттила, Аэций, Рим). Обращают на себя внимание оставляемый без перевода союз но (форма которого гармонирует с соседями по тексту до и бо), противопоставленный в системе "звездного языка" таким вариантам "фонемы-морфемы", как Эн (Ш, 377), Ни и Не (Ш, 334-336)³, а также многофункциональный +, дополнительно распределенный со знаком запятой. Очевидно, что синтаксис еще совершенно не разработан, а семантико-синтаксические затруднения при попытке обратного перевода были бы исключительно велики, на этом этапе - заведомо непреодолимы.

"Звездный язык" обладает одной особенностью, интересной в словообразовательном отношении. Он динамичен в том смысле, что по мере разработки постоянно впитывал в себя аналитический и синтетический опыт хлебниковского словотворчества, но он динамичен и в собственной синхронии, в "механизме связывания одновременно существующих однокорневых

³ См. и в "Царапине по небу" (Ш, 79-80, 83-85).

единиц ... " [II, 255]⁴. Установив удовлетворительным; со своей точки зрения, образом "азбуку", отвлекаемому от начальных консонантов различных слов, поэт делает следующий шаг, вводя новое (неявное) допущение о том, что вообще каждая из согласных корня реализует образ той или иной единицы этой азбуки. Тем самым слова, начатые одной и той же согласной, оказываются ареной борьбы "воинов азбуки".

Так, в "Зангези" возникает образная битва слов город - голод, храм - хлам, мор - мод и т.п., дополняющая словотворческие битвы типа богатырь - могатырь, богац - могац, чертенята - боженята - моженята и т.д. (III, 328-338) или молебен - равнебен и др. (4I:2 об.). По мысли поэта, "нежногорлый" (или "соловьиный"). Пушкин "вел свой род от пушки" (80:37), но так как в "звездном языке" Эн имеет значения отрицания и небытия, Пушкин в указанном рукописном контексте предстает воплощенным отрицанием войны ("пушек"). Аналогично имя и образ Ленина выступает там же как олицетворение неустанного труда, символ Трудомира, поскольку и в реальной действительности именно в Ленине "труд увидел друга", как писал Хлебников в поэме "Ночь в окопе" (I, 175).

Постоянно занимавшая Хлебникова борьба противоположностей обнаруживается им при помощи фонологических оппозиций, как бы мы сейчас сказали, но поднятых на уровень поэтической семантики, в ряду социально значимых для него словоформ пан - пар - пал⁵: "Пан это <...>/Парами праздный паровоз, /Уход Пэ: его нет" ("Пэ - двигающее начало и сила" - III, 82; Эн - см. выше), и вот, когда в слово пан "пришло Эль любви, лебедя, лелеки⁶, /Леля, лани, Лао-цзы, Лассалья, Ленина, /Луначарского, Либкнехта", естественно, что "Пан - пал!" (III, 83-85).

⁴ Словотворчество особенно сильно сопротивляется убеждению в том, что "синхрония - это застывшая диахрония", что "процесс, релевантный в синхронии", должен непременно "совпадать с историческим", а "этимология навсегда предопределила собственную стилистику" некоторых слов [19, 162, 155, 171]. Уже хлебниковские опыты типа Днепр → Мнепр → огнепр свидетельствуют о неплотности замены системы творческих отношений между словами "этимологическим роком", а в собственно интерлингвистическом плане - предпочтения де Соссюра не Якубинского, а до Соссюра, Богузну де Куртенэ - Богузена до Куртенэ, Лессинга - Шпанову [19, 156].

⁵ В "Царапине по небу" соответствующая главка получает характерное заглавие - "Паны и холопы в азбуке" (III, 80).

⁶ Лелека - укр. 'аист'.

Интерлингвистический смысл подобных образных контекстов заключается в том, что практически каждый неодноконсонантный корень может рассматриваться поэтом как сложный⁷, а "единице сложение" становится основным способом словообразования в рамках "звездного языка". Может, но вовсе не обязательно должен. Перечень "языков", характерных для идиостиля Хлебникова, достаточно внушителен; при этом хлебниковский "стиль мышлений" удивительным образом сочетал строгость и последовательность рассуждений и экспериментов - опыт, которым поэт обязан своим математическим и естественнонаучным штудиям в университетские и последующие годы, - со свободой и гибкостью поэтического взгляда на мир, в том числе и на задачу "прорыва в языки" (Ш, 75), привлекавшую поэта еще до того, как он стал студентом-филологом. Он мог сосредоточиться на одном из "языков", но мог и соединять их в самых различных сочетаниях в зависимости от задач, которые решались им в данный момент.

Сохраняя свои инварианты значения, отдельные "единицы азбуки" существенно варьируют и в плане содержания в разных образных контекстах. В "Ладомире" (I, 188) Га, Эр и Эль представляют не только имена Германии, России и Ладомира (Людостана), но и образы - соответственно - Гогенцоллернов, Романовых (и Рюриков) и тех борцов за свободу, которые упоминались в цитированном выше отрывке из "Царапины по небу" (Ш, 84). В "Зангези" появляется еще один "воин азбуки" - Ка (символ оков, "казней на кол" и определенного вида камней: "пророков ими побивают"), за которым скрываются "Каледины, Крымовы, Корниловы и Колчаки..." (Ш, 328 и 325). Однако в образном резюме Гражданской войны: "И тщетно Ка несло оковы, во время драки Га и Эр. / Га пало, срубленное Эр, / И Эр в ногах у Эля!" (Ш, 330) - ни Германии, ни Гогенцоллернов, ни России, ни Рюриков нет: Га здесь образ верховных правителей, государей, Эр - образ преодоления преград, "бог руха", (революционной) борьбы⁸, Эль - образ народовластия (в ногах оз-

⁷ Независимо от наличия гласных "прокладок" остающихся на положении своего рода "полуинтерфиксов". Ср. соотношения типа порох - плаха (Ш, 328) и такие поэтические высказывания, как "Хлап или холоп - опора для холи <пана>" и, особенно "Холоп - Хл (холя, хлев, хилый) + П (палка, пламя, порох, пар)" (Ш, 82-83).

⁸ Мотивировать образ Эр словом революция поэт не мог в силу отмеченного выше ограничения на западноевропейские слова.

начает здесь 'в начале роста, в основании', но и 'в подчинении' целям Эль).

Смехащи, нехотяи, бобаоби и даже бурегурить и петер (ср. ветер) все еще заслоняют от читателей и исследователей реальные богатства хлебниковского основоположения и существенный для него принцип "единицесложения" (ср. материалы в работе [15]). В "Зангези" он включил перечень слов со второй частью -ум, производя "смотри всех родов разума" (Ш, 334 и след.). В качестве первых компонентов здесь на равных правах выступают морфемы "обыденного языка" вы-, но-, о-, из-, да-, ну-, бы-, пра-, во- и др. и "единицы азбуки" го-, ла-, ва-, хо-, зо- и др. Так, ноум 'спорящий ум, говорящий первому "но"' стоит в одном ряду с зоум 'отраженный ум' и взум 'ум ученичества и верного подданства, набожного духа'. В соум 'разум-сотрудник' (ср. "соум меня и тех, кого не знаю" - Ш, 334) значения префикса и "воина азбуки" совпадают, сливаются. В глаум 'ум, который "с вершины сходит в толпы ко всем. Он расскажет полям, что видно с горы"' (Ш, 336)⁹ мы имеем дело с объединением го и ла в виде гла-; ср. гоум 'ум "высокий, как эти безделушки неба, звезды, невидимые днем. У падших государей он берет выпавший посох Го"' и лаум 'ум "широкий, разлитый по наиболее широкой площади, не знающий берегов себе, как половодье реки"'.

"Звездный язык" прорастает в словах русского языка, словотворчество поэта тоже опирается на реальные языковые структуры, преобразовывая и переформируя их по потребностям поэта, следовавшего принципу: "Организму вымысла нужна среда правды" (60:137). "Звездный язык" и словотворчество готовы были слиться в аналитических и синтетических процедурах, но поэт успел лишь наметить идеи синтеза, существенного и в интерлингвистическом аспекте.

В малоизвестной пока студенческой публикации Хлебникова "Опыт построения одного естественнонаучного понятия"¹⁰ речь

⁹ В тексте опечатка: дважды лаум, вместо глаум во втором случае; ср. Ш, 336. В черновиках Хлебников называет лаум "социалист < ической > мыслью" (125:16). В силу абстрактности "единиц азбуки" едва ли можно называть их "основами" и говорить об "основоположениях". Ср. легкость трансформации "че воды" в "воде-че": че становится "постфиксом", хотя и появляется "соединительный гласный". В ряду образований с -ум "аффиксальность" "воинов азбуки" более очевидна.

¹⁰ Знакомством с ее текстом, по названию известным и ранее, автор обязан любезности А.Е. Парниса (обнаружившего и

идет об отношениях "м е т а б и о з а", противопоставляемого по признакам пространства и времени "симбиозу". Примерами метабиоза являются не только севообороты, "поколения кораллов внутри какого-нибудь атолла" или использование птицами сохранившихся чужих гнезд, но и "поколения людей внутри народа", а в идеологической сфере "точно так же в "верую" воинствующего пангерманизма входят отношения метабиоза между славянским и германским миром"^{II}.

Нет прямых указаний на то, что понятие метабиоза Хлебников распространял и на отношения между отдельными единицами в рамках собственного языкового строительства. Сравнение по-этом современного многообразия языков, которые уже "разъединяют", с "когтем на крыле птиц" (У, 265) и выдвижение идеи "звездного языка" как языка общего "для всех" все-же не позволяет думать, что "единый смертных разговор" связан у Хлебникова с существующими языками непременно отношениями метабиоза, смены. Как производное слово не уничтожает мотивирующее, а сотрудничает с ним, так и "звездный язык" способен к "симбиозу" с национальными языками. -Оппозиция симбиоз/метабиоз тем самым как бы нейтрализуется; возможно, поэтому Хлебников и не прибегал впоследствии к аргументам от метабиоза.

Проект "звездного языка" уникален, но может заставить нас внести уточнения в наши интерлингвистические типологии. Это язык, рождавшийся как невоспомогательный в гуще других будетлянских новаций и претензий, но ставший лишь одним из подязыков художественного идиостиля; язык одновременно и (научно) фантастический (предваряющий современные искания литературы в духе "фантази" [5, 202]), т.е. искусственный, и поэтически-естественный; язык апостериорный, в глазах автора-поэта, но априорный в строгом смысле терминов интерлингвистики; язык с полным набором функций по замыслу создателя, но представляющий интерес прежде всего как акт поэтического творчества, а не как прагматическая значимость для "быта и жизненных польз".

цитируемые ниже заметки об эсперанто и музыке). Необходимо скорейшее комментированное (пере)издание этой принципиально важной статьи поэта.

II Несомненно метабиотическое (а не только биографическое) основание устойчивого интереса поэта к скифам, с одной стороны, и к запорожцам, их "наместникам" (ср. Чертомлыцкий курган и Чертомлыцкую сечь), - с другой.

В работе С. Мирского [14, 59-66] предпринята интересная попытка анализа темы "Всемирный язык и поэтическая утопия". Автор в общих чертах показал эволюцию интерлингвистических взглядов поэта от "всеславянского языка", о котором он писал Вяч. Иванову в 1908 г. (НП, 354)¹², до языка, общего для человека и природы, - средства, необходимого для того, чтобы прочесть "единую книгу" мироздания. Правда, противопоставление поэтом всемирного языка "всемирной войне" не означает, что в создании "мирового языка" он видел единственную возможность избежать мировой войны [14, 59].

Иерархия хлебниковских "языков" в его "воображаемой филологии" много сложнее, чем ее пока представляют. В интерлингвистическом плане важно отметить следующее. Вокруг "з в е з д н о г о", или "алгебраического языка" (14:5), большое число "языков", а фактически - приемов и принципов словоупотребления, объединяется фундаментальной идеей "скорнения согласных" (64:40 об.), разъясняемой как "лучи согласных", соединяющие все слова" (9:8 об.). Рядом со "звездным", а в 1919-1921 гг. и оттесняя его, занимает ведущее место "ч и с л о в о й я з ы к" (95-14), или "числовое письмо" (П, 11); ему сопоставлены "числоречи" (У, 157) и "число-слово" (64:52), а некоторые фрагменты "Зангези" названы "числовыми вещами" (65:2). Интерлингвистический аспект "числового языка", т.е. "языка уравнений" (У, 319), не нуждается в комментарии. Любопытно, однако, две его своеобразные разновидности, разрабатывавшиеся поэтом еще до 1917 г. (86:28; ср. У, 158) как опыты вспомогательного международного языка.

"Я з ы к и м е н с о б с т в е н н ы х" сопоставляет общеизвестным антропонимам некоторые произвольно взятые целые числа: Дафнис - 17, Астарта - 77, Дон Жуан - 88 и т.п. и должен был включать в себя и знаки соответствующих текстов - от послания Алшурбанипала вассалу до письма Татьяны Лариной. Другая разновидность "числового языка" - "я з ы к р е ч е й" предлагает дать такие же единые для всего человечества номера - 7, 9, 1383 и т.п. стандартным вопросам и ответам в типических ситуациях общения. Главной функцией обоих "языков" должна была стать защита н а с т о я щ е г о языка (и языков) от банальностей: "Язык останется для слож-

¹² Ср. интерес Хлебникова к Крижаничу (У, 182; см. также [13, 88]).

ных отношений, не поддающихся числу литературы художественной, отвлеченных трудов" (86:28). Здесь под защиту берется не "звездный", а "обиденный" национальный язык и отчетливо ощущается отсутствие какой-либо переоценки числа¹³.

С другой стороны, в "звездном языке" Хлебников получил не только новое образное средство и набросок международного языка, но и подтверждение, в глазах поэта, мысли о том, что в самих "речениях есть опись хода дел" и что "слова были подобием мира" (I25:20 об., 25 об.; ср. У, I72, 230-232 и критику в работе [6]). Отсюда его поэтическое убеждение: "... То, что позже сбудется/Им прошлое разбудится", поэтому любой "прообраз" он стремился "в завтра углубить" (Ш, 2II). Разлагая имя Пушкин на Эн и пушки, имя Пресня, как символ революции 1905 г., - на Эр и песня (64:89 об.) или создавая слово творяне как символ Ладомира (I, 184), поэт в самом деле "будит прошлое": дворяне - "прообраз" творян, "углубленный в завтра" и т.д., а в соотношениях слов в самом деле можно усмотреть образную "опись хода дел". Не забудем в нашей интерлингвистической искушенности, что судить поэта следует "по законам, им самим над собою признанным" (Пушкин).

Слова как "живые глаза для тайны" (У, 269), "речь дважды разумная, двойкоумная = двуумная" (72:1), "двуумный слог" (64:62 об.), "я з н к д в у х и з м е р е н и й", или "двойкоумный" (64:73), и позволяли поэту "узнавать углы событий/В мгновенной пене слов" (Ш, 2II). Он искал "слова с самоочевидным значением" (I24:35 об.), но имел при этом в виду нечто большее, чем обычная смысловая и морфологическая мотивированность и даже фонетическая значимость звукобукв[9], а именно - образную значимость и образные потенции элементов языка. Хотя поиски гармонии между звучанием и значением заводили Хлебникова достаточно далеко, они могут стимулировать и сейчас обсуждение "взаимодействия и противодействия мотивировочной тенденции и тенденции к произвольности" [9, 151] или оппозиции "объективной" теории Соссюра и "субъективной" теории Потебни [4, 3].

В глазах поэта и "звездный", и "числовой", и "язык двух измерений"¹⁴ были "объективными", хотя степень их реальной

¹³ Характерна и такая, едва намеченная идея: "2 <-ая> система счисления: берется 365 разных слогов и числа обозначаются этими слогами" (I4: 8 об.).

¹⁴ Некоторые соображения об этом "языке" см. в работе [12, 56, 159 и др.]

объективности существенно различна. Несмотря на произвольность плана выражения, сюда же следует отнести "язык имен собственных" и "язык речей". Из видов "звукописи" характер несомненно "объективного" имеет "птичий язык" (Ш, 387): "птичьей речи" (Ш, 319) - это орнитологически точная звукозапись. Даже среди видов "зауми" очевидно "объективны" записи речи эпилептика в "Зангези", заговора и заклинания, т.е. священный язык язычества, "волшебная речь", или "заумная речь в народном слове" (У, 225); как правило, и это - "речи персонажей", а не авторская речь.

Обозначение "личный язык" (64:65), т.е. "субъективный", приложимо к "звукописи весны" (Ш, 78) и "звукописи временем краски" (Ш, 344), т.е. текстам типа "Бобзоби...", и к "безумному языку" (64:20 об.)¹⁵ и "языку богов" (Ш, 319-321; IV, 259-267). Слова "чистой зауми" сродни междометиям (ср. бзам, чип, ру-ру-ру и под.). "Личный язык" определяет очень небольшие вкрапления в общую массу текстов поэта, но очевидно, что и он имеет интерлингвистическое измерение.

Хлебникову не была чужда и "интерлингвистическая ревность". Ср. такую его запись последних лет жизни: "Алексей Крученых > подлаявший недавно мировой язык делаю <...> дичь будет <...>" (93:1 об.). В этой связи существенный интерес представляет - недавно обнаруженное свидетельство знакомства поэта с эсперанто. В небольшой заметке Хлебникова отмечается, что эсперанто "очень строен, легок и красив, но беден звуками и не разнообразен" и что в нем "избыток омонимии и скудень синонимии". Заметку продолжают подсчеты такого рода: "Число размещений по 1,2,3 из 30 равно приблизительно 25.00 слов (30 + 3Л.29 + 30.29.28). 25 тысяч корней было бы более чем достаточно для какого угодно богатого корнями языка". Из этого видно, что поэт делал прикидки применительно и к чисто априорным принципам мирового языка.

Следы подобной же прикидки сохранились в другой неопубликованной заметке Хлебникова¹⁶. Этот трудно транскрибируемый текст выглядит примерно так: "Язык - музыка

¹⁵ Его надо отличать от "безумных слов" типа петер, младки и др.

¹⁶ С обеими заметками автора любезно познакомил А.Е. Парнис.

(Подчеркнуто мною. - В.Г.). Всякий музыкальный звук есть единица, музыкальное слово. Все музыкальные сочетания звуков (исключая какофонические) по 2, 3, 4, 5 становятся словарем понятий. Задача музыки - говорить и петь, объяснять ее чувства на инструменте, избегая какофонии. Это новое пение - мышление и наиболее красивое (подобное стихам) составит новую отрасль искусства.

Если 8 музыкальных тонов, то $8 + 8.7 + 8.7.6 + 8.7.6.5 = 2080$. Итак около 2 тысяч музыкальных слов для обозначения основных понятий из 1, 2, 3, 4 музыкальных тонов. Из этого числа размещений не следует исключать неблагозвучные сочетания, так как они могли бы обозначать злые, дурные понятия и на их фоне роскошным цветом еще более расцвели бы понятия добра, красоты, любви, достигающие наибольшей соблазнительности".

Очевидно, что Хлебникову остался неизвестным проект сольресоль [8, 89-91]¹⁷. Нет и каких-либо следов знакомства поэта с другими проектами XIX-XX вв., кроме волапука. Что касается эсперанто, было бы странно ожидать от Хлебникова, занятого выращиванием "звездного языка" из русского корнеслова, что он, "евразиец" и космист, примет европоцентристский проект Заменгофа (можно думать, что цитированные заметки относятся к первой половине 10-х годов).

Творчество Хлебникова привлекает "глубоким проникновением в суть языка, его законы" [16, 154]. Уникальный опыт поэта-фанатаста-интерлингвиста, как и весь образ и жизненный путь этого удивительного человека, учит нас Филологии и Экологии - вниманию к взаимосвязям и любви к пониманию чужого.

Источники и литература

1. Хлебников В. Собрание произведений. Под общей ред. Ю. Тынянова и Н. Степанова, тт. I-У. - М.: Изд-во писателей, 1928-1933.
2. Хлебников В. Неизданные произведения. Ред. и комментарии Н. Харджиева и Т. Грица. - М.: ГИХЛ, 1940.

¹⁷ Зато хорошо документирован интерес Хлебникова и Скрябина к творчеству друг друга. Имена Скрябин и Менделеев поэт использовал и как метонимии музыки и химии (77:48), утверждая также "великое Скрябинское начало" (79:6 об.).

3. Центральный государственный архив литературы и искусства в Москве (ЦГАЛИ), ф. 527 (В.В. Хлебников), оп. I, ед. хр. 9, 14, 41, 60, 64, 65, 72, 77, 79, 80, 86, 93, 95, 125.
4. Weststeijn W.G. Chlebnikov's language experiments (препринт к VIII Международному съезду славистов; Амстердамский ун-т, 1978).
5. Воздвиженская А. Продолжая споры о фантастике. - Вопросы литературы, 1981, № 8.
6. Гофман В. Язык литературы. - Л.: Гослитиздат, 1936 (Гл. "Языковое новаторство Хлебникова").
7. Григорьев В.П. Ономастика Велимира Хлебникова: Индивидуальная поэтическая норма. - В кн.: Ономастика и норма. М.: Наука, 1976.
8. Дрезен Э. За всеобщим языком: Три века исканий. (С предисл. акад. Н.Я. Марра). - М.-Л.: Госиздат, 1928.
9. Журавлев А.П. Звук и смысл. - М.: Просвещение, 1981.
10. Костецкий А.Г. Лингвистическая теория В. Хлебникова. - Структурная и математическая лингвистика, вып. 3. Киев, 1975, (Киев. гос. ун-т).
11. [Кубрякова Е.С.] Теория номинации и словообразование. - В кн.: Языковая номинация: Виды наименований. М.: Наука, 1977 (ИЯз АН СССР).
12. Lönnkvist B. Chlebnikov and carnival: An analysis of the poem *Poet*. - Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1979.
13. Markov V. The longer poems of Velimir Chlebnikov. Berkeley and Los Angeles, 1962 (Univ. of California publications in modern philology, vol. 62).
14. Mirsky S. Der Orient im Werk Velimir Chlebnikova. - München: Sagner, 1975 (Slavistische Beiträge, Bd. 85).
15. Панов М.В. О членимости слов на морфемы. - В кн.: Памяти акад. В.В. Виноградова. М.: Изд-во МГУ, 1971.
16. Перцова Н.Н. О понимании нестандартного текста. - Семиотика и информатика, вып. 15. М., 1980 (ВИНИТИ).
17. Седакова О. Образ фонемы в "Слове о Эль" Велимира Хлебникова. - В кн.: Развитие фонетики современного русского языка: Фонологические подсистемы. М.: Наука, 1971 (ИРЯз АН СССР).

18. Топоров В.Н. Из области теоретической топонимистики. - Вопросы языкознания, 1962, № 6.
19. Трубачев О.Н. Этимологические исследования и лексическая семантика. - В кн.: Принципы и методы семантических исследований. М.: Наука, 1976 (ИЯЗ АН СССР).
20. Федин К. Из записок о мастерстве. - В кн.: Искусство слова. М.: Наука, 1973 (ИМЛИ АН СССР).

Do flugu, la stelar' de l'homoj...

(V. Ĥlebnikov-interlingvisto)

Viktor P. Grigorjev

La rusa soveta poeto, filozofo k. kreinto de la "fantazia filologio" Velimir Ĥlebnikov (1885-1922) strebis ĉie subordigi kredon al mezuro, kompletigi simbiozon per universala koncepto "metabiozo" k. "kapti Faton kiel muson". La ĉi-supra titolo aludas "odon al Revolucio" - la poemon "Ladomir" ("Konkorda mondo"), kie Ĥ. formulis sian interlingvistikan idealon (1920):

Do flugu, la stelar' de l'homoj,

Pli foren, plu en vasta spac'

Kaj transformigu idiomoj

En unuecan por mondpac'.

Liaj verkoj entenas multon da eksperimentoj kun "vorto kiel tia", t.e. kun kreaĵoj de la rusa lingvo, k. demonstras kompleksojn da specifaj "lingvoj" por ĉiuj. En konsonantoj Ĥ. vidis aron da "unuoj de l'intelekt" k. atribuis al ili en sia "stela lingvo" la signifon de la morfemoj. Li proponis uzi pli vaste en parolado t.n. "nombran lingvon" por ŝablonaj eldiroj k. ĉiekonataj belartaj tipoj. Kvazaŭmistikan karakteron havas lia "dumensa lingvo": en "la momenta ŝaŭmo de la vortoj" li provis ekscii "l'angulojn de l'eventoj" k. prototipojn de l'estonto. Unika vortokreado fare de Ĥ. i.a. celis raciigi t.n. "transracian lingvon". Skeptika rilate al Esp-0 Ĥ. eksperimentis ankaŭ kun "lingvo-muziko" (kp. solreso1), "sonpentrado", "birda" k. "dia" lingvoj, sagace zorganta pri ekologia futuro de l'homaro.

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ВСПОМОГАТЕЛЬНОГО ЯЗЫКА

(По материалам личной библиотеки
писателя в Ясной Поляне)

В.И. Хромов

Работы, опубликованные ко времени 150-летнего юбилея Л.Н. Толстого, свидетельствуют о том, что остается еще немало сторон жизни и деятельности великого гения земли русской либо вовсе не затронутых исследователями, либо разработанных недостаточно основательно.

Одной из таких почти неисследованных сторон является, несомненно, вопрос об отношении Толстого к международному языку, в частности, к эсперанто, определение роли, места и значения выдающегося писателя и мыслителя для мирового эсперантского движения. Данная статья и ставит своей целью освещение, уточнение, детализацию, интерпретацию и систематизацию отдельных фактов и материалов, обнаруженных в личной библиотеке Толстого в музее "Ясная Поляна", в плане вышеуказанной проблематики. Для исследования привлекались не только материалы на русском языке, но и все имеющиеся источники на эсперанто, английском, французском и немецком языках.

В статье уделено также внимание изучению взаимодействия личности гения и тех русских и зарубежных эсперантистов, которые входили с ним в соприкосновение, исследованию влияния писателя на деятельность различных обществ эсперантистов и на отдельных эсперантистов, что вне всякого сомнения входит в задачи науки о Толстом.

Как известно, личная библиотека писателя насчитывает более 22000 книг на 36 языках мира, включая международный язык эсперанто. Л.Н. Толстой в совершенстве владел французским, немецким и английским языками, разбирался в испанском, итальянском, голландском, болгарском, чешском, польском. Он глубоко интересовался в разные периоды своей жизни арабским, греческим, древнееврейским и японским языками. С момента своего знакомства с эсперанто (1889 г.) до конца своей жизни (1910 г.) Л.Н. Толстой ценил, поддерживал и распространял

этот международный язык, тщательно собирал в своей библиотеке материалы на эсперанто и об эсперанто, принимая деятельное участие в эсперантском движении. Анализ этих материалов помогает воссоздать отношение писателя с эсперантистами в России и за границей.

В настоящее время в личной библиотеке Толстого сохранилось более 15 наименований источников на языке эсперанто. Это в основном журналы, книги, учебники, словари. Все источники можно подразделить на несколько групп:

1) эсперантские журналы, где помещены собственные статьи и заметки Толстого или имеются ссылки на Толстого;

2) дарственные журналы, присланные Толстому с целью его информации о развитии эсперантского движения;

3) произведения Толстого в переводе на эсперанто;

4) учебники и словари языка эсперанто;

5) дарственные публикации на других искусственных языках (идо, нув-эсперанто);

6) иностранные журналы, выписанные Толстым из-за границы, содержащие обширную информацию о мировом эсперантском движении;

7) письма русских и зарубежных эсперантистов Толстому и ответы Толстого на них (по материалам Полного Собрания Сочинений Толстого - ПСС).

К первой группе относятся номера журнала "Российский эсперантист", Спб., (1-5), 1910, № 2-3; 1910; № 1, 1909; № 1, 1905 г., № 3-4, 1905.

В этом журнале помещены положительные отзывы Л.Н. Толстого об эсперанто, выдержки из его писем эсперантистам, о визитах членов вновь образованного общества эсперантистов "Эсперанто" в Ясную Поляну (ЯП) во время их пропагандистской поездки по России, о встрече с великим русским писателем, о влиянии Толстого на распространение эсперанто в России, о книгоиздательской деятельности фирмы "Посредник" на языке эсперанто, о выпуске фирмой двух учебников эсперанто доктора Кабанова и пропагандистских брошюр.

Вторая группа включает дарственные журналы Толстому с целью его информации о деятельности эсперантистов и эсперантских обществ. Сюда относятся: "La Esperantisto", Nürnberg, 1889, N 2; "Esperantisto", Nürnberg, 1892, N 5; 1895, N 2; "Lingvo Internacia", Paris, 1907, Nov.; "Libera Penso", 1908-1909, N 1, 2, 4, 5, 6; "Pola Esperantisto", Varsovio, 1908, N 1, 10; "Ruslanda Esperantisto", Спб., 1910, N 2, 3.

В журналах помещены благодарности эсперантистов за поддержку Толстым языка эсперанто лично и через свое издательство "Посредник". Так, журнал "Esperantisto" (1895, № 2, стр. 28) прямо называет Л.Н. Толстого "одним из сотрудников журнала"; здесь же полностью печатается его статья "О разуме и религии" ("Prudento aŭ Kredo") от 26 ноября 1894 г. В вышеуказанных журналах опубликованы письма Л. Заменгофа со ссылками на Толстого, рассказывается о деятельности обществ "Эсперо" в России, заграничных обществ и отдельных деятелей эсперантского движения.

На обложке журнала "Libera Penso" - "Свободная мысль" (1908-1909, № I) имеется надпись А.Н. Шапаровой, (о деятельности которой говорится ниже): "Для того, чтобы сделаться членом этого общества, надо послать I рубль его кассиру: Prof. René Deshaus, Sens, dep. d'Yonne, France".

Имеется и другая надпись А.Н. Шапаровой: "Льву Николаевичу. Vulteno (биллетень) от переводчицы. В исполнение Вашего желания перевела я все" Христова) Уч." и "Учение Иисуса для детей", но напечатать удалось только это предисловие. Antaŭparolo de "La Kristana Instruado" de L. Tolstoj, 1897".

К третьей группе относятся дарственные книги Толстому в переводе на эсперанто, такие как "Unu brandfaristo aŭ kiel diableto meritis pecon da pano", Nürnberg, 1896 ("Поджигатель") в переводе А. Буренкова, "Kajkaza militkaptito" - произведения Толстого, выпущенные в свет издательством "Посредник" еще при жизни писателя (1885-1910); сам каталог издательства "Посредник" под редакцией И.И. Горбунова-Посадова не сохранился в Ясной Поляне; последний сохранился лишь в музее Толстого в Москве*. В библиотеке имеются также два полных учебника языка эсперанто с эсперанто-русским и русско-эсперантским словарями под названием "Всемирный язык "Эсперанто". На обложке первого экземпляра учебника имеется автограф, сделанный, по-видимому, Марией Толстой. Судя по печати на обложке второго экземпляра, можно предположить, что данный учебник был получен Толстым от общества "Эсперо" со штампом, указывающим адрес отправителя: "Espereto", Кузнечный переулок, № 15, в С-Петербурге. Л.Н. Толстой официально был членом Российского эсперантского общества "Эсперо" с 1894 по 1902 гг. В журнале "La Ondo de Esperanto", (1911, № I)

* Каталог издательства "Посредник" (1885-1915). Под ред. И.И. Горбунова-Посадова. Раздел 20. - М., [б.г.].

имеется фотография членов общества "Эсперо", в числе их двадцать второй по счету Лев Толстой.

В библиотеке сохранился также первый словарь эсперанто, полученный Толстым еще в 1889 г., под названием "Д-р Эсперанто". Полный словарь эсперанто (международного) языка, часть русско-эсперантская, Варшава, издание Л. Заменгофа".

Как известно по литературным источникам, Толстой сам занимался рассылкой учебников и словарей языка эсперанто по просьбе своих многочисленных корреспондентов (см. т. 82, стр. 234). Все это подтверждает взгляд Толстого на эсперанто как на весьма важное средство, способствующее в доступной форме распространению идей среди широких масс во всем мире.

О большом интересе Толстого к древним и искусственным языкам свидетельствует наличие в его библиотеке нескольких книг на латинском языке, а также издания на нув-эсперанто^{ЖЖ}. Рукой Толстого на журнале "Nuva Mondo" ("Новый мир"; Berlin, 1910, шауо) сделана пометка о том, что в "нув-эсперанто" добавлены буквы "X" и "w", имеются разночтения букв и т.д., принцип легкости нарушен". (См. "Nuva Mondo", revuo en Nuv-эсперанто. Mitarbeiter: Prof. W. Ostwald).

Таким образом, очевидно отрицательное отношение великого писателя к данному проекту международного языка. Характерно, что Толстого пытались заинтересовать своими проектами языков волапюксты, идисты и др., но великий писатель и мыслитель отдал предпочтение языку эсперанто, за публичную поддержку которого он получал упреки от противников эсперанто.

Так, некий В. Гершатер из Вильны в своем письме от 24 февраля 1910 г. упрекал Толстого за осуждение волапюка и одобрение эсперанто. По указанию Толстого письмо было оставлено без ответа (см. т. 81, стр. 282).

Проявление постоянного интереса Толстого к эсперанто в год I Всемирного конгресса эсперанто в Булони (Франция) отражается также в наличии в библиотеке ИП иностранных публикаций, где целые разделы посвящены языку эсперанто в разных странах, например, "Review of Reviews", London, 1905, I-12. Там затронуты вопросы Всемирного конгресса эсперанто, о распространении эсперанто в мире, помещены рекламы об эсперанто, статьи об авторе эсперанто Л. Заменгофе, о национальных языках и эсперанто, о лондонском клубе эсперанто, целях эс-

^{ЖЖ} Реформированный проект эсперанто, близкий к идо; создан в 1910 г. в Германии Ж. Баррелем. - Примечание ответств. редактора.

перантистов и т.д.

Можно предположить, что при жизни Толстого в его личной библиотеке в ЯП имелись книги на эсперанто, выпущенные фирмой "Посредник", согласно точно известного перечня изданий фирмы: *Dio ĉiam veron vidas.* - I. Loiko (aparta eldono) - ("Бог правду видит"). - Лойко (отд. издание); *Fransuazo* ("Франсуаза") - В. Spektor (В. Спектор); *Karma* ("Карма") - В. Spektor (en "*Lingvo Internacia*", 1899, N 5,6,7; *Pensoj de saĝeguloj* ("Мысли мудрецов") - Кабе (Кабэ) (en "*Lingvo Internacia*", 1904, N 7; *Pri la edukado de infanoj* ("Об обучении детей") (en "*Revuo Internacia*, 1902, N 5; *Prudento aŭ Kredoj* ("О разуме и религии") (en "*Esperantisto*", 1895, N 2).

Несомненно, при жизни Толстого в его личной библиотеке имелся также журнал "*La Ondo de Esperanto*", где нами обнаружены ссылки на Толстого¹, а также журнал "*Esperanta Vegetarano*", орган Всемирной ассоциации эсперантистов-вегетарианцев, почетным президентом и патроном которой с 1908 г. был Лев Толстой (подробнее см. ниже).

Особое место занимают письма русских и зарубежных эсперантистов Л.Н. Толстому. Анализ переписки Толстого свидетельствует о том, что последний находился в тесном контакте с видными деятелями эсперантского движения - А.Н. Шарповой, И.И. Горбуновым-Посадовым, В.Н. Майновым, И.М. Трегубовым, М.И. Шидловской, А.А. Сахаровым, С.И. Танеевым и др. в России и В.Лебреном, Р.Ролланом, А.Барбюсом, И.И. Гинтером, Й. Эйдельмантом - за границей.

Знакомство с личной перепиской Толстого с эсперантистами 1888-1910 гг. позволяет заключить, что наибольшее внимание на деятельность писателя в области эсперанто оказали А.Н. Шарпова, И.И. Горбунов-Посадов, М.И. Шидловская, И.М. Трегубов, А.А. Сахаров, Й. Эйдельмант. Вместе с этим Толстой своим авторитетом, в свою очередь, значительно повлиял на общественное мнение в России того времени, оказывая эсперанто свою принципиальную поддержку. Как свидетельствуют источники, в 1889 г. Толстой в своем письме к В.В. Майнову подтверждает получение экземпляра брошюры Л. Заменгофа: "Считаю дело это - усвоение европейцами одного языка* - делом первой важ-

¹ Каталог Государственной исторической библиотеке в г. Москве.

* Имеется в виду изучение эсперанто. - Примечание автора статьи.

ности, и поэтому очень благодарю Вас за присылку и буду по мере сил стараться распространять этот язык; и, главное, убежден в его необходимости" (ПСС, т. 64, с. 304).

В последующие годы Толстой часто разделял взгляды эсперантистов. Особенно известно его письмо от 27.04.1894 г. эсперантистам из Воронежа. В этом письме писатель подчеркивал необходимость взаимопонимания между людьми на базе языка и разумной международной основе и писал: "Чтобы люди понимали друг друга, нужно или то, чтобы все языки сами собой слились в один (что если и случится когда-либо, то только через большое время), или то, чтобы знание всех языков так распространилось, чтобы не только все сочинения были переведены на все языки, но и все бы люди знали так много языков, чтобы все имели возможность на том или другом языке сообщаться друг с другом, или то, чтобы всеми был избран один язык, которому обязательно обучались бы все народы, или, наконец, то (как это предполагается воляпюкистами и эсперантистами), чтобы все люди разных народностей составили бы себе один международный облегченный язык и все обучились ему. В этом состоит мысль эсперантистов. Мне кажется, что это последнее предположение самое разумное и, главное, скорее всего осуществимое.

Так я отвечаю на первый вопрос.

На второй вопрос, - насколько язык эсперанто удовлетворяет требованиям международного языка, - я не могу ответить решительно. Я не компетентный судья в этом. Одно, что я знаю, это то, что воляпюк показался мне очень сложным, эсперанто же, напротив, очень легким, каким он должен показаться всякому европейскому человеку.

Я думаю, что для всемирности в настоящем смысле этого слова, т.е. для того, чтобы соединить китайцев, африканских народов и пр., понадобится другой язык, но для европейского человека эсперанто чрезвычайно легок. Легкость обучения его такова, что получив лет шесть тому назад эсперантскую грамматику, словарь и статьи, написанные на этом языке, я после не более двух часов занятий был в состоянии если не писать, то свободно читать на этом языке" (ПСС, т. 67, стр. 101). Однако публикация запрещенного царской цензурой произведения Толстого "О разуме и религии" в журнале Л. Заменгофа "Esperantisto" (1895, № 2, стр. 28-30) привела к закрытию журнала и явилась ударом для еще неокрепшего эсперантского движения.

В своем письме Н.Н. Страхову от 5 мая 1895 г. Толстой

писал: "Есть такой доктор Заменгоф, который изобрел эсперантский язык и издавал на нем журнал, кажется, в Дрездене. Журнал имел около 600 подписчиков, из которых большинство было в России. Мои друзья, особенно один Трегубов, большой сторонник эсперанто, желая поддержать журнал, дал туда одно мое письмо об отношении разума к вере, очень невинное, и еще одну статью о неплатеже податей в Голландии. Это сделало то, что эсперанто-газету запретили впускать в Россию, и Заменгоф, страстно преданный своему изобретению, разорившийся и прежде на это дело, пострадал отчасти от меня. Нельзя ли хлопотать ему опять разрешение на выписку газеты в России. Я обязуюсь ничего не печатать у него и не принимать никакого участия. Любящий Вас Л. Толстой" (ПСС, т. 53, стр. 89).

По-видимому, этим объясняется сдержанность в личных контактах Толстого и автора эсперанто Заменгофа, несмотря на совпадение их точек зрения по многим вопросам.

В последующие годы Толстой продолжал принимать участие в эсперанто-движении (центр которого переместился из России в Западную Европу), находясь в тесном контакте с видными эсперантистами.

Анализ переписки писателя с эсперантистами показывает, что весьма дружеские и деловые связи установились у него со многими из них, и прежде всего с Анной Николаевной Шараповой (1863-1923), свояченицей П.И. Биржекова - одного из друзей и биографов Толстого, видной пропагандистской эсперанто в России, сотрудницей многих эсперантских газет, членом ряда международных эсперантских обществ. Ее переводы Толстого на эсперанто широко известны, например, "Кавказский пленник", "Смерть Ивана Ильича", "Эсперанто и вегетарианство" и др.

17 декабря 1907 г. А.Н. Шарапова прислала Толстому письмо, на которое он ответил 13 января 1908 г. из ЯП. В своем письме (см. т. 78, стр. 19) она сообщала Толстому о своей жизни и занятиях. Вместе с письмом Шарапова прислала рукопись на эсперанто с русским переводом статьи "одного парижского доктора" под названием "Evolucio de religia ideo" ("Эволюция религиозной идеи"). Она просила переслать статью по прочтении И.И. Горбунову-Посадову. Толстой дал об этой статье отрицательный отзыв.

В ответ на письмо А.Н. Шараповой от 18 марта 1909 г., где она писала, что секретарь международного общества эсперантистов "Свободная мысль" просил узнать, будет ли Толстой согласен на избрание его почетным членом этого общества,

Толстой ответил (см. т. 79, стр. 163): "Я.П., 1909, 19 апр.

Будьте добры, Анна Николаевна, передать мою благодарность за избрание меня в почетные члены Эсперантского общества. Желаю всего лучшего. Простите, что коротко пишу. Я все это время нездоров и слаб. Лев Толстой".

В письме от 15 мая 1909 г. по поводу письма Толстого от 19 апреля А.Н. Шапарова спрашивала, какому именно обществу она должна передать эту благодарность. В том же письме А.Н. Шапарова просила написать предисловие к готовившемуся переводу на язык эсперанто статьи Толстого "Первая ступень". Толстой послал ответ 10 июля 1909 г. из ЯП (см. т. 79, стр. 20):

"Простите, пожалуйста, Анна Николаевна, что так долго не отвечал. Будьте добры передать мою благодарность за избрание меня членом в те эсперантские общества, которые меня избрали. Я часто очень забываю и не помню, кто и где меня избрал. Прошу извинить также за то, что несмотря на все желание, не могу написать предисловие. Дружески жму руку. Лев Толстой".

К Толстому постоянно обращались молодые люди, прося у него совета. Так, Ф. Шулаев из Ташкента, ученик У класса кадетского корпуса, в письме от 30 октября 1908 г. спрашивал, что изучать в первую очередь: иностранные языки или язык эсперанто, т.к. мнения преподавателей были противоречивы. Толстой посоветовал "учить прежде иностранные языки, тогда эсперанто" (см. т. 79, стр. 370).

1 февраля 1910 г. московский представитель Всеобщего студенческого союза "Esperanto" Владимир Стапанович Бондарский прислал Толстому письмо, в котором извещал, что названный союз эсперанто избрал Толстого своим почетным членом. Заканчивая свое письмо, В.С. Бондарский просил Толстого "хоть в нескольких словах высказать свое мнение об упомянутом союзе". В письме от 3.П.1910 г. Толстой ему ответил (см. т. 81, стр. 86): "Вполне сочувствую цели деятельности вашего союза и благодарю за честь избрания. Лев Толстой". В том же году Толстой был избран одним из семнадцати почетных членов этого союза, а почетным президентом стал доктор Л. Заменгоф (см. журнал "Ruslanda Esperantisto", 1910, № 2-3, стр. 86).

Во время Всемирного конгресса эсперанто в Дрездене 16 августа 1908 г. по инициативе Рене Ладевеза и под влиянием учения Толстого было создано "Объединение эсперантистов-вегетарианцев", которое открылось в Гамбурге и спустя несколько лет стало называться "Лигой эсперантистов-вегетарианцев".

Толстому предложили пост почетного президента общества. Специальным письменным подтверждением Л.Н. Толстой выразил согласие занять этот пост и оставался бессменным почетным президентом международной организации эсперантистов-вегетарианцев вплоть до конца своей жизни.

С Л.Н. Толстым находился в переписке Александр Андреевич Сахаров - главный редактор журнала "La Ondo de Esperanto" ("Волна эсперанто"), основатель Московского Института эсперанто в 1907 г. В письме А.А. Сахарову (Москва) от 18 марта 1907 г. Толстой дает ему разрешение на перевод романа "Анна Каренина" на эсперанто.

В ряде писем Толстой благодарит переводчиков за переводы своих статей и книг или дает согласие на перевод своих произведений на эсперанто.

Так, в письме к М.И. Шидловской от 20 января 1910 г. из ЯП (см. т. 81, стр. 57) Толстой пишет: Мария Ивановна. Ничего не имею против перевода моего рассказа "Три смерти", а также и всего мною написанного с 1882 года на все языки, а также и на эсперанто".

Необходимо заметить, что Толстой не поддавался прожектерству и реально смотрел на вещи. Когда к нему пришло письмо от С. Двумянцева с пространном проектом создания международного издательства на эсперанто, на конверте этого письма писатель пометил: Без ответа. Глупое. (см. т. 82, стр. 256).

По просьбе Толстого ряд ответов на письма был составлен его секретарями. Здесь следует отметить письмо В.В. Калинину от 1 мая 1910 г. (т. 82, стр. 234), в котором Калинин благодарил Толстого за ранее высланные книги и просил прислать учебник языка эсперанто, а также сообщить адрес "Посредника" и "Обновления". В ответ на письмо Калдаева 17 марта 1910 г. Толстой разрешил переводить на язык эсперанто свою статью "О науке".

Особое место занимает требующая дальнейшего изучения переписка Толстого с зарубежными эсперантистами. В письме Тальвицера (Дрезден) содержится просьба о разрешении перевести на эсперанто статью Толстого "О науке". Письмо было написано на языке эсперанто. В ответе Тальвицеру от 13 марта 1910 г. выражается согласие (см. т. 81, стр. 288). По поручению Толстого было также дано разрешение И. Борелью (Берлин) на перевод статьи "Любовь и грех" на язык эсперанто (письмо от 2.1.1910). В 1909 г. Л. Толстой переписывался с Йозефом Эйдельмантом, врачом, педагогом, эсперантистом с 1904 г.,

который создал в Лозанне "Всемирный Студенческий Союз" и рабочую группу "Свободная Мысль", упоминавшиеся выше. В 1909 г. Й. Эйдельмант получил от Толстого рукопись "Сообщение о мире", которую он впервые напечатал в переводе на эсперанто в журнале "Internacia Socia Revuo" ("Международный социальный журнал"). Это была рукопись доклада Толстого Стокгольмскому Конгрессу мира, где голос страстного поборника мира по его желанию прозвучал для всего человечества не на каком-то национальном языке, а на международном языке эсперанто. Так великий русский мыслитель впервые использовал эсперанто как эффективное средство в борьбе за мир. Доклад повсюду вызвал отклики (см. т. 82, стр. 266).

Бесспорно, остается еще много других неизученных фактов о жизни и деятельности выдающего гуманиста. Проведенное нами в 1979-1980 гг. исследование материалов в личной библиотеке Толстого в ЯП и систематизация переписки писателя с эсперантистами по данным ПСС позволяет определить характер и номенклатуру имеющихся источников на эсперанто и в определенной степени отражает роль Толстого в эволюции эсперанто, его реализм и дальновидность в оценке важности этого лингвистического и социального явления, где слово великого интернационалиста соотносится с важнейшими направлениями европейской и мировой культуры.

Leo Tolstoj kaj demandoj pri la internacia
helpa lingvo (Laŭ materialoj de la persô-
na biblioteko de la verkisto en Jasnaja Poljana)

Vjačeslav I. Ĥromov

Kelkaj aspektoj de la agado de Leo Tolstoj restas ĝis hodiaŭ malplene esploritaj. Sufiĉe malmulte estas konate pri rilato de L. Tolstoj al problemoj de la internacia lingvo. La fontoj de la Tolstoj-a persona biblioteko en Jasnaja Poljana manifestas, ke la granda rusa verkisto estis subtenanto de la ideo de LI ĝenerale kaj de Esperanto aparte. Tolstoj rigardis Esperanton kiel gravan socian kaj lingvistikan fenomenon. En la biblioteko Jasnaja Poljana konserviĝis 15 diversaj E-verkoj, ricevitaj de Tolstoj el Ruslando kaj eksterlando antaŭ la jaro 1910.

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ПЕРИОДЕ ДВИЖЕНИЯ
ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЯЗЫК В ЭСТОНИИ В XIX ВЕКЕ
(ВОЛАПЕК В ЭСТОНИИ)

Т. Э. Кукк

В марте 1879 года пастор Лицельштеттена (в Баварии) полдиглот Йоганн Мартин Шлейер (1831-1912) опубликовал в местном религиозном журнале "Sionsharfe" первую статью об искусственном языке, который он сам создал и назвал волапеком. В 1880 г. на немецком языке вышел в свет и первый учебник этого языка. С появлением волапека настал новый этап в создании искусственных языков: "мировой язык" (vola - род. пад. 'мира', рік - 'язык') Шлейера стал первым искусственным языком, который начали употреблять в практике. В течение нескольких лет он нашел себе приверженцев в Европе, в Америке и даже в Юго-Восточной Азии. В 1884 г. вышел учебник на голландском языке (автор Серваас де Бруйн), в 1885 г. - на французском (автор Август Керкгофс). 1889 год был кульминацией в движении волапека: во всем мире функционировало 283 общества, число волапекистов достигло нескольких сот тысяч, было издано 316 учебников на 25 языках мира, издавалось 25 журналов и газет [8, 90].

В 1884, 1887 и 1889 гг. состоялись международные съезды волапекистов. На II съезде (1887 г.) в Мюнхене была основана Академия в составе 26 человек, задачей которой было следить, чтобы волапек при дальнейшем обогащении словарного состава сохранял бы свое единство. Президентом Академии единогласно выбрали французского волапекиста А. Керкгофса. Особенно удачным был III парижский съезд (1889 г.). На нем волапек был единственным рабочим языком. Казалось, что волапек достиг быстрой и полной победы, однако именно этот год принес крутой поворот в движение волапека. А. Керкгофс, который в 1887 г. стал президентом Академии волапека, пытался внести некоторые изменения в волапек. В то время, когда сторонники Шлейера были уверены в совершенстве волапека, Керкгофс считал, что именно чрезмерное богатство грамматических форм доведет волапек до гибели. На парижском съезде он выступил в

защиту новой, упрощенной грамматики, которая получила одобрение многих членов Академии. Несмотря на протесты Шлейера, Керкгофс начал издавать учебники с упрощенной грамматикой. Стали почти в одно и то же время распространяться несколько вариантов волапюка. С этого возникает конфликт между Академией и Шлейером. Конфликт привел к распаду волапюкского движения. Когда Керкгофс понял, что он не сможет добиться согласованности в вопросе единой грамматики, он отказался от поста президента Академии. В 1893 г. Академия выбрала нового президента (до 1898 г.) - это был инженер В. Розенбергер из России. Однако спасти движение волапюка было уже невозможно. В 1908 г. прекратилось издание последнего журнала "Volapükabled lezeṇodik", и с тех пор волапюк почти забыт.

В 30-х годах делались попытки возродить волапюк. Так, голландский волапюкист Арие де Йонг издал грамматику и словарь волапюка [6, 7]. В 50-ые и 60-ые гг. в Голландии даже издавался бюллетень на языке волапюк "Volapükagased". В 1964 г. немец Йоганн Шмидт опубликовал историю волапюка на языке же волапюке [10]. Но все попытки возродить волапюк остались без результатов.

Волапюк пришел в Эстонию очень быстро. Уже в 1885 г. в эстонских газетах появились первые сообщения о волапюке. В Приложении газеты "Olevik" (Тарту) А. Гренцштейн знакомит читателя с новым "мировым языком" [14, 56-60]. Автор пишет о необходимости в общем мировом языке, потому что люди все больше путешествуют. Но ни один из живых или мертвых языков для этого не подходит из-за трудности их изучения. Гренцштейн заявляет что искусственные языки, которые были предложены раньше (язык аббата Хильдегард с XII в., проект Лейбница и др.) уже забыты. Затем в нескольких словах даются сведения о новом языке (склонение существительных, перечисляются числительные). Далее автор приводит ведущую мысль волапюка: "Menade bal püki bal!" - "Единому человечеству - единый язык!" и при этом подчеркивает, что новый язык не призван уничтожить родной язык, а его назначение - стать средством общения, "при помощи которого все пассажиры и купцы могли бы друг другу свои мысли высказывать" [14, 60]. Из статьи можно узнать, что и в Эстонии волапюк нашел себе первых сторонников - это директор Валдманн и школьный учитель Слевогт в Вильянди. Автор выражает оптимизм в отношении будущего языка: "Мастера умирают, но творчество их продолжает жить!" [14, 60].

В этом же году вышел в свет первая грамматика волапюка на эстонском языке [4], на титульном листе которой (точнее, в верхней части первой страницы, т.к. данная грамматика составила лишь 4 страницы) можно было прочесть: *Lühikene ilma-keele volapüka grammatik. Volapüka sünnitaja herra J.M. Schleyeri volitusel eestistanud A. Grenzstein* [Краткая грамматика мирового языка волапюка. По уполномочию создателя волапюка г-на И.М. Шлейера (в Констанце в Бадене)-перевел на эстонский язык А. Гренцштейн]. Эта краткая грамматика дает алфавит волапюка, учит склонять существительные, образовывать при помощи префиксов слова, обозначающие существа женского рода, и деминутивы (у Гренцштейна: *emasugu sõnad* и *tillendavad sõnad*), а также образовывать от существительных прилагательные и их степени сравнения. Дается обзор числительных, местоимений, спряжения глаголов, сведения о наречиях. В грамматике встречаем только один предлог - *in*. В конце приведены два предложения как образцы волапюка:

*Kel vilom binõn kotenik,
logomöd dis oki!*

*Kel vilom vedõn gletik,
logomöd ove oki!*

*Kes rahul tahab olla, vaadaku
enese alla!*

Кто хочет быть доволен собой,
пусть смотрит себе под ноги!

*Kes suureks tahab saada, vaadaku
enese üle!*

Кто хочет стать большим, пусть
смотрит поверх себя!

В 17-м номере Приложения газеты "Olevik" за 1885 г. А. Гренцштейн продолжает знакомить читателей с языком волапюк. В начале статьи [15, 264-266] он излагает притчу о зайце, который решил утопиться в реке, потому что у него не было языка и речи, при помощи которых он мог бы сыновьям своим сказать, как избегать собак. Но у реки он видит и слышит, как два человека - эстонец и русский - тоже не могут понять друг друга, и он радостно бежит обратно к своим сыновьям: если даже люди не понимают друг друга, тогда и он может спокойно жить дальше.

Эта притча должна была, по мнению автора, подтвердить необходимость общего мирового языка. Тем самым А. Гренцштейн делает рекламу краткой грамматике волапюка, которую он сам перевел и которая недавно вышла в свет, и советует каждому познакомиться с нею.

Через два номера А. Гренцштейн продолжает знакомить читателей с волапюком [16, 303-304]. Кроме того, он приводит

мысли Шлейера о недостатках существующих языков и о том, каким должен быть "мировой язык".

Хотя девиз работы Шлейера - "Menade bal rüki bal!" ("Единому человечеству - единый язык!") и само название языка - волапук (т.е. "язык мира") как будто должны были бы свидетельствовать о том, что волапук был предназначен заменить живые языки, это не так. В статьях, опубликованных после третьего издания учебника волапука (1884), Шлейер писал, что волапук должен сосуществовать рядом с национальными языками и его назначение - облегчить общение между народами. В главе "Sprachen" третьего издания учебника Шлейер излагает недостатки существующих языков, которых он при создании своего учебника пытался избегать. Он, например, считает недостатком, что во многих языках существуют артикли, которые почти не нужны и которые часто трудно использовать. При изучении живых языков из-за многочисленных исключений трудно усваивать спряжение, образование множественного числа, нерегулярные глаголы и т.д. Многие языки трудны из-за особого алфавита или непоследовательной орфографии. В главе "Vorzüge unserer Weltprache" Шлейер излагает характерные признаки "мирового языка". Волапуку свойственна краткость; "мировой язык" звучит четко, потому что в словах последовательно чередуются согласные и гласные; волапук богат грамматическими формами и обладает большими возможностями в соединении и образовании слов; у него простая и логичная орфография: каждая буква читается всегда одинаково; из-за многообразия аффриксов волапук хорошо подходит для поэзии и для пения. "Мировой язык" легко можно изучить: каждый образованный человек усвоит правила грамматики в течении 3-6 часов [8, 67-71].

Но поскольку в мире вскоре возникли споры вокруг этого языка, то и в Эстонии нашлись сомневающиеся в нем. В конце 1885 г. газета "Virulane" (Таллин) публикует в своем Приложении статью о волапуке [19, 1-2]. Хотя в начале статьи говорится о необходимости общего мирового языка и дается краткий обзор грамматики волапука, все же против него выдвигаются свои аргументы: "волапук в действительности совсем не такой простой, общий и всеми народами легко усваиваемый, как говорит его создатель; на пути становления его как "мирового языка" еще много препятствий. Какая власть была бы столь сильной, чтобы могла сделать волапук обязательным во всем мире? И как нужно сделать, чтобы все народы мира одинаково учились говорить на языке волапук так, как желает его соз-

датель? Кто может быть уверен, что волапюк, если его приняли бы общим "мировым языком", постепенно не развалился на диалекты, как это произошло со всеми языками мира. Кроме того, волапюк еще совсем не готов. Шлейер сам говорит о втором издании своей грамматики, что в ней многие слова в сравнении с первым изданием изменены и в каждом номере своего журнала он меняет и переделывает слова. Что должны тогда делать те, которые начали изучать волапюк по первому изданию грамматики и упомянутую газету не получают" [19, 1]. В конце статьи выражается сомнение, не было ли опубликование грамматики волапюка для эстонцев преждевременным, учитывая их низкий уровень образования; в то же время высказывается недовольство в связи с маленьким объемом данной грамматики.

Через некоторое время на это откликается "Olevik" [17, 2], упрекая "Virulane" в том, что газета пишет о вещах, которых сама не знает. Шлейер знает не 40, а более 50 языков, а утверждение, что Шлейер в каждом номере своего журнала меняет формы слов, тоже неверно. Но время показало, что сомнения, которые высказала газета "Virulane", оправдались: именно изменения грамматики стали одной из причин, которая привела волапюк к распаду. Но при этом нужно заметить, что в данное время проходила полемика между газетами "Olevik" (редактор А. Гренцштейн) и "Virulane" (редактор Я. Ярв) не только по вопросу мирового языка.

В 1887 г. в Приложении газеты "Olevik" снова появляется статья А. Гренцштейна [18, 299-301]. Два года прошло с опубликования краткой грамматики волапюка на эстонском языке и в связи с этим событием в статье дается краткий обзор движения волапюка в мире за это время. Волапюк нашел приверженцев даже в Африке, Азии и Австралии, утверждает Гренцштейн. Общее число волапюкистов достигло уже 250 тыс. человек. Волапюк используют даже в магазинах Парижа. Конец статьи оптимистический: "Будущее волапюка сейчас устойчивее, чем будущее какого-либо другого языка" [18, 301]. Но именно в этом году началась полемика вокруг грамматики волапюка, и через два года начался распад волапюкистского движения.

В этом же году (1887) своего читателя с волапюком знакомит и Приложение к газете "Saarlane" (Курессааре, нын. Кингиссеп), но факты, приведенные там, уже устарели [24, 2].

В 49 номере за 1887 г. пишет о волапюке и газете "Meelajahutaja" (Тарту) [20, 391]. Сообщается, что в актовом зале университета профессор А. фон Эттинген прочел лекцию о вола-

поке, подчеркнув, что этот язык все больше и больше распространяется в мире и его назначение - быть не родным языком, а вспомогательным средством общения между народами. Там же дается краткий обзор грамматики волапюка.

15 декабря того же года пишет в газете "Postimees" о движении волапюка в мире некто Брауер [13, 2]. Грамматика этого языка так проста, что автор статьи выучил ее за три часа. За 3-4 месяца можно выучить лексику этого языка. Автор сообщает и о том, что для дальнейшего развития языка в Мюнхене на II съезде мирового языка создана Академия, задачей которой является упростить волапюк и далее распространять его в мире. Говорится также, что и в России недавно разрешили употреблять волапюк в телеграфной службе. Большинство сторонников волапюка жили в Петербурге и Москве. В Таллине и Тарту волапюк нашел себе некоторых друзей, но там же автор отмечает: "И все же 'мировой язык' среди эстонского народа почти неизвестен, потому что отсутствуют необходимые книги для изучения этого языка. Правда, г-н Гренцштейн издал на эстонском языке маленькую грамматику волапюка, но без словаря и без образцов речи от этой грамматики нет никакой пользы. Маленьким народам нужен такой язык, который они могут изучить с наименьшим трудом, потому что тогда было бы все, что издают на этом языке, доступно и им" [13, 2].

Таким образом, к этому времени волапюк еще не нашел распространения среди эстонцев, и поэтому в статье был поставлен вопрос о необходимости издания полной грамматики и полного словаря. В начале следующего года в той же газете "Postimees" высказали сомнения о необходимости такого учебника. Думали, что если такой учебник когда-нибудь издадут, не будет ли он пылиться на полке [23, 3]. И все-таки в этом же году издали 28-страничную грамматику волапюка, предназначенную для распространения "мирового языка" среди эстонского народа [1]. На титульном листе книги напечатано: *Maailma keel volapük. Kirjutanud J. Lepik. Tartus 1888. Trükitud K.A. Hermannil kulu ja kirjadedega* [Мировой язык волапюк. Писал Й. Лепик. Тарту, 1888. Издано и напечатано К.А. Херманном]. В качестве рекламы прибавлено: "Волапюк так прост, что каждый усвоит его грамматику за 2-3 часа, за несколько месяцев можно уже научиться писать и говорить".

Учебник дает довольно хороший обзор грамматики. Кроме ознакомления с несколькими общими чертами языка (алфавит, произношение, орфография), дается очерк морфологической сис-

темы. Имеются также некоторые сведения о синтаксисе, а также упражнения для закрепления пройденного материала (всего же - 16 упражнений). На последних пяти страницах приведены некоторые простейшие беседы. Образец:

Li lenadol jero
volapüki?

Lesi, efe ko gälod
gletikin.

Stunob. - Benö,
kisi tikol' ibö
dö pük at?

Cedob omi as püki
bizugik. Binom' ti-
kälafulik e dena
balik, formallegik
e deno nefikulik.

Li jenöfi?
Li pükol' fefo?

Zeladö!
Studolös it delo
amik ed olesevol,
da esagob velati.

Kas teie õpите tõesti ilmakeelt?
Неужели вы изучаете мировой язык?
No jah, ja veel kõige suurema rõõmuga.

Да, и с большим удовольствием.

Imestan. - No hää kill, mis teie
sest keelest siis arvate?
Удивляюсь. - Ну, хорошо, и что вы
думаете об этом языке?

Mina pean teda ette keeleks. Ta on
täis vaimu ja siiski lihtlabane, vor-
rikas ja siiski kerge. Я считаю его
прекрасным языком. Он полон ума, но
все-таки простейший, богатый форма-
ми, но все-таки легкий

Kas tõesti? Неужели?
Kas teie õigust räägite? Говорите
ли вы правду?

Ja muidugi! Конечно!
Uurige ise mõned päevad, siis näete,
et tõtt räägin. Позанимайтесь сами
несколько дней, тогда увидите, что
я говорю правду.

Уже в следующем году вышло второе издание этого учебника, в котором нет почти никаких изменений, за исключением того, что новые слова после упражнений даются теперь в столбик, а не в виде сплошного перечисления. Новый метод облегчает использование учебника.

Интересно заметить, что все работы Й. Лепика зафиксированы в фундаментальной библиографии международного языка П.Е. Стояна [II, 480], но там отсутствует первая грамматика волапюка, вышедшая на эстонском языке в переводе А. Гренцштейна.

Видимо, интерес к волапюку был все же проявлен, так как в предисловии к словарю, вышедшему в следующем году [3], его автор Й. Лепик пишет: "Так как после издания учебника волапюка было немало высказано пожеланий о необходимости словаря волапюка, то я попытался эти пожелания настоящей книгой

удовлетворить". На 28 страницах приведено около 1600 слов. На следующих 14 страницах даются маленькие рассказы и другие тексты, среди них два стиха из "Одиссеи" Гомера, переведенные профессором Тартуского университета А. фон Эттингеном на волапук:

Musof mani nemolõs, etävom	Nimeta Muusa mull' meest, kes
mõdikõ mõdiküno	palju on rändand ja eksind
Eipõlivegom pos distuk Troya	Ümber, kui Trooja, see pühama
kasada	linna ta hävitas ära

После издания этих книг казалось, что теперь имеются все условия для быстрого распространения волапука в Эстонии. Но, очевидно, в это время до эстонских волапукистов уже дошли слухи о борьбе вокруг волапука в мире, и прежние горячие сторонники этого языка либо разочаровывались в идее общего мирового языка, либо переходили в лагерь сторонников другого искусственного языка. В этом убеждает следующий факт. Если до 1890 г. несколько газет поместили ряд статей "за" и "против" волапука, то начиная с 1890 г. газеты совершенно умалчивают о нем. Таким образом, волапук не нашёл широкого распространения среди эстонского народа, были лишь некоторые энтузиасты, которые интересовались языками и пытались распространять этот язык. После прекращения пропаганды волапука в Западной Европе "мировым языком" перестали интересоваться и в Эстонии.

Только в 1895 г. слово "волапук" снова встречаем в печати. В газете "Postimees" дан краткий обзор истории искусственных языков [22, 3]. В это время вместо волапука распространялся уже эсперанто. В статье приведены статистика и факты об эсперанто в мире, одобряющая оценка этого языка, данная Л. Толстым, а также рассматриваются причины распада движения волапука.

Через несколько десятилетий, точнее в 1927 г., о волапуке снова появляются некоторые сведения. В журнале "Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio" (Таллин) о движении волапука в Эстонии на одной странице пишет под псевдонимом Studento известный финноугровед академик Пауль Аристе. В своей статье он упоминает имена тех, кто занимался волапукком в Эстонии (А. фон Эттинген, Э. фон Валь, А. Гренцштейн, Й. Лепник) и приводит список книг вышедших в Эстонии о волапуке [12, 52].

В последнее время о волапуке и о волапукском движении в журнале "Keel ja Kirjandus" (Таллин) писал Я. Ояло [21, 63-

-64]. Автор кратко описывает грамматику волапюка и приводит некоторые факты из истории этого языка в мире и в Эстонии в частности.

Л И Т Е Р А Т У Р А

Отдельные издания

- A. 1. Lepik J. Maailma keel Volapük. - Tartus 1888, 28 lk.
2. Lepik J. Maailma keel Volapük. Teine täiendatud trükk. - Tartus 1889 [на обл.: 1890], 30 lk.
3. Lepik J. Volapüka võdabuk et Jäfapeneds, kanitemils, komans. - Maailmakeele sõnaraamat ja kaubakirjad, laulukesed, jutukesed. - Tartus 1890, 48 lk.
4. Schleyer J.M. Lühikene ilmakeele volapüka grammatik. Volapüka sünnitaja herra J.M. Schleyeri (Konstanzis Badenis) volitusel eestistanud A. Grenzstein. - Tartu, 1885, 4 lk.
- B. 5. Дрезен Э. За всеобщим языком. (Три века исканий). М.-Л.: Государственное изд-во, 1928.
6. Jong A. de. Gramat volapüka. - Leiden: E.J. Brill, 1931.
7. Jong A. de. Wörterbuch der Weltsprache. - Võdabuk volapüka pro deutänapükans. - Leiden: E.J.Brill, 1931.
8. Manders W.J.A. Vijf kunsttalen. Vergelijkend onderzoek naar de waarde van het Volapük, Esperanto, Ido, Occidental en Novial. - Purmerend: J.Muusses, 1947.
9. Свадост Э. Как возникнет всеобщий язык? - М.: Наука, 1968.
10. Schmidt J. Jenotem valemäpüka 'Volapük'. - Historie de la langue universelle - Amsterdam: Püban Volapükagased, 1964.
11. Stojan P.E. Bibliografio de Internacia Lingvo, 2-a'eld. - Hildesheim-New York: Georg Olms Verlag, 1973.
12. [Ariste, P.] Studento [псевд.] Pri Volapük. - Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1927, N° 66-67 (8-9), lk. 52.
13. Br [aue] r. Maailma keel "volapük". - Postimees, Tartu, 1887, N° 56, lk. 2.
14. [Grenzstein, A.] Volapük. - Oleviku Lisa, Tartu, 1885, N° 4, lk. 56-60.
15. [Grenzstein, A.] Volapük. - Oleviku Lisa, Tartu, 1885, N° 17, lk. 264-266.

16. [Grensstein, A.] Volapük. - Oleviku Lisa, Tartu, 1885, N° 19, lk. 303-304.
17. [Grensstein, A.] Mis teevad tõised ajalehed? - Olevik, Tartu, 1885, N° 52, lk. 2.
18. [Grensstein, A.] Volapük. - Oleviku Lisa, Tartu, 1887, N° 19, lk. 299-301.
19. [Järv, J.] Ilmakeel Volapük. - Virulane, Tallinn, 1885, N° 50 (Lisa 10. XII 1885), lk. 1-2.
20. [Kurrik, J.] Volapük. - Meelejahutaja, Tartu, 1887, N° 49, lk. 391.
21. Ojalo, J. "Maailmakeel" 100-aastane. - Keel ja Kirjandus, Tallinn, 1981, N° 1, lk. 63-64.
22. [Põdder, M.] Ülikeel. - Postimees, Tartu, 1895, N° 119, lk. 3.
23. ~~r.~~ Mõnda maailma keele loomust. - Postimees, Tartu, 1888, N° 20, lk. 3.
24. Uued keeled. - Saarlase Lisa, Kuressaare, 1887, N° 10, lk. 2.

Pri unu forgesita periodo de movado por internacia lingvo en Estonio en la XIX jarcento

(Volapük en Estonio)

Tiit E. Kukk

En tiu ĉi artikolo estas esplorata la historio de la movado de Volapük en Estonio fine de la pasinta jarcento. Uzitaj estas materialoj, publikigitaj en la estona gazetaro dum 1885-1895. En la enkonduko estas mallonge karakterizita la movado de Volapük en la mondo. Krom tio estas priskribita la fakto, kiel disvastiĝis Volapük en Estonio, kiajn volapükajn presaĵojn oni eldonis kaj kiuj estis la gvidantoj de la movado en Estonio. En la artikolo oni konkludas, ke en Estonio Volapük inter la popolo preskaŭ ne disvastiĝis, estis nur kelkaj entuziasmluloj, kiuj post la disfalo de Volapük en la mondo ankaŭ tie ĉi forlasis la lingvon.

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТАРТУСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО КЛУБА ЭСПЕРАНТИСТОВ

Э.К. Эрнитс

Организованная деятельность тартуских эсперантистов началась в 1914 г., однако вследствие вспыхнувшей мировой войны она вскоре прекратилась. Только в 1921 г. Р. Блауфельдту и Х. Бушу удалось воссоздать общество эсперантистов [18, 128]. В следующем году был основан при Тартуском университете Академический клуб эсперантистов (далее - АКЭ), учредительными членами которого являлись проф. К. Вайсяля, студенты А. Буддас, Х. Буш, В. Сергеев, М. Эйнер (он же Арвисто) и др. [8, 16].

26 марта 1922 г. 12 студентов разных факультетов Тартуского университета решили создать студенческую организацию эсперантистов. Для составления ее статута была избрана комиссия в составе В. Аавакиви, Й. Первика и М. Эйнера. Статут АКЭ был принят 19 ноября 1922 г. [1, 1; 4, 1]. В 1925 г. клуб воссоединился с Эстонской ассоциацией эсперантистов (ЭАЭ).

Количество членов АКЭ колебалось в пределах 10-30, причем студентов было сравнительно мало, за исключением 1929 и 1930 гг. Наибольший интерес к эсперанто проявляли студенты филологического факультета, наименьший - будущие ветеринарные врачи. Членами АКЭ состояли доктор биологических наук А. Аудова (1926-1929 гг.), П. Берг (Аристе) (1925-1929, с 1933 г.), М. Эйнер (Арвисто) (1922-1925), П. Ансо (с 1931 г.), И. Круус (1932), доктор ветеринарной медицины, проф. Х. Рихтер (1932-1933), Х. Сеппик (1925-1931), А. Сийтам (с 1931 г.), В. Вахер (1927-1931), П. Вийдинг (1924-1925) и др. Президентами АКЭ избирались М. Эйнер (1922-1923 гг.), Р. Шёр (1924), Х. Сеппик (1925-1926, 1927, 1928-1929), Э. Мяльсон (1927), Р. Тийк (1928), С. Нейман (1929-1930), Ф. Йохансон (1931), А. Сийтам (1931), Х. Рихтер (1932-1933), П. Аристе (1933-1934) и Э. Янсон (с 1934 г.).

Объединение интересующихся языком эсперанто преподавателей, студентов и выпускников университета поставило следу-

щие задачи: 1) научное исследование языка и истории движения эсперантистов, 2) пропаганда языка эсперанто в академическом кругу и 3) внедрение эсперанто в науку [8, 1]. В 1929 г. на юбилейном собрании АКЭ было сделано предложение о введении дополнений в действующий устав клуба. Например, в соответствии с новым уставом, утвержденным 25 марта 1928 г., членом АКЭ мог стать студент или выпускник любого эстонского вуза; были предусмотрены также институции поддерживающих и почетных членов [8, 14].

В начальный период деятельности АКЭ его члены собирались по пятницам в студенческом доме [1, 1]. С 1923 г. мероприятия клуба стали проводиться по воскресеньям в помещениях Тартуского общества эсперантистов (ТООЭ) на ул. Яани, 14 [1, 1]. Только 26 ноября 1926 г. было получено отдельное помещение в студенческом доме, где собрания правления АКЭ состоялись по пятницам, а мероприятия членов - по воскресеньям с 18 до 22 часов [2, 4].

Доходы АКЭ составлялись за счет членских взносов, организации языковых курсов и проведения лотерей [1, 5, 13, 14; 9, 64]. Основную часть расходов составляла наемная плата за помещение в студенческом доме [1, 13; 2, 4]. Порой клуб не был в состоянии платить за него, в этом случае ходатайствовали о субсидии. Определенный ущерб АКЭ нанес В. Муурметса, который в 1926 г. присвоил деньги клуба, и даже к 1934 г. они не были возвращены [2, 5; 10, 149].

В конце 1922 г. В. Саарсон сделал предложение об основании библиотеки клуба [1, 1]. Количество книг росло относительно медленными темпами. В 1930 г. в библиотеке имелось, по меньшей мере, 151 название литературы (вероятно, включая и периодику), но часть из этого пропала по вине А. Саула [1, 12]; в 1932 г. насчитывалось 109 названий (из них 36 книг), а в 1937 г. - 83 тома [3, 5; 7, 11; 8, 47; 16, 416]. Многие книги были приобретены через ЭАЭ; как, например, в 1932 г. - 25 названий [10, 75, 77]. Из числа периодических изданий постоянно заказывали только "Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio" ("Вести ЭАЭ") [1, 4; 2, 11; 3, 5; 15, 3]. Следует добавить, что использование библиотеки было довольно скромным [3, 5].

Деятельность АКЭ была разносторонней и в некоторой мере содействовала пропаганде и распространению эсперанто в Эстонии.

В клубе проводились рефератные собрания (табл. I), в ко-

торых участвовало в среднем 8 человек.

Таблица I
Рефератные собрания АКЭ с 1923 по 1939 г.

Годы	Количество собраний	Количество рефератов	Архивный источник
1923	3		
1924	1		
1925	3	12	[8, 16]
1926	1		
1927	2		
1930-1931	4	7	[8, 24]
1933-1934	13	7	[8, 45]
1935-1936	23	11	[16, 414]
1936-1937	12	4	[16, 416]
1938-1939	0	0	[17, 462]

По сохранившимся архивным материалам можно получить представление о тематике выступлений: в 1923-1924 гг. - М. Арвисто "Можно ли заменить науку религией" [1, 4], Р. Шэр "О современном значении реторики" и "Философия права" [1, 5-8]; в 1926 г. - д-р А. Аудова "Может ли национальный язык стать языком международного общения", Х. Сеппик "Преимущества эсперанто в качестве международного языка" и "Азбука международного языка эсперанто" [6, 4; 7, 1; 8, 7]; в 1927 г. - А. Саул "Малые народы и эсперанто", Х. Сеппик "Основные черты строения эсперанто", А. Саул и Х. Сеппик "Из истории интерлингвистики" (10 часов) [2, 8, 9], А. Аудова "Научная работа и эсперанто" [6, 13]; вечер пропаганды, организованный А. Аудова и А. Саулом; в 1933 г. - А. Сийтам "О путешествии в Финляндию" [6, 26]; в 1934 г. - Х. Рихтер "Биологические принципы образования человеческой речи, в частности звуков языка эсперанто" и А. Сийтам "Современные требования к учебникам языка" (на XI годичном собрании ЭАЭ в Вильянди) [10, 98], П. Аристеэ "Типы языков" и "Впечатления о Всемирном конгрессе эсперантистов в Стокгольме", П. Ансо "Воспитательная роль эсперанто", Х. Сакарня (Саха) "Эстонская музыка и эсперанто" [10, 143, 144] и Э. Мансон "Значение эсперанто в усвоении иностранных слов" [12, 1]. Как видно из приведенного, основное внимание при выборе тем было уделено обоснованию преимуществ эсперанто в качестве языка международного обще-

ния. Этой цели послужила и встреча членов АКЭ с магистром Й. Аавиком в 1927 г. [2, 9-14].

АКЭ активно участвовал в организации радиопередач на языке эсперанто. С этой целью правление клуба договаривалось с эстонскими общественными деятелями о выступлениях по радио. В 1933 г. эта задача была поручена А. Сийтаму [3, 7]. Так, например, он интервьюировал Г. Суйтса, а 19 февраля 1933 г. проф. Х. Рихтер передал рецензию известного писателя на "Эстонскую антологию" по радио [3, 2; 8, 37; 20, 49-50]. В этом же году Х. Рихтер рассказал о Тартуском университете в связи с юбилеем этого вуза [3, 5]. В радиопередачах выступали также П. Аристе, А. Сийтам и др. [8, 37, 42]. Передачи Эстонского радио на эсперанто слушали и за границей, например, выступление проф. А. Сааресте об эстонском языке, отражающееся позже в одной из венгерских газет [3, 2].

Одной из существенных сфер деятельности АКЭ была организация языковых курсов по эсперанто (табл. 2). Однако следует добавить, что нередко они прекращались из-за пассивности участников. На самом деле курсов было больше, чем указано в таблице: по цифровым данным, до 1929 г. было организовано 8 курсов, в которых участвовало в среднем 10 человек. Между прочим в этот же период курсы международного языка организовал и Х. Сеппик [18, 489]. Осенью 1925 г. состоялись высшие курсы языка эсперанто. В них участвовало 9 человек, в том числе П. Берг (Аристе) и Э. Мьяльсон [18, 31].

Члены АКЭ принимали участие в создании эсперантских учебных пособий, словарей и т.д. В первую очередь здесь следует назвать основательный учебник эсперанто на эстонском языке (автор М. Арвисто, издан в Хаапсалу в 1926 г.). Членами АКЭ был составлен также ключ к учебнику финского эсперантиста В. Сетяля [1, 5]*. В 1927 г. вышел в свет эсперанто-эстонский словарь, составителями которого из числа членов АКЭ были П. Берг (Аристе), Х. Сеппик и Р. Тийк. Кроме того, П. Берг (Аристе) опубликовал в разных периодических эсперантских изданиях за 1925-1927 гг. 9 статей [21, 24-25]. Присоединенная к АКЭ комиссия по составлению полного эстонско-эсперантского словаря в течение многих лет занималась этим делом, но ее труд все-таки не был издан [2, 7; 8, 17, 24, 45, 47; 16, 416]. А. Саул перевел для "Эстонской антологии" 19 шесть эстонских народных песен и одну сказку.

* Ср., однако [22, 226], где приведено библиографическое описание "Einar-Arvisto M. Eesti-Esp. sõnastik. 1923, Haapsalu [...]".

Таблица 2

Курсы языка эсперанто, организованные в 1923-1934 гг.

Год	Семестр или дата	Часы, запланировано/проведено	Руководитель	Количество участников	Архивный источник и замечания
1923	1-й сем.			35-15*	[1, 4]
	2-й сем.		Р. Шар	15	[1, 8]
1925	9/XI-15/XII				[II, I]
1926	28/X -	21/несколько	П.Берг (Аристе)		[6, 8; 7, 2, 6]
1927	30/X-6/XII	16/5	А. Сауд	9-7-0*	[8, 10; II, 2; 14, I]
	27/X-	16/			[6, II (на рус. яв.)
1928	4/III -				[6, 18, 19]
1932	1/III-3/У	35/	К.Тунон	II	[3, 5; 9, 64 (по методу Че)
1934	2-й сем				[8, 45]

* Замечание: Изменения в течение курса.

А. Сийтам опубликовал в газет "Heroldo de Esperanto" обзор о Тартуском университете [8, 37; 9, 64]. АКЭ намеревался издавать свою газету, но этот план не осуществился [4, 3].

В 1927 г. А. Саул сделал предложение об организации на таллинской педагогической конференции секции методики преподавания эсперанто и на пленарном заседании зачитал доклад по теме "Педагогическое значение эсперанто" [2, 16]. На совместном собрании АКЭ и ТОЭ (1927 г.) по инициативе Х. Сеппика и др. были обсуждены меры улучшения уровня издания "Informoj de EADE", а по предложению С. Нейман, А. Саула и Р. Тийка - вопросы эсперантского издания "Эстонской антологии" [5, 1]. Была образована комиссия (П. Берг (Аристе), Э. Мьяльсон и Х. Сеппик) по составлению анкет с целью выявить мнения авторитетных эстонских общественных деятелей по вопросам международного языка [2, 4]. В 1927 г. члены АКЭ совместно с латвийскими эсперантистами заявили протест Латвийскому радио против внедрения идо в качестве языка передач [2, 10]. Правление АКЭ обсуждало даже вопрос создания эсперантского лектората в Тартуском университете [8, 27].

Члены АКЭ участвовали также в организационной работе ЭАЭ. Так, например, в 1934 г. в правление были избраны А. Сийтам и С. Нейман [3, 6]. С ЭАЭ сотрудничали также П. Аристе, Э. Мьяльсон, А. Саул и др. В 1932 г. Тарту посетил президент Международного эсперантского музея (Вена) Х. Штейнер [3, 5; 9, 64]. Впоследствии проф. Х. Рихтер, который сопровождал гостя во время его пребывания в г. Тарту, стал пожизненным членом музея [23, 53].

Успехи в деятельности АКЭ были обусловлены активностью отдельных членов клуба. Большинство же членов не содействовало разрешению поставленных задач - так отмечено в одном из годовых отчетов: "Отсутствовали люди, которые хотели и могли бы энергично действовать... Студенчество является безразличным... У него процветает лишь 'кафейная культура'" [7, 6]. Поэтому из-за скромной посещаемости часто не проводились рефератные собрания и прекращались языковые курсы [9, 64; 17, 462]. Кроме того, причинами недостаточной деятельности АКЭ можно считать малое количество членов, отсутствие отдельного помещения (до 1927 г.) и то обстоятельство, что члены правления АКЭ входили и в состав правления ТОЭ. Во второй половине 30-х гг. деятельность АКЭ стала более инертной (по сравнению с предыдущими периодами), что объясняется тогдашними господствующими социально-политическими условиями стра-

ны. Однако работу любой организации оценивают по сделанному. История АКЭ как одного из предшественников нынешнего Тартуского клуба эсперантистов представляет определенный интерес, в частности, в плане создания целостной картины о движении эсперантистов в Эстонии в разные периоды. К сожалению, до настоящего времени вопросы практического распространения эсперанто остаются малоизученной областью.

Архивные источники и литература

1. Центральный государственный исторический архив Эстонской ССР (далее - ЦГИА ЭССР), ф. 1733, оп. I, ед. хр. I.
2. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 3.
3. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 4.
4. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 6.
5. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 7.
6. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 8.
7. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 9.
8. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 12.
9. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 13.
10. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 14.
11. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 19.
12. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 23.
13. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 24.
14. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 25.
15. ЦГИА ЭССР, ф. 1733, оп. I, ед. хр. 27.
16. ЦГИА ЭССР, ф. 2100, оп. 4, ед. хр. 99.
17. ЦГИА ЭССР, ф. 2100, оп. 4, ед. хр. 104.
18. Enciklopedio de Esperanto. - Budapest, 1979.
19. Estona antologio I. - Tallinn, 1932.
20. Gustav Suits pri Esperantaj tradukoj el la estona literaturo. - Informoj de Esperanto-Asocio de Estonio, Tallinn, 1934, N 149(7).
21. Sõna sõna kõrvale. - Paul Ariste teaduslikust tegevusest. Tallinn, 1965.
22. Stojan P.E. Bibliografio de Internacia Lingvo. Kun bibliografia aldono de R. Hauptenthal. 2a eld. - Hildesheim-New York: Georg Olms Verlag, 1973.
23. Tutmonda adresaro de la esperantistoj 1938. Wien, 1938.

Pri la agado de Akademia Esperanto-Klubo en Tartu

Enn K. Ernits

Akademia Esperanto-Klubo (AEK) estis fondita en 1922 ĉe la Universitato de Tartu laŭiniciative de prof. K. Väisälä kaj studentoj M. Einer-Arvisto, H. Busch k. a. La membraro ne estis multnombra kaj konsistis el 10-30 anoj. Multaj klubanoj estis aŭ fariĝis konataj esperantistoj, kiel P. Ariste, M. Arvisto, A. Audöva, P. Anso, H. Seppik, A. Siitam k.a. AEK aranĝis referatkunsidojn, propagandvesperojn ktp., dediĉitajn al la pruvado de avantaĝoj de Esperanto kiel ilo de la internacia interkomunikado. La aktivaj anoj de AEK partoprenis la organizadon de radiosendaĵoj pri Estonio. Estis aranĝitaj multaj lingvaj kursoj de Esperanto por komencantoj kaj eĉ unu supera kurso (1925). Interalie, en 1932 la kurson gvidis la elstara esperantisto K. Tunón.

La AEK-anoj okupiĝis ankaŭ pri verkado de esperantlingvaj eldonaĵoj kaj lerniloj. M. Arvisto kompilis la unuan fundamentan estonlingvan Esperanto-lernolibron (1926), P. Ariste, A. Saul, H. Seppik, R. Tiik k. a. partoprenis la kompiladon de la plej ampleksa "Esperanto-estona vortaro" (1927) kaj "Estona antologio" I (1932) kaj publikigis artikolojn. Malgraŭ pasiveco de multaj AEK-anoj, unuopaj aktivuloj kontribuis al la estona Esperanto-movado.

ОБ "ИНФОРМАЦИОННОМ БЮЛЛЕТЕНЕ" АСЭ

М.М. Линнамяги

Деятельность эсперантистов Советского Союза возобновилась в 1956 г. Были созданы местные клубы, кружки, секции. С 1962 г. при Союзе Советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами (ССОД) действовала Комиссия по координации международных связей советских эсперантистов. А 14 марта 1979 г. в Москве конференция, представляющая эсперанто-клубы и эсперанто-организации городов, областей, краев, автономных и союзных республик, одобрила решение ССОД, Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и Центрального Комитета Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи о создании Ассоциации советских эсперантистов (АСЭ), целью которой является упорядочение и развитие эсперанто-движения в нашей стране. Деятельность АСЭ развивается в рамках Отдела информации и советской культуры ССОД.

По решению Всесоюзной учредительной конференции Правление АСЭ ходатайствовало перед ССОД, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ об издании общественно-политического и литературно-художественного журнала на эсперанто и информационного бюллетеня на русском языке. С 1979 г. АСЭ издает "Информационный бюллетень" (ИБ) объемом в один печатный лист, тиражом 500 экземпляров. Адрес редакции: 103009, Москва, К-9, проспект Калинина, 14, Ассоциация советских эсперантистов. Для "Информационного бюллетеня".

ИБ предлагает информацию о деятельности руководящих органов, местных организаций, о мероприятиях АСЭ всесоюзного и международного характера, а также информацию и хронику эсперанто-движения в Советском Союзе и за рубежом.

В 1979 г. вышел один номер, в 1980 г. 6 номеров (4 тетради), в 1981 г. 9 номеров (6 тетрадей), итого 16 номеров. Номера I-10 выполнены с машинописи ротапринтно, номера II-16 офсетно. Первый номер ИБ содержит руководящие документы АСЭ, в том числе Положение Ассоциации, состав Правления и Президиума. Тетради ИБ не имеют указателя содержания. Последующие

номера дают информацию по структуре:

1. Работа Правления и Президиума АСЭ, документы ССОД, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, касающиеся деятельности АСЭ.
2. Международные встречи.
3. Деятельность местных организаций.
4. Пресса и книги.
5. Нам пишут (с № 4/5 за 1980 г.).
6. Объявления. Извещения.
7. Языковая консультация (с № 2-3/3-4 за 1980 г.).
8. По просьбе читателей (с № 5-6/12-13 за 1981 г.).

Особой рубрикой является "Сто десять лет со дня рождения В.И. Ленина", где публикуется доклад президента Правления АСЭ М.И. Исаева "Ленинская мировая политика и задачи советских эсперантистов". В докладе, в частности, содержатся ответы на вопросы: Что такое эсперанто? Каково отношение эсперанто к живым (этническим) языкам? Каковы перспективы и текущие цели эсперанто? Каковы актуальные задачи советских эсперантистов? (2-3/3-4 за 1980 г.).

В некоторых номерах имеются директивные статьи, разъясняющие миролюбивую политику Советского государства, печатаются воззвания и обращения. Особое внимание уделяется развитию движения породненных городов, разъясняются цели и задачи Всемирной федерации породненных городов, помещается текст Соглашения о сотрудничестве между эсперанто-клубами городов-побратимов Сочи (СССР) и Римини (Италия) (5-6/12-13 за 1981 г.).

Подробно освещается работа Правления и Президиума АСЭ: разработка проекта Типового положения о клубе, участие на международных форумах, изучение деятельности и накопление опыта работы местных клубов и т.д.

Рубрика "Международные встречи" сообщает о конгрессах, конференциях и слетах за рубежом, в том числе об участии советских эсперантистов в конгрессах Всемирной Эсперанто-Ассоциации и Всемирной эсперантской молодежной организации и заседаниях Всемирного движения эсперантистов за мир.

Рубрики "Деятельность местных организаций" и "Нам пишут" показывают на материале местных корреспондентов, как ведется интернациональная работа, самодеятельность, переписка, какие организованы слеты, экспозиции. Часто пишут о деятельности Клуба интернациональной дружбы (КИД) "Эсперанто" г. Самарканда, Узбекской ССР. Имеется интересная информация о творческих слетах "Лири" (Урал) и "Муза" (Вильнюс), о переводче-

ских конкурсах Украинского филиала АСЭ.

Освещается деятельность эстонских эсперантистов: работа Эстонского отделения АСЭ и его секций (молодежной, научно-технической, педагогической), отдельных клубов. Э. Эрнито в статье "В Тартуском клубе эсперантистов" пишет о деятельности нашего городского эсперанто-клуба, подчеркивая его творческие связи с Ленинградским эсперанто-театром (2-3/9-10 за 1981 г.).

В рубрике "Нам пишут" помещаются письма зарубежных эсперантистов, содержание которых в основном касается приложений еженедельника "Moscow News" на эсперанто.

В рассматриваемых номерах ИБ более 20 статей и сообщений, затрагивающих интерлингвистику и эсперантологию. Так, 14-я встреча представителей организаций эсперантистов социалистических стран (16-22 апреля 1981 г. в г. Прешове, Чехословакия) подчеркнула важность стимулирования и активизации интерлингвистических и эсперантологических исследований, создания отраслевых и терминологических словарей на эсперанто (4/II за 1981 г.). При научно-исследовательском институте прикладной математики и кибернетики Горьковского университета группа лингвистов-эсперантистов работает над частотным словарем эсперанто (обработано 200 тыс. словоупотреблений).

Имеется информация о международном семинаре "Социально-политические аспекты эсперанто-движения", состоявшемся 18-24 ноября 1979 г. в Бад-Заарове, ГДР (1/2 за 1980 г.), студенческих конференциях и семинарах по интерлингвистике и эсперантологии (например, о VIII студенческом интерлингвистическом семинаре в Польше), о Международной ассоциации кибернетиков, которая с 1980 г. в качестве официального языка наряду с английским и французским языком использует эсперанто (2-3/9-10 за 1981 г.). Примечательно, что на IX Международном конгрессе по кибернетике из 100 докладчиков 44 выступили на английском, 29 - на французском и 27 - на эсперанто; международный журнал "Кибернетика" планирует давать резюме статей на эсперанто. Статья М.И. Исаева "Всемирный форум по проблеме 'Язык и город'" знакомит нас с работой бакинской конференции Всемирного центра информации о двуязычном образовании Всемирной федерации породненных городов. Известные ученые коснулись также интерлингвистических проблем (5-6/12-13 за 1981 г.). Интересная информация дается о III Международной конференции медиков-эсперантистов в Болгарии (1981).

Б. Колкер в статье "Лев Толстой и международный язык" (5-6/12-13 за 1981 г.) анализирует взгляды великого писателя на международный язык. В сообщении из Вильнюса говорится, что в Вильнюском госуниверситете им. В. Капсукаса для студентов филологического факультета введен обязательный полугодовой спецкурс по интерлингвистике и эсперантологии (5-6/6-7 за 1980 г.).

Ценность ИБ состоит, помимо прочего, и в том, что он является своеобразной хроникой эсперантского движения в СССР.

Pri "Informa Bulteno" de ASE

Madis M. Linnamägi

La kreita en marto 1979 Asocio de Sovetiaj Esperantistoj (ASE) funkcias en kadre de Unuiĝo de Sovetiaj Unuiĝoj pri Amikeco kaj Kultura Ligo kun Eksterlando - SSOD (103009, Moskva, prospekt Kalinina, 14). Ĝi eldonas ofsete sur unu presfolio ruslingvan "Informan bultenon", eldonkvanto 500 ekzempleroj. Aperintaj 16 numeroj (11 kajeroj) respegulas agadon de Est-raro kaj Prezidio de ASE, donas informon laŭ temoj "Internaciaj renkontiĝoj", "Agado de lokaj organizoj", "Gazetaro kaj libroj", "Oni skribas al ni", "Lingva konsultiĝo", "Laŭ peto de legantoj", "Anoncoj, sciigoj". Troviĝas informo pri gravaj internaciaj renkontiĝoj, konferencoj, kongresoj, pri lokaj Esperanto-klubo kaj ties aranĝoj kiel konkursoj-renkontiĝoj "Liro" (Miass, Ĉeljabinsk) kaj "Muzo" (Vilnius), same pri Esperanto-Klubo de Tartu kaj ĝiaj ligoj kun Leningrada Esperanto-Teatro.

Bulteno informas pri interlingvistikaj kaj esperantologiaj konferencoj, pri esplora laboro, pri uzado de Esperanto en internaciaj organizaĵoj.

Содержание

Предисловие редактора	3
<u>Дуличенко А.Д.</u> Акад. П.А. Аристе и интерлингвистика ...	6

Теоретические проблемы интерлингвистики

<u>Кузнецов С.Н.</u> О предмете и подразделениях интерлингвистики	15
<u>Корнилов В.А.</u> Лингвострановедческая теория слова и апостериорные языки	38
<u>Лихтгейм А.М.</u> Языковые универсалии как основа построения планового языка (I)	50
<u>Дуличенко А.Д.</u> Интерлингвистика	68

Интерлингвистические аспекты естественных языков

<u>Климчук Ф.Д.</u> Некоторые вопросы распространения языков в иноэтнической среде	94
<u>Доренко С.Л.</u> Языки в международных организациях	108
<u>Нигтекунд, Я.</u> Sur le parler creole d'Haïti	124
<u>Солодухо Э.М.</u> Об отдельных аспектах установления интернационального в сфере фразеологии (на материале языков славянской, германской и романской групп)..	146

Из истории интерлингвистики

<u>Григорьев В.П.</u> Лети, созвездье человецье... (В.Хлебников-интерлингвист)	153
<u>Хромов В.И.</u> Лев Толстой и вопросы международного вспомогательного языка. (По материалам личной библиотеки писателя в Ясной Поляне)	167
<u>Кукк Т.Э.</u> Об одном забытом периоде движения за международный язык в Эстонии в XIX веке (волапк в Эстонии)	177
<u>Эрнште Э.К.</u> О деятельности тартуского академического клуба эсперантистов	187
<u>Линнамяги М.М.</u> Об "Информационном бюллетене" АСЭ	195

Enhavo

La antaŭparolo de redaktoro	3
<u>Duliĉenko A.D.</u> Akad. P.A. Ariste kaj interlingvistiko (resumo en Esperanto)	6

Teoriaj problemoj de interlingvistiko

<u>Kuznecov S.N.</u> Pri la objekto kaj la subdividoj de interlingvistiko (resumo en Esperanto)	15
<u>Kornilov V.A.</u> La lingvolandoscia vortteorio kaj la aposterioraj lingvoj (resumo en Esperanto)	38
<u>Lifŝtejn A.M.</u> La lingvaj universaloj kiel bazo por la konstruado de plana lingvo (I)	50
<u>Duliĉenko A.D.</u> La interlingvistiko (resumo en Esperanto)	68

Interlingvistikaj aspektoj de la naturaj lingvoj

<u>Klimĉuk F.D.</u> Kelkaj aspektoj de disvastigo de la lingvoj en fremdetna medio (resumo en germana l.)....	94
<u>Dorenko S.L.</u> La lingvoj en internaciaj organizaĵoj (resumo en Interlingua)	108
<u>Nurmekund P.</u> Pri la kreola lingvo en Haŭti (en franca l.; resumo en rusa l.)	124
<u>Soloduĥo E.M.</u> Pri apartaj aspektoj de evidentigo de la internacieco en sfero de frazeologio (sur la materialo de slavaj, ĝermanaj kaj romanaj lingvoj) (resumo en angla l.)	146

El la historio de interlingvistiko

<u>Grigorjev V.P.</u> Do flugu, la stelar' de l'homoj ... (V. Hlebnikov - interlingvisto) (resumo en Esperanto)	153
<u>Hromov V.I.</u> Leo Tolstoj kaj demandoj pri internacia helpa lingvo. (Laŭ materialoj de la persona biblioteko de la verkisto en Jasnaja Poljana) (resumo en Esperanto)	167
<u>Kukk T.E.</u> Pri unu forgesita periodo de movado por internacia lingvo en Estonio en XIX jc. (Vola-pük en Estonio) (resumo en Esperanto)	177
<u>Ernits E.K.</u> Pri la agado de Akademia Esperanto-Klubo en Tartu (resumo en Esperanto)	187
<u>Linnamägi M.M.</u> Pri "Informa bulteno" de ASE (resumo en Esperanto)	195